

L U D V I G N O R M A I E N

КРЫСОЛЮД

Annotation

Он не помнит кто он и как он оказался среди гигантских разумных крыс. И пока ему это совсем не нравится...

Начало.

Мощные створки подались в стороны, открывая бассейн, в котором скрючилось тело чудовища.

— Хррр, ну вот получите! Оно дрожит! Оно живо! — произнёс один из стоящих, почёсывая лапой шелушащийся нос.

— Оно дрожит, оно умирает, псс! — пропищало другой, пританцовывая на месте.

— Оно не то, что мы хотели получить! Старый клан нам соврал! Схемы не верны, не верны! Ресурсы потрачены зря, зря! — добавил третий, злобно поглядывая на четвёртого.

— Уймись! Оно сдохнет, если его не вытащить! Он слишком слаб! — добавил ещё один, грызя когти. — Но да-да, что-то было напутано... И оно светлое, может это...?

— Они не такие! Не такие! Но мы посмотрим! Мы посмотрим и решим, кто оно и как нам может пригодиться! Эй, тварри, рабы, лезьте вниз и достаньте тело, пока оно не сдохло! Мы заново, заново его переделывать не будем!

В тот день, когда я очнулся, то слабо понимал, где я и кто я. Странная обстановка подземной ржавой, зеленоватой гнилостной лаборатории, и самое странное — это окружающие меня существа. Выглядающие как прямоходящие крысы, с нацепленными приборами и в странной одежде, они пугали одним своим видом.

Но это я ещё не видел себя. Когда меня, которого корежило от дикой ломоты во всем теле, задыхающегося и выплевывающего сгустки слизи из легких, вытащили из бассейна, я мало что замечал из собственных странностей. А уж их-то хватало.

Тело, по большей части, было покрыто короткой серой шерстью, кисти рук (или скорее лап) покрыты костяными наростами на костяшках, а пальцы оканчивались коротким, но толстыми когтями. Ноги оканчивались несоразмерно большими заросшими ступнями, лапами с острыми когтями. Когда меня скинули в помещение, в котором я провалялся несколько суток, приходя в себя, то ощупав своё лицо, понял, что это уже скорее морда. Острые небольшие уши, немного вытянутый вперед череп, острые клыки... Я не знаю, кто я, но у меня не было такого, не было! Для полного комплекта присутствовал хвост. Но не такой, как у тех, кто меня тащил. Вот они то крысы так крысы. И хвост у них такой себе типичный — голый, тонкий и длинный. Чем-то похожий на дождевых червяков. Но это у них. А у меня не менее длинный, но покрытый роговыми пластинками, чем-то напоминающий даже ящерицу. Но самое странное — я вполне его чувствовал, я им мог управлять как рукой и это было очень странно.

Очень странно это было и потому, что для меня это было новым чувством. Как будто у меня такого набора не было. Я ничего о себе не помнил, но всё вокруг было слишком странным и непонятным, пугающим.

Особенно то, что я мог оказаться на месте своих соседей, которых я рассмотрел, когда немного пришел в себя. Наша камера, ответвление пещеры, была неким отстойником для экспериментов крыс, удачных и не совсем. Подыхающая в углу помесь крысы и ящерицы. Его собрат — у которого не сформировались ноги и он ползал по пещере на руках, постоянно визжа, из-за чего выходил из себя прикованный к стене здоровый, в полтора моих

роста, голокожий и тощий крыс, который даже в темноте пещеры, освещаемой только растущим светящимся мхом, был тем ещё страшилищем. Эти лабораторные здоровенные крысы пытались скрестить своего собрата с птицами, вшивали в них шипы, скрещивали с псами, людьми. У одного вместо лапы был хватательный металлический крюк, другому пытались вместить какой-то резервуар с кислотой, чтобы он мог плевать ею, но она лопнула, растворив часть его тела. Не все тут были производными от крыс — были монстры, которых и описать трудно, но и мало ли что могло померещиться в этом тусклом свете, особенно в дальних о меня углах, шевелящихся на темных камнях и гнилой траве, в которую все пытались зарыться, чтобы немного согреться. Такой своеобразный отстойник для экспериментов. Удачных или нет. Только вот я в какой категории?

Неизвестно, долго ли приходил в себя, но очнуться и попытаться осмотреться заставило чувство голода. Сосущее чувство в желудке и чувство, будто способен сожрать любого из присутствующих, если больше ничего не найдется. Причем, пока валялся в беспомощности, кратковременно приходя в себя, то видел, как затаскивали крысочки какую-то еду, жадно пожираемую находящимися. Первый раз я пропустил это действие. Но как только они затащили через какое-то время ещё что-то, я тоже неуверенно поднялся и пошёл ко всем, выползающим из своих укрытий, чтобы насытиться. И, пробираясь, чтобы увидеть и ухватить свой кусок, упустил важную вещь — тут была своя чёткая иерархия. Каждый дожидался своей очереди. На полу лежала туша какого-то животного. Сырое мясо с кровью вырывалось когтями какого-то крысоволка, но мне было всё равно. Сырое — ну и ладно! Потянувшись к куску мяса, я пропустил тот момент, когда крысоволк заверещал и полоснул меня когтями по морде, а затем, раскрыв свою немалую пасть ещё укусил меня, обескураженного такой неожиданной агрессией в ногу. Рядом зарычали все остальные мутанты, агрессивно поглядывая. Пришлось отойти и дожидаться своей очереди, которая настала тогда, когда от туши большого парнокопытного остались лишь редкие клочки мяса на костях. С жадностью подобрал их. В голове прочистилось, появились осмысленные мысли. Кто же я? И где я? Что я здесь делаю? Это не моё! Это не моё место! Но это была не истерика, нет. Это было желание вспомнить. Пройдя по логической цепочке воспоминаний дойти до того места, чтобы осознать, кто я такой. То, что я не крыса, я сразу как-то ощутил. Не мог я быть таким, и всё тут.

Мяса наесться не хватило, и уже к следующему приходу разносчиков еды строил планы, как отобрать свой кусок мяса, но мне помешали. Пришли крысы — служители, в своих заляпаных всевозможными пятнами балахонах и увели меня вновь в ту лабораторию, где я валялся ванной. Только вот ещё надели предварительно цепи, за один конец которой меня и повели. Зачем такие предосторожности?

Это стало ясно чуть позднее.

— П-привязали? П-проверка организма, один.

Один из этих здоровых крыс, вытащил откуда-то с угла железный штырь и вогнал мне его в бедро.

— Ааааа!!! Ааа!!! Больно! Вы что творите?! — орал я.

Вытащив штырь, толпа крыс в очках внимательно смотрели на рану.

— Солгали, солгали нам...

— П-проверка организма д-два!

Разряды тока, прошедшие организм, выгнули тело дугой. Все мышцы свело сплошной мучительной судорогой. Потом выключили и внимательно рассматривали меня

— Солгали, солгали нам... — пищали одни.

— Тот беглец врунишка, наглый врунишка. — вторили им другие.

— Съесть. Съесть, надо его съесть, чтобы неповадно было... — добавляли третьи.

Чего они хотели добиться от него было не понятно, а на вопросы не отвечали. Ещё через несколько «проверок» я отключился. Пришёл в себя опять в их сырой и холодной пещере. И пришёл в себя в таком ощущении, что вот ещё чуть-чуть и помру. Встав и хромая, подошёл к стене, по которой сочилась влага. Набрать её в ладони не было возможности, потому, испытывая отвращения от мысли, что кто-то из крыс так же делал до него, начал слизывать эту влагу. Стало немного легче. Завалившись на одно из свободных мест, дышал и втягивал в себя запахи. Запахов было множество: кровь, гниль, брожение, боль, трусость... Трусость? Трусость имеет запах? О да... Принюхался внимательнее, пытаюсь понять, откуда идёт запах. Вонял один из его ближайших соседей. Тварюга косилась на него и отчаянно боялась. «Меня бояться? Но я же никого и не тронул!» — думал он про себя. Но представив себя со стороны, подумал — да, наверняка то ещё чудище. Перепачканный в крови, голодная слюна течёт с клыков. «А может действительно... Мясо, оно и есть мясо..» — внимательнее присмотрелся я к соседу. Но тот, почуяв нездоровое внимание, шустро заковылял в темноту, подальше.

Я стал принюхиваться дальше. Ещё пахло силой и агрессией. Несколько особей не боялись ничего и никого, они наоборот ждали момента, когда можно будет пустить в ход свои клыки, шипы, лезвия. Но их было не так много.

А ещё пахло служителями. Теми самыми, что им приносят еду.

«Если я сейчас не поем нормально, то скорее всего сдохну» — ясно представил себе. Его, ослабевшего, загрызут ближайшие же соседи, потому как еды явно не хватало на всех. Я уже слышал несколько раз, как в глубине пещеры раздаётся грызня и хрипы умирающих. Если такое услышал даже один раз, то ни с чем не перепутаешь.

Когда служители зашли и вновь притащили какую-то тушу, самые сильные и агрессивные первыми стали отрывать себе куски. Внимательно следивший за ними, я подождал, пока они отошли, а потом нахрапом влетел в толпу, собрав все силы, которые у него ещё оставались. Рычание, когти, кто-то укусил меня за ногу и я, не глядя, полоснул когтями по сторонам. Снизу под ногами кто-то вроде ящерицы — мощным пинком откинуть его подальше, хвостом хлестнуть по глазам зеленоватую лопаухую крысу. Полурык, полушипение, издаваемые мною сейчас, были, наверное, страшны. Любое существо, чуя свою гибель, готово идти до конца и многие это чувят. Повизгивая, рыча в ответ, они отошли, дав мне вырвать свой кусок и отойти в сторону.

Так и пошло — когда приносили еду, я занимал свою очередь, порой дерясь с некоторыми особями. Но поправляться окончательно не успевал — его забирали на очередные опыты учёные крысы, добиваясь неизвестной реакции. Меня прижигали, обкуривали удушающим дымом, били током, резали кожу и совершали другие действия. От этого зверел и порой пытался освободиться, сделал даже попытку напасть на, в очередной раз зашедших за ним, крысюков. Но у них наготове были раскладные дубины, каждый удар которой был шоком для организма и его все равно, даже в полубессознательном состоянии тащили в лабораторию. От всего этого лишь становился злее и накапливал тот счёт, по которому требовалось расплатиться сполна. Но эта злость на жестоких крыс даже помогла ему в получении своей доли пищи. Выплёскивая в коротких сватках с другими мутантами (а кто он такой, если не мутант?) я получал всё большую долю, уступая лишь нескольким тварям, к которым даже не знал как подступиться.

Всё закончилось одним днём — или ночью, когда за дверями, которые отгораживали их пещеру-отстойник от ходов этого поселения крыс, раздался грохот, сотрясший пещеру и началась непонятная суeta и шум. Хотя крысы перемещались и тихо, но всё равно слышишь шорох их лап, хвостов, частей амуниции по стенам, и можно сделать вывод, что там сейчас многие сотни перемещаются бегом по этим узким коридорам. Все, повернув свои головы к дверям, ждали, что же случится далее. И через какое-то время дождались. В темноте раскрылась дверь, через которую гигантские крысы в доспехах вбегали, скручивали тех, кого могли и уводили, а за тех, кто им был не под силу, взялись учёные твари (как он их стал называть) с шокowymi дубинами и крысы с хлыстами, которые на цепи вытаскивали ярившихся монстров в коридор. Выведя их на один из перекрёстков ходов, одну из крупных тварей приковали к стене, а остальных повели далее. И далее, через определённые промежутки, так и стали поступать — приковывать крупных мутантов, ведя нас, более мелких по сравнению с ними далее. Так продолжалось, пока крупных всех не приковывали, а нашу толпу не вывели в один из подземных залов, со свисающими с потолка сталактитами. Здесь валялось грудой разное барахло — кривые и старые дощатые щиты, ржавые мечи, тесаки, топоры, алебарды, вужи и прочее колюще-режущее оружие.

— Братъ-братъ оружие! — скомандовал один из погонщиков, и все потянулись разбирать этот завал. Решив, что оружие всегда пригодится, даже отомстить своим мучителям, направился воняющему завалу. Поворошив кучу, вытащил оттуда и стёр плесень с метрового зазубренного тесака, достоинством которого было в том, что сделан он был из толстого железа и не успел прогнить, хоть и был немного зазубрен. Далее из груды щитов выбрал небольшой круглый щит из набитых досок, с ляжкой, который надел на левую руку. А так как ляжка щита плотно села на кисть, то взял ещё и первый попавшийся небольшой топорик в левую же руку. Пригодится. Была бы одежда, пояс, то можно было бы и нож какой взять. Щит дерьмо, но может хоть от одного удара прикроет или его можно будет просто кинуть во врага. А то, что нас ведут не кормить, это становилось всё яснее. Или кормить, но не нас.

Часть мутантов вовсе ничего не взяла, лишь размахивали своими когтями и обнажали клыки, показывая что и так вполне вооружены. Поведя нас дальше, мы постепенно объединялись с такими же отрядами — ужасно выглядящими мутантами, вооруженными чем попало и толпами тощих крыс, вооруженных кривыми копьями, одетых в полусгнившие доспехи (на моих глазах один червяк вылез на дырке из кожаной кирасы и тут же был отправлен в пасть её хозяина) беспрестанно пищащих. Сливаясь все вместе в сплошной вал, мы вывалились в огромный зал, в который выходил выходы множества туннелей. Здесь скопилось огромное количество крыс, вываливающихся со всех сторон.

А ещё здесь кипел бой! Из нескольких ходов выходили вражеские воины. Я уже разучился, казалось бы, удивляться, насмотревшись на обитателей нашего отстойника и пещер вообще. Но тут было нечто. Против нас воевали прямоходящие ящерицы. Их было несколько видов и каждый сражался по-своему. Одни, вооруженные костяными (вроде бы) мечами и щитами, рослые и зеленокожие, с мощными костяными гребнями на головах, стояли в несколько рядов, немного возвышаясь над тёмной массой крыс за счёт своего роста и образовав стену щитов, сдерживали натиск толп. За ними, более тощие и мелкие синекожие ящеры забрасывали образовавшиеся море крысюков короткими копьями и просто камнями. Каждый их бросок был отмечен чей-то яростным писком, предсмертным или просто яростным, так как промахнуться тут было просто невозможно.

Третьи были летающими остроносими тварями, плюющими с высоты потолка, под которым они кружились. Капли этой слюны, как кислота, разъедали защиту и прожигали мышцы и кости. Четвёртая группа — жабовидные, толстые и неповоротливые, как казалось, в красно-жёлтых халатах, стояли за спинами своих сражающихся бойцов с посохами и время от времени они протягивали их к ним и сияние окутывало бойцов, отчего их мечи быстрее опускались на черепа крыс и разваливая тела. Время от времени с их посохов били молнии в гущу крыс, поджаривая их сразу десятками.

— Завры! Враги-враги, убить-убить! — пищали наши провожатые, поднимая знамена с намалёванной на ней головой или черепом крысы, увенчанной острыми рогами, показывая на ящериц. Посмотрев, как эти мясники перерабатывают орду крыс, соваться мне туда совсем не хотелось. Да ради чего? Умереть тут за своих мучителей? Да вот ещё! Но выхода видно не было. Всё пространство было забито, а сзади стояли надзиратели, готовые подтолкнуть в бой наконечниками копий, которыми они ошетинились и ударами хлыстов. Да и эти ящерки, если победят, не думаю что будут лояльно относиться к местным жителям, к которым мне пришлось отнести себя. Тихий и мирный житель! Похоже, они просто пришли выжечь это место.

В этот момент на один из каменных карнизов на поле боя выползли несколько крыс, держа в лапах какой-то агрегат, который, окутавшись зеленоватым свечением, какой был и в лаборатории, начали поливать из него сгустками зеленого огня стену чешуйчатых завров. Каждое попадание убивало завра-воина на месте, быстро создав в их стене просеку свободного пространства, в которую хлынули крысы. Из туннеля за моей спиной выбежал очередной отряд, подхватив потоком и меня, неся в эту брешь. И в этой суматохе оказалось так, что вот уже морда к морде оказался с отрядом копьеметателей, взявших в руки дубины и вступивших в ближний бой. Для меня это оказалось неожиданностью, но ударили мы одновременно — я ткнул его остриём тесака под рёбра, тогда как он же врезал дубиной по левому плечу, прикрытому щитом. Щит треснул, но защитил, а вот его ребра ему не помогли, так как остриё раздвинуло их и углубилось во внутренности ящерицы, усугубляя рану выщербленными краями.

Но на этом мои успехи закончились, потому как следующий ящер так двинул меня своей дубиной, что улетел в толпу крыс. И тут же несколько «жаб» пустили волну пламени со своих посохов по бегущим через прорыв крысам, поджигая их десятками. И эти твари, нет бы умереть сразу, с визгом оборачивались и бежали назад, поджигая мех у других, уцелевших крыс. Вал атаки на этом направлении захлебнулся. А я только и успел броситься за ними, спасаясь из-под ударов ящериц. Следующий удар жаб ударил по тем крысам, что метали зелёное пламя, мощной молнией поджарив их. А потом, закричав речитативом какое-то заклинание, они совместно ударили по группе крыс, что по видимому руководила сражением. Мощнейший взрыв разорвал многих из них в куски. Но сотрясая помещение волна не прошла незаметно для целостности пещеры: некоторые сталактиты начали падать, в частности, раздавив одного из магов ящериц, не успевшего отбежать.

Истребление крыс продолжалось — мечи завров методично вырубали плохо защищённых тварей, но при этом и сами несли потери, за счет того, что на одного завра приходилось с фронта по нескольку крыс. Но вот потеря командования отразилась на крысах не очень хорошо. Новые отряды не подходили, начал всё сильнее чувствоваться запах страха, что буквально растекался по пещере. И тогда, после очередного удара, на сей раз в виде облака, что растеклось над крысиной армией, которое опустилось и вдохнув его каждый из

крысюков начинал в судорогах биться, крысы стали разбегаться. Уж слишком безнадежно стало их сопротивление. Лишь некоторые из мутантов в неистовости бросались на ящериц, не заботясь о своей жизни, но стараясь лишь прикончить как можно больше врагов.

Подземелье.

Тут уже разум у меня отключился. Что происходило дальше помню лишь урывками, так как накрыла мощная волна коллективной паники. Вместе со многими крысами и мутантами бегу по узким ходам, натываясь на неожиданные повороты и стараясь не отстать от всех. Вот проскальзываю в щелочку возле здоровенного крокодилоподобного мутанта, прикованного на очередном перекрёстке и заглатывающего мелкого крысёныша. Треск и в паре отнорков потолок падает на пол, раздавливая всех, кто успел туда зайти. Бег, бег, бег. Я был быстр, опережал, откидывал с пути, но в конце меня это и подвело — я был первым, когда путь закончился расщелиной, где ещё недавно мы вроде проходили, и уже не успевал затормозить, а лишь стиснув зубы отталкиваюсь, в надежде зацепиться за противоположный край хода. Тесак летит вниз, когтями пытаюсь зацепиться... Но не хватает расстояния, промахиваюсь и скольжу по камням вниз, обдирая кожу и обламывая когти.

Хоп! Вроде трещина, останавливаюсь, но камень крошится, не выдерживая мой вес и вновь падаю вниз... Бесконечное падение, которое закончилось смачным ударом по ногам и копчику, утащившим сознание в окончательную темноту.

Как же неудобно лежать на острых и холодных камнях. Со стоном пошевелился.

— Жив ли я? Что по мне ползает? Таракан? Слушай, я ещё жив, в вот ты такими темпами будешь сейчас мёртв. Ничего не вижу... Темнота такая, что хоть глаз выколи. А может их у меня и нет? Тьфу, хватит паниковать, глаза на месте. — Ощупав лицо, доложил я сам себе. Но вот в процессе ощупывания стало ясно, что рукам досталось сильно — несколько когтей обломаны под корень, буквально выломаны. А ещё руки... Да, лапы, лапы стесались до мяса, пока пытался затормозить об стену. А ещё не чувствую ноги. Вообще. Они как чужие — большие и холодные.

Новая волна паники начала подниматься?

— Ррр, оказаться неизвестно где, да ещё переломанным... Повезло, сука, так повезло!

Но потом почувствовал боль, которая накатила волной и начались дикие покалывания. Но на душе стало легче.

— Фух... Отлежал. Это же сколько я тут провалялся?

Ну да, чего спрашивать, кто бы мне тут ответил. Дождавшись, пока ноги придут в относительную норму, опираясь на камни, привстал. Болела тощая задница, спасшая во время падения и голова, которой всё-таки, судя по всему, досталась своя встреча с породой. Подташнивало.

— Пустая порода и пустая голова, прям созданы друг для друга...

А ещё опять дико хотелось есть. Нет, не есть. Жрать. ЖРАТЬ. То тошнотное сырое мясо, которое нам выдавали в пещере, сейчас казалось не таким уж и плохим. Ну сырое и сырое. Зато мясо. И подумаешь, что за него тебе ещё шкуру порвут. Мелькнула мысль, что надо бы найти обратно ту пещеру, может время кормёжки скоро...

— Эй, ты чего, придурак, на цепь и на опыты захотел? — к самому себе обратился я. — Тут на свободе ты сам можешь выбирать что есть!

— А где это «тут»? Среди камней? Где ничего не видно? А есть ли тут хоть что-то? И есть ли отсюда вообще выход. — тот «я», к которому обратился, попытался ответить.

— Ну вот, пока мы даже не знаем, есть ли отсюда выход, так что заткнись.

Поговорив сам с собой и выяснив для себя главные приоритеты — еда и где тут выход наружу — попытался всмотреться в окружающее. Вообще, он уже давно в их отстойнике заметил, что даже без света можно было неплохо ориентироваться. Кое-где на стенах светелися то ли мох, то ли такой лишайник. Срывающиеся с камней капли, журчанье меж глыб камней ручейка, отражающиеся звуки — всё это немного помогало ориентироваться. Опираясь на камни, поскальзываясь на мокрой грязи, он чуть пару раз чуть не разбился, но сумел добраться до мелкого ручейка и напиться ледяной до ломоты в зубах воды. Немного полегчало. Вскарabкавшись чуть выше, он попытался обследовать немного место, где он оказался. Главной целью тут было найти стены, по которым он скатился и попытаться по выступам вскарabкаться выше. Там точно есть какая-то еда и всё же любопытно, кто победил в состоявшемся сражении этих прямоходящих крыс и ящериц.

Наткнувшись на одну из стен, и пройдя вдоль неё, ему повезло — почуяв запах крови он сделал пару шагов сторону и сперва наткнулся на труп ящера. Затем, ещё двух шага, трупы пары крыс. Быстро их обыскав, он не нашел никаких припасов. Проклятье!

Крысы лежали плашмя, так и упав на груды камней, раздробив себе множество костей. А здоровый ящер упал головой вниз и теперь его тело приняло странное положение, как будто бы он хотел заглянуть сам под себя. В голове при этом не осталось ни одной целой кости.

Из полезных вещей можно было использовать лишь те, которые нашлись у ящера. Широкий пояс с несколькими квадратными кожаными кармашками, в которых лежали какие свертки с порошками и к которым были прицеплены несколько крючков, а также по паре широких и несколько узких лент, которые прикрывали паховую область и зад, но при ходьбе мотылялись по сторонам, мешая.

— И как они в этом ходят? — сцепив крючками пояс на талии, бормотал я себе под нос. — Зато никто не перепутает, что я мужчина, если буду быстро бежать. Или всё же сделать что-то типа юбки?

Но крысиные балахоны так воняли, что даже не захотел к ним притрагиваться. Но обыскать всё же обыскал. Из оружия отыскался лишь короткий, но широкий, в ладонь, нож с костяной рукояткой. Ножен к нему не было, и поэтому его постоянно приходилось держать в руках.

Он уже хотел попробовать остроту ножики на мясистом бедре мертвого ящера, но силой воли взял себя в руки. Разумных есть — это практически то же самое каннибальство. Он не помнил, почему это плохо, особенно сейчас, в очень, ОЧЕНЬ, голодном состоянии. Но помнил. А потому пообещав себе, что если уж ничего из еды не найдёт, то обязательно навестит это место, пошёл исследовать дальше.

Кучи камней то поднимались, то опускались, но нигде не было такого места, по которому можно было вскарabкаться что на одну стену, что на другую. Зато он обратил внимание на тех, кого он увидел, когда очнулся. Тараканы. Большие, размером в пару ладоней, они бегали у святающегося мха (или лишайника, да) оп своим делам, я не схватил одного и немного подумав о том, можно ли их есть, ощущая, как он шевелит лапами, пытаюсь вырваться. А потом просто вырвал с корнем одну из лап и стал жевать. На вкус оказалось совсем неплохо. Вернее, даже так — ожидаемого мерзкого вкуса не оказалось. А вот разломав его пополам, ощутил такую вонь, что пробовать внутренности не захотелось несмотря даже на жуткий голод. А потому выбросил эту тушки и поймал ещё нескольких, вырывал у них пучком лапки и закидывал в пасть, похрустывая.

Но этого всё же было мало. Требовалось что-то более существенное. Он направился назад, откуда пришёл, убеждая себя, что всего лишь пойдёт в другую сторону, и даже не посмотрит на ту гору сочного мяса, что только приняла форму ящера.

Уже подходя, его что-то насторожило. Принюхался. В воздухе появился какой-то новый запах. И гораздо сильнее пахло кровью. Замер. Запах. Станный, странный запах...

В том месте, где ранее лежали трупы. Что-то серело. Ещё пару шагов поближе... И один из бульжников проваливается вниз, к ручейку, увлекая за собой ещё несколько. От грохота камней и последовавших за ними мелких камешков в гулком подземной пространстве, наполненное до этого практически тишиной, заложило уши.

Я уже приготовился к тому, что какая бы тварь это не оказалось, встретить её рывок во всеоружии. Выставив нож навстречу и припав к земле, я ждал. Но оно, чем бы не оказалось, лишь плавно стало приближаться ко мне, лишь быстро пощёлкивая.

— Ого... — лишь выдал я, когда хоть как-то в этой темноте стали просматриваться силуэты того, что было уже вблизи меня. Продолговатое двухметровое тело, возвышавшееся на множестве тонких ножек, прикрытое пластинками брони и полное отсутствие головы. И откуда оно на меня смотрит? Не дожидаясь того, что страшилище первым предпримет какой-то шаг, цепляясь за камни я сделал рывок в сторону, смещаясь от её движения и попытался вскрыть ей бок одним мощным ударом ножа. Но эта тварь оказалась быстра и не дала мне этой возможности, быстро развернувшись и кончик лезвия зацепил лишь край её тела, но не нанеся, по видимому, никакого вреда. Ответным ходом было то, она как-то изогнулась, её тело стало вертикально, а из разошедшегося в стороны брюшка во все стороны брызнула какая-то вонючая жидкость, запах которой я и почувствовал ранее. Я ещё двигался по инерции, и не получилось с разу из-за камней увернуться и частично эта гадость попала и на меня — особенно досталось многострадальным ногам. И если я поначалу не обратил на это никакого внимания — ну не клейкая обездвиживающая же паутина это оказалось, то вот уже через небольшой промежуток времени, когда я думал, как бы половчее расправиться с ней, места, куда попали капли, стало жечь! Да ещё как! Уххх, как будто над огнём держат! Тварь! И еле успел спрятаться за камнем, когда следующая порция вылетела из её брюха.

Попытка оттереть место ожога привела к тому, что жечь стало и ладони. При этом ещё чуть не выронил нож. Тварь! Тварь! Тварь! Мало того, что решила съесть тут всё, так ещё и не разобравшись нападает на всех! Думает она тут самая сильная! Что она здесь хозяйка! Что она сможет и его съесть! Ну, это мы сейчас посмотрим!

Слыша по щёлканью, которое издавали то ли пластинки на её теле, то ли лапки при ходьбе, что она уже где-то за камнем, за которым я спрятался, стал действовать. Посмотрим, так ли она хорошо смотрит вверх! Одним рывком взлетев на этот громадный бульжник, прыгнул на сереющие контуры этого существа.

— Что, не таскала ты грузы, да? — прорычал я, чувствую, как лапы её не выдержали дополнительный груз моего тела, и, разъехавшись, её тело впечатывается в камни. Удары ножом в спину ничего не дали — пластинки под ударами не лопнули, лишь немного пружинили. При этом тварь активно пыталась встать и чуть не скинула меня.

— А как тебе вот такое? — прижавшись животом к её спине, я обхватил часть её лап и начал тянуть на себя, выгибая их. — Посмотрим, насколько ты гибкая!

Гибкой она была. Но не настолько. Хрустя, лапы стали поддаваться. Видя это, я только ещё больше напрягал мышцы, захватив эти волосатые лапки в подмышки, и уперев колени в спину, сделал рывок вверх, вырывая их.

Тварь при этом не издала ни звука. Видать не слишком приспособлена к общению и налаживанию контактов. Так тебе и надо! Боль в обожжённых ногах только придавала сил. Захватить следующую пару и поднатужившись, вырвать и их. Дело пошло — вскоре осталась лишь одно тело, уже неспособное причинить мне серьёзный вред и под которым растекалась лужа едкой жижи. А я быстрее начал спускаться к ручейку, подвывая от боли в обожжённых конечностях. Ледяная проточная вода на какое-то время заморозила боль и я смог ощутить, что на песте попадания капель кислоты уже обнажились мышцы. А ещё вновь вернулось подзабытое на время этого боя чувство голода. Шипя сквозь зубы. Поднялся выше и подобрался к месту где лежали трупы крыс и ящерицы. Но нашел лишь странные сердящие кучи слизи. Мясо «кипело», пузырилось, стекало с костей. Даже стояться с таким было противно, и данная масса уже ничем не напоминала то, чем оно было до прихода этого... этого... Как его назвать? Кислотник? Плевальщик? Недопаук? Ну пусть будет кислотником. Из-за него у меня теперь опять нечего жрать! Ловить снова тараканов?

Так... Уши уловили далёкий звук. Щёлканье. И вот ещё. Раздававшиеся с одной стороны, звуки подсказывали о том, что этот гад тут бродил не один.

Прошло немного времени и из-за звуков журчания ручейка стали вновь слышны эти пощёлкивания. И они стали ближе. Сталкиваясь с ещё одной, или несколькими сородичами кислотника было совсем не с руки, и шипя, и прихрамывая, я нащупал в темноте несколько обломанных лап подышающей твари, одну сразу перехватив клыками, в левую ещё пару, а в правой удерживая нож. И быстро-быстро похромал в противоположную от приближающихся звуков сторону, туда, куда бежал и ручей, опираясь на руку с ножом.

Двигался, двигался, обходя здоровенные камни, скользя по грязи, пару раз чуть не сорвавшись вниз. И лишь когда показалось, что отошёл от того места достаточно далеко, сел перевести дух на один из камней. Переводя дыхание, грыз лапы кислотника. Оказавшиеся довольной-таки хрупкими для моих жаждущих еды зубов. Представлявшие собой плотные костяные трубки. Заполненные желеобразным белесоватым мясом, они немного меня насытили. Ручеёк скрылся меж камнями, и хоть его ещё было слышно, подойти к нему не было никакой возможности. А следовательно и промыть раны, которые нещадно болели. Некогда рассиживаться, и пора идти дальше. И желательно осторожнее, чтобы не встретить ещё какое-нибудь неизвестное чудище.

Вскоре русей совсем пропал меж камней, а я оказался в длинной каменной кишке, которая извивалась во все стороны, разветвляясь под всевозможными углами. Куда надо было двигаться, было решительно невозможно понять. Старался двигаться по горизонтальному ходу, но он также порой совершал неожиданные повороты. Уже невозможно было идти в полный рост, требовалось идти пригнувшись, а местами приходилось проползать длинные участки на животе.

Приходили дурные мысли: «А что, если впереди тупик? А что, если лаз истончиться до такой степени, что невозможно будет пролезть? А что, если я попытаюсь пролезть и просто застряну, сдохнув здесь от голода и жажды?» И от таких мыслей потолок казался ещё ниже, дышалось тяжелее и лишь мысли о том, что вот ещё немного пройду, а там уж вернусь назад и пойду посмотреть, откуда же приползли те кислотники. Если разберусь во всех этих поворотах.

Я настолько привык к запаху камней, сырости, грязи, что новый запах не сразу сумел различить. Откуда-то несло плотным запахом смерти. Смерти и разложения. Опасные запахи, но моё любопытство и желание найти всё же выход из данного места настолько

были сильны, что определив из какого из боковых ответвлений идёт запах, начал карабкаться выше, цепляясь за камни.

Очень скоро мне удалось взглянуть на причину запаха. Мой лаз привел к узкому «окошку», который выводил в ещё один длинный горизонтальный тоннель. Только если тот, по которому я пробирался, имел искусственное происхождение, то этот имел рукотворное. Или лапотворное. Потому что под сводами, укреплёнными кое-где расставленными столбами, лежали вповалку сотни и сотни крысюков, откуда вообще было видно. А видно тут было лучше, потому что светящийся лишайник тут рос гораздо лучше. Вытянувшись, лежали большие и малые. Скрючившись, огромные самки держали уцепившихся за них крысят. Черношерстные гигантские крысы сидели вдоль стен, навалившись на мечи и алебарды, будто бы охраняя отступление своего народа. Оскаленные пасти, судорожно скрюченные лапы... И то тут, то там, скрывавшие тела облачка зеленоватого тумана.

Этот туман был похож немного на то, что было тогда, в подземном зале города крыс. Интересно, это такая попытка от ящериц уничтожить это гнездо, запустив отравляющие вещества по туннелям? Или что-то случилось в лабораториях, отчего отравляющие вещества уничтожили своих создателей? Интересно, а удалось ли кому-то выбраться? И сколько же всего тут проживало крыс, думал я, глядя на завалы из трупов. А ещё — куда ведёт этот тоннель? И будет ли там опасно? Хотя, что это я — опасно тут везде! Кто бы мне ни попался — добра не жди. Но минус этого пути крыс — ещё много веществ не выветрилось, а ещё запах разложения может привлечь к себе разных опасных существ. Если тут нашлось место для кислотников, то могут быть и другие любители полакомиться как трупами, так и вполне живыми, хоть и не совсем здоровыми и чистыми мутантами вроде меня.

Приняв такое решение, я пополз назад, вернувшись в тот лаз, по которому и двигался. И пройдя по нему ещё немного убедился, что для меня тут пути не будет — слишком уж он истончался. Даже ужом не проползти. Rrrr! Выход был — либо совсем возвращаться назад, либо спускаться в тоннель мёртвых крыс. Гадство гадское!

Ладно, первая опасность — это ядовитый, судя по всему, туман. Если немного подождать, то он может рассеяться. Второе — возможные опасные падальщики. От них пока защищает яд, но если его станет меньше, то и нарваться на них будет вероятность выше. Ну и третье — в туннеле было достаточно тепло, а значит скорость разложения, и запах будет лишь усиливаться.

Но плюс же этого пути — крысы всё-таки к чему-то конкретному. Где-то там, в конце точно есть выход, а вот если вернусь к тому месту, откуда пришли кислотники, то отнюдь не факт что там найду выход. Ладно. Чем больше жду, тем меньше шансов выбраться. Голод никуда не делся, а к нему добавляется и жажда.

Вернулся к «окошку» на вид крысиного геноцида. Если я спрыгну туда, то подняться уже вряд ли сумею. Ну, будь что будет!

Под «окошком» как раз не было ни мертвых тел, ни тумана, а потому кое-как развернувшись в своём лазе, отталкиваясь и цепляясь руками вытолкнул себя наружу, упав на мелкую раздробленную горную породу, что была тут в качестве пола.

Дааа, запах тут был ещё сильнее. Уже почти сразу пожалел, что полез сюда. Но назад пути нет. И выбрав сторону, в сторону которой лежали крысы, двинулся туда. Медленно обходя трупы. Стараясь ставить ноги лишь на горные породы, а не на окоченевшие тела, я пробирался дальше и дальше. Очень не хватало повязки, чтобы заткнуть нос от запахов. С каждым прошедшим мгновением они, казалось, только усиливались. А горы трупов всё не

кончались. И, что ещё было нехорошо, стали попадаться всякие мелкие странные создания. Вон похожий на кислотника, только меньше в десять раз, гад сидит на стенке с несколькими своими собратьями. А вот какое-то чудище, с прозрачной кожей и кучей язв, и каких-то наружных присосок приобняло сразу несколько мертвых, видимо желая сожрать, и сам окочурившись от ядовитого облака. Где-то какие-то мелкие грызуны уже подгрызали эти завалы, а местами трупы вроде шевелились сами по себе?

— Интересно, это выжившие там или тут есть крысы-зомби? — шептал он себе под нос. Но проверять не спешил, стараясь обходить любые подозрительные места. Пару раз ему встречались зеленоватые облака, перекрывшие полностью весь тоннель. Там он подальше замирал, пережидая часами. Пока облако не распадётся, или в нем появятся крупные разрывы. И тогда он, набирая воздуха, быстро пробегал, насколько позволяли пострадавшие ноги.

Поглядывая на трупы, он прикидывал, что возможно они тащили с собой и какую-то еду и старался поглядывать по сторонам. И когда появилось возможность, он обратил внимание на очередную сидящую у стены мертвую крысу. С застывшей пеной на губах и мутными белыми с синей гнильцой глазами, что почти вывалились из орбит. Зелёные наплечники с нанесёнными знаками Рогатой крыс выглядели очень богато, как и остальной его наряд. А ещё перед ним лежал кожаный мешок. Схватив его и уже думав уйти, обратил внимание и на то, что на поясе у него висел меч. Оружие, да ещё и в ножнах, всегда могло пригодиться, и поэтому пришлось немного повозиться с поясом на мёртвом теле, оказавшись к нему почти нос к носу. В глубине белесых глаз ему померещилось какое-то движение, и потому он почти силой сорвал пояс и торопливо двинулся дальше, приглаживая вставшую дыбом шерсть.

Подземелье. Бегство.

Чтобы освободить руки, нацепил второй пояс и уже потянулся вскрыть мешок... Но подозрительные звуки и мысль, что лучше бы сперва уйти куда-нибудь подальше привела его в чувство. Если в мешка есть еда, то её уже никто у него не отнимет! Но нельзя давать им ни единой попытки!

Смертоносного тумана становилось всё меньше. Он рассеивался, оставляя место для тех, кто стремится полакомится мертвой плотью. И если казалось, что подземные своды мертвы и тут не может обитать большое количество живых существ, то вот сейчас можно было наглядно убедиться, что это не так.

Из расселин выползали паучки, острыми жвалами откусывая кусочки синеватой плоти. Из отнорков, вроде того, из которого вылез я, спускались белые мучнистые черви, что полностью заглатывали тела, растворяя их в себе. Сбежавший или обитающий здесь же крысоволк злобно ощерился, обглаживая лапу крупного крыса, рыча на меня, защищая свою добычу и так как нечего было делить в бессмысленной драке, я просто постарался обойти его по наиболее широкой дуге, держась клубящихся тьмой уголков.

Шорохи, разрываемая одежда, чавканье — эти звуки сплошь заполнили пространство. Но что самое худшее — некоторые трупы уже настолько попортились от теплоты туннеля, что от скопившихся внутренних газов их начало раздувать. Причем это происходило необъяснимо быстро. А потом они ещё стали лопаться... Ошмётки внутренностей и гнилой крови забрызгивали пространство и тех существ, что подбирали эти кусочки, пируя. Так стали видны несколько существ, мимикрирующих под серость здесь, остававшиеся до этого незаметными. Выглядели они настолько необычно, что я и вспомнить не мог, сколько у них было ног или щупалец.

Открытое пространство — и бег, бег... И вновь завал тел. Их как будто бы нарочно позакидывали в одну кучу. Она вздымалась под потолок туннеля, оставляя небольшие щелки, через которые можно было бы проползти далее.

— Ррр! — выразил я свою ярость и безысходность в коротком полурыке-полувсхлипе, не желая лезть во всё вот это. Но делать нечего, уже слишком далеко зашёл.

Осторожно ступая по разбухшим трупам, чтобы когти на лапах не разодрали тела, не замазаться в гное, я поднимался выше и выше. Вот уже приходится помогать себе всеми конечностями, стараясь вообще не вдыхать то невозможное зловоние, что царило здесь. Нож очень мешал, как и меч, что при беге путался в ногах, а сейчас то упирался эфесом в самые неожиданные части организма, то ножами цеплялся за торчащие окоченевшие лапы и зубы оскаленных в последнем крике пастей. А ещё приходилось протискивать мешок. Чтобы освободить себе руку, я оплел рукоять ножа хвостом, отчего стало значительно удобнее.

Вот уже самый свод туннеля и отталкиваясь, я неожиданно для самого себя заскользил с этого гнилостного склона вниз, плюхнувшись в итоге в мерзкую зловонную лужу. Меня бы сейчас вырвало, если бы было чем. Соорудил из завязки мешка лямку, переместив его на плечо.

За спиной с плюханьем разорвало очередной труп, частично окатив и его. И это могло

остаться очередным кошмарным эпизодом моего пути, если бы не то, что что-то там продолжало шевелиться. Я быстро развернулся.

Позади меня, в облаке жужжащих мух, стояло небольшое, по пояс мне, существо. Толстые и короткие массивные ножки, толстенькое тело какого-то грязного цвета, коротенькие ручки, шарообразная голова с костяными наростами и небольшими рожками, узкие глазки, бельма глаз без зрачков, провал носа и большая пасть от уха до уха, полная иглообразных зубов.

— Нургл`ик! — радостно сообщил он мне, плотоядно облизываясь несколькими пальцами одновременно чёрными языками (там, где у нормальных существ расположены живот, в подмышка и шея), и помахивая из-за спины третьей, костяной, ручкой.

Рядом с ним лопнул еще один раздутый труп, в котором оказался ещё один его подобный собрат, радостно запрыгавший, и заплюхавший в этом месиве, что-то активно лопоча.

Медленно отступая, посматривая на них, я оценивал, сколько ещё таких тварей может скрываться в этом завале.

А нурглики, активно лопотавшие и размахивающие ручонками между собой, заметили моё отступление и побежали следом.

— Нургл`ик! Нургл`ик!

— Назад, твари! — прорычал я, выхватывая короткий крысиный меч.

Но им было всё равно. Довольно быстро догнав меня, первый стремительно кинулся к обнаженному мясу на моей левой ноге, вцепившись, хоть и в самый краешек, своими зубками. Второй подбежавший вцепился в руку с мечом. Содрогаясь от боли, я задержался, пытаюсь их отцепить, и нанося удары хвостом, втыкая короткий нож в их тела, но только брызги моей крови летели по сторонам.

— Rrrrар! — прыгнув с места в сторону стены, я со всего маху впечатался в каменную стену грудью, держа перед нею руку с вцепившимся нургликом. Чавкнула размозженная голова, хрустнули кости, и обмякшее тело расцепило хватку челюстей.

Выставив ногу с присосавшейся нечистью, рубанул прямо по башке. Прямо меж глазёнок, что посматривали на меня. Клинок мягко, не встречая сопротивления перерубил череп, если он был и пошёл дальше, развалив тело на две неровные половинки, остановившись лишь в камнях.

Он хотел хоть как-нибудь обработать раны, но трупы вновь начали лопаться, один за другим, выпуская в полусумрак туннеля новую партию мелкой нечисти. “Загрызут” — понял я и спешно начал удаляться от них. Ну как спешно... Бежать как мог.

У меня было хорошее тело! Наверное. Но оно было — до того, как его изранили крысиные учёные, падение, схватка с кислотником и болезненные укусы мелкой нечисти. И сейчас я прилагал все силы, сжав зубы, чтобы топот маленьких ножек за спиной оказался как можно дальше. Пару раз туннель менял своё направление, но лопотанье тонких голосков за спиной не отдалялось. Я начал уже уставать. Тело, давно не кормленное, казалось уже не находило резервов сил. Начал уже посматривать на стены, ища какую-нибудь щель, в которую бы можно было забиться. Как назло ничего не попадалось!

Впереди показался перекресток. Мой нос почувствовал, что от одного тянет сыростью — там где-то много воды. Если уж убежать не получается, то может тут появится возможность и ринуться туда. Посмотрим, в каких они отношениях с водой!

Путь вывел меня в довольно большой зал. И здесь вода была. И её было довольно много.

Пещера представляла собой каменную чашу с прозрачайшей водой, не оставлявшей места для

каких-нибудь путей отхода. А на противоположной части зала темнели продолжения туннелей. Можно было бы сразу влететь в эту воду, и постараться быстрее переплыть его, пока не догнали. И я бы так непременно поступил, если вода была бы хоть чуток мутноватой. Но её прозрачность всё портила! Дело в том, что озерцо это было обитаемым. И обитатель его кружил в воде, показывая себя во всей своей красе. Большой, нет, просто огромный змей. Он казался просто бесконечным. Сперва я я подумал, что там их несколько, но нет, это просто он не помещался в длину и многократно завивался, под всевозможными углами. Его серая чешуя отблескивала многочисленными пластинками в неверном свете светящихся наростов на каменном потолке и выделяясь более тёмным цветом на фоне белеющего дна.

Между молотом и наковальней... И наковальня похуже будет. Я уже развернулся назад, но моё появление не осталось незамеченным для этого существа. С едва слышным плеском его голова вынырнула наружу и всё вытягиваясь потянулась ко мне, приоткрывая пасть, в которую бы поместился я полностью (и возможно даже стоя) и высунув трепещущий язык. И всё это настолько тихо, что капли, падающие с морды, казались ударами по барабану. А я не мог отступить, замороженный плавностью движений этого существа и восхищаясь сверкающей белизной его клыков и яркостью глаз.

И в этот момент уже целая толпа нургликов добежала до нас, радостно заголосив, как будто встретили давно потерянного родственника, бросились ко мне. Или на меня. Воспоминание о том, как эти твари могут кусаться, помогло сбить этот временный транс. Странное состояние с меня спало и я сделал то, что пожалуй, не ожидал ни Змей, ни мелкая нечисть.

Опираясь на правую лапу, что не так болезненно реагировала на нагрузки, я молнией (как мне показалось) прыгнул навстречу змеиной пасти. И хоть Змей был быстр, попытавшись меня перехватить, но я успел! Казалось бы, у такого монстра нет неуязвимых мест — его шкура вблизи вообще представлялась непробиваемой. Но мне его шкура и не нужна была, и пасть подавно. Вытянувшись в прыжке, я вцепился когтями лап в его ноздрю, толстыми когтями пробивая нежную кожу и обнажая светлое мясо и держась так, что меня оттуда можно было бы вырвать только с ключьями самого Змея. И пока Змей, шипя, пытался меня подкинуть в воздух, чтобы затем, несомненно, проглотить, я вытянув левую лапу вцепился в его глаз всей пятерней, который на удивление оказался довольно плотным и даже твёрдым.

От мощнейшего рывка моё тело встало встало вверх головой, змеиные кольца задвигались, выплёскивая тонны воды и сбивая с ног набегающую нечисть, бесстрашно ринувшуюся на Змея, а от шипения твари заложило уши. Но у длинной твари не было не было лап, которыми бы она могла меня скинуть, отчего и приходилось совершать всевозможные по силе рывки, отчего она ещё больше мучилась от боли, так как мне приходилось сильнее держаться, впиваясь в её плоть.

Мои нижние конечности тоже пытались хоть как-то удержаться на чешуе, но она была настолько скользкая и толстая, что эти попытки оказались бесполезными. Хвост, с зажатым в нём кинжалом, смог лишь слегка поцарапать несколько пластинок, не с первой попытки зацепившись за какой-то нарост на броне. Мои зубы тоже скользили, не имея возможности укусить. Вот торчали бы клыки вперёд... Но нет, у меня не было цели загрызть этого титана.

Я просто искал путь к спасению, каким бы он маловероятным не выглядел.

Очередной рывок и я мордой, носом бьюсь как об стену в эту шкуру и моя правая лапа, держа клочья мяса, срывается с ноздри и повис всем весом лишь на глазу монстра. А тот, глаз, от такой нагрузки стал не выдерживать и вывалился, повиснув на толстых сосудах. Но ещё один бешеный рывок и я лечу в долгий полёт, совершая дикие кульбиты с почти десятка метров высоты. Удар, половину тела обожгло болью, попытка понять, где тут верх, где низ. В момент удара об воду в пасти громко лязгнули зубы и в горло хлынула вода, но жажда жизни включила все инстинкты и всюю замолотил конечностями в воде, заметив ближайшую каменную ступеньку, на которую можно было бы выбраться. А на дне, насколько взгляд успел захватить пространство, всё было усеяно переломанными большими и малыми скелетами, принятыми сперва мною со стороны за белые камни. Выползая из воды, со стекающими с шерсти потоками воды, ожидал, что вот сейчас меня подхватит гигантская пасть...

А мимо пролетел пищащий шарик, плюхнувшийся недалеко. На секунду развернулся, чтобы оценить то, что происходит в озере. Новорождённая нечисть, преследовавшая меня, пыталась повторить мой подвиг, прыгая в воду и пытаясь забраться по телу Змея к его голове. Эти со стороны неуклюжие увальни оказались достаточно цепкими, чтобы быстро перебирая тремя ручками и многочисленными пастями, быстро подтягиваться всё выше, видимо привлечённые белесоватой змеиной кровью и забывшие обо мне. Змей в бешенстве их раскидывал, подхватывая и проглатывая на лету.

— Ой-ой-ёй-ай-яй! — застонал вышвырнутый к моим ногам нурглик, барахтаясь и пытаясь встать. Вот уж кому помогать я не собирался, и пока он не пришёл в себя, сильным пинком отправил его в воду.

И только сейчас обратил внимание, что одна лапа продолжает сжимать змеиный глаз, со свисающим черноватым жгутом нерва.

— Еда!!! — радостно воскликнул я и этот здоровый кусок скользкого мяса (и всего остального) оказался у меня в пасти. Я даже не смог его полностью туда поместить, пытаюсь лапой поскорее протолкнуть в горло. И в этот момент я увидел, как Змей в ярости скинул всех нургликов и глянул на меня. Мы на мгновение встретились взглядами (ему хватило и одного глаза заметить меня), а потом он ринулся в мою сторону, а я, удерживая пастью его глаз, руками удерживая ножны с мечом, болтающимся мешком за спиной, с поднятым над головой хвостом, зажавшим кинжал, прытью ринулся вон, разбрызгивая капли воды, вскоре нырнул в один из узких отнорков, куда уж точно бы этот разожравшийся Змей не смог пролезть.

Карабкаясь, отполз подальше, оказавшись в небольшом замкнутом влажном зале, заросшем мягким мхом и такими же тускло светящимися наростами на потолке, как и в зале Змея. Принюхиваясь, облазил весь зал, пытаюсь найти опасность, но вроде ничего не нашёл. Вроде неплохое место для того, чтобы прийти в себя. Первым делом дожевал/выпил массивный глаз, который показался просто чудесным на вкус. В животе удовлетворённо забурчало. Прислушиваясь к его руладам, не заметил как провалился в сон.

Сны не принесли ничего нового из того, что бы я не испытывал накануне, кроме концовки — я бежал и бежал по туннелям, пытаюсь найти спасение от преследующих меня орд. Вот оно спасение, я выбегаю в зал и меня подхватывает гигантская зубастая пасть, перекусывая пополам и проглатывая...

Рывком проснувшись, понял, что хотя бы сейчас мне не угрожала опасность. Осмотрел

раны, но помочь им не мог — просто нечем было. Следы от укусов нургликов по краям воспалились и побаливали. Взгляд наткнулся на мешок, который я утащил у мёртвого крыса. Я рассчитывал, что там есть еда, но до сих так и не знаю этого.

Когтем подцепил заявки, потянул, развязав. Какие-то блестящие тряпки, стекляшки, пробирки с порошком и жидкостями... Лекарь, что ли? Осталось два свертка. В одном оказался комок запеченного с сыром мяса, а во втором, сделанном из какой-то странной кожи, смутно знакомо пахнувшие зеленоватые тёплые пластинки, рядом с такими же похожими на грязновато-зеленоватыми тёплыми же камешками, слабо подсвечивающимися. Повел носом... Чем же пахнет? Чем же пахнет... Вроде бы в лаборатории похоже пахло. Сейчас для меня этот запах отдавал специями — немного корицей и ещё чем-то с одной стороны совершенно знакомым, а с другой абсолютно чуждым.

На ноге рана от зубов нечисти стрельнула болью. Для того, чтобы организм смог справиться со всеми хворями и он смог справиться с ранами, ему нужна еда и отдых. И то и другое здесь оказались. Отдыхать могу хоть сколько. Выходить, вот честно, совсем не хочется. Вспоминая пройденный путь, шерсть вздыбливалась и понимал, насколько мне повезло выжить! Больше так рисковать не хотелось.

Удобно устроившись на одном из камней, начал откусывать кусочки от мяса, разгрызая камешки со специями, тщательно всё прожёвывая, так как глаз Змея смог притупить чувство голода. И вроде бы где-то слышал, что чем тщательнее жевать, тем больше пользы будет. Мясо с сыром было превосходным! (главное не задумываться, кому оно могло принадлежать у этих всеядных существ) А камешки, разгрызаясь, просто шли на ура, быстро превращались в желеобразную массу. И так хорошо стало...

Разлѣгшись, он в который раз попытался вспомнить о себе что-нибудь до того момента, как оказался в лаборатории. Немного похожий внешне на крысюков, он от многих из них отличался внешне, да и судя по всему по образу мышления. Немного выше, более широкая грудная клетка, да и вообще строение более... более... Хм, на кого похожа? Лапы не такие, морда... Шерсть, опять же, не похожа на черную шерсть самых здоровых крыс и уж тем более на коричневую и зеленоватую шерсть рядовых бойцов.

А ещё ему была противна вся та гнилостная обстановка мучений, жестокости, что судя по всему была привычна для крыс. Хотя и себя бы он не назвал добряком, прислушиваясь к себе, понял он. Но всё же — кто он? Да хотя бы — как меня зовут?

В горле засвербело. Прокашлявшись, он попытался вернуться к размышлениям, но жуткий спазм перекрыл дыхание, а в животе появилась магма, выжигающая внутренности.

Время остановилось. Была лишь боль. Боль, что крутила моё тело, эпицентром которой стал желудок и от него, по венам, по костям боль огнём растекалась, выжигая рассудок.

Приходя в сознание, пытался найти воду, чтобы залить пылающий пожар, но ничего рядом не было. Уже был готов кинуться к озеру со Змеем, но боль скручивала, не давала подняться. Уткнувшись мордой в пол, выл, вырывая с тела клочьями мокрую от пота шерсть.

Я глотал влажный мох и лизал камни, чтобы остудить внутренний вулкан. А в очередной раз очнувшись, обнаружил себя у выкопанной ямы в углу пещеры, лакающим из грязной лужицы.

Мне казалось, что у меня высыпаются зубы, руки становятся то длиннее, то короче, рёбра прорывают кожу, становясь похожими на ножки мокрицы, и начинал ползать по стенам и потолку. Но через какое-то время приходил в себя, чтобы обнаружить, что ничего этого с телом не произошло и вновь проваливался в забытье.

Иногда видения приобретали другую форму. Я сражался с всевозможными монстрами, рубился против армий стоя в ряду сверкающих и клубящихся дымом войск, парил в облаках, смотря на горы, поля, города, поля сражений с головокругительной высоты. Со мной говорили гиганты, которые просили меня о чём-то, ужасные демоны грозили мне и грозились всевозможными карами и звали вступить в их ряды...

Рано или поздно этот ужас должен был закончиться — так или иначе. И очнувшись, обнаружил себя всё в той же пещере, мокрым и обессиленным. От чувства, что боли наконец-то нет — блаженно откинулся и уснул простым сном.

Проснулся неизвестно через какое время. Страшно хотелось пить и есть. В лужице накопилось на пару глотков воды, а остальная грязь пошла на то, чтобы умыться, по возможности взбодрившись.

Сидеть в пещере смысла не было — еды нет, с водой проблемы. Надо идти и добывать и первое и второе. Чувствуя вялость, собрал разбросанные вещи, но потом просто кинул мешок с крысиными вещами, потому как чувствовал, что даже такой незначительный вес отнимал силы.

Пробравшись к выходы, осторожно выглянул наружу, принюхался — опасностей не обнаружил. Осторожно выполз из своего укрытия и с трудом вспомнив, откуда вообще пришёл, двинулся в противоположную сторону.

Пройдя шагов десять, захотел отдохнуть. Сил было чертовски мало... Опираясь на стену, стоял и переводил дыхание, думая, что надо бы и меч с ножом кинуть, когда по его руке пробежал таракан, собрат тех, чьи лапки он жевал не так давно. Рука метнулась вслед убегающему таракану, оставив когтями длинную борозду на камне, а через мгновение челюсти сомкнулись на его панцире — мгновение и его останки отправились в желудок. Горькая гадость... Хотя если не жевать — то и вкуса не чувствуешь! Кто-то мелкий ещё ползет по стене — стой, ты не в ту сторону ползёшь!

Через какое-то время, сидя и догрызая очередную мелкую тварюшку, что на свою беду выползла сегодня из своей щели, я оценил то, чего не заметил ранее — ноги не болели. Ни одной раны на них не было. Лишь не хватало растительности на тех местах, где были раны. И даже укусы нургликов ничего из себя уже не представляли. Это крысиное во мне приспособилось? Или наличие еды так отразилось? А может те камешки оказались

сильнейшим лекарством, дозировку которого я перебрал? Вот поди узнай... Это надо знающим показывать те лекарства, но остались ли камушки ещё, возвращаться и проверять я не хотел. Хватит, надо выбираться на поверхность, если она тут есть.

Опираясь на руки, встал. Обратил внимание, что наросты на тыльной стороне стали более выраженными, когти стали более... Более лоснящимися, что ли. Они так переливались в полутьме, каким-то перламутровым отливом. Да и зрение стало более объёмным, цветным. Галлюцинации наверное, решил я, от голода. И немудрено — рёбра выпирали так, что казалось будто скелет обтянули сухой кожей. Да ещё грязный мех клочьями торчит... Что за чудовище!

И я, получив сил от насекомых, пошёл искать выход, веря, что он где-то впереди. Мне пришлось преодолеть несколько небольших завалов, а также малых залов, где среди сталагмитов убил двух кислотников. Одну тварь придавил камнем, тогда как вторую, совсем небольшую, удалось раздавить самому, просто прыгнув на неё сверху. Этим я обеспечил себе на какое-то время пропитание. Брезгливость даже не просыпалась — чтобы не сдохнуть, я мог сожрать, видимо, что угодно.

На какое-то время остановился у маленького проточного озера, где напился и немного выспался. И здесь же заметил следы того, что кто-то из разумных здесь регулярно бывал — следы костров, ветки, какие-то узоры на стенах, выполненные угольком.

Недолгий путь под сводами и вот он, долгожданный выход. Не слишком большой лаз, вскарабкавшись по которому оказался на открытом и просторном месте, на одной вершин крохотной каменной гряды, с расстилающимися вокруг лесами. Налетевший порыв порыв ветра чуть не сбил с ног, пришлось присесть за камушек. Но не только ветер был виноват в том, что захотелось присесть. Просторы. Огромные просторы! Это вызывало панику, необъяснимую, иррациональную панику. Хотелось прижаться пузом к земле, слиться цветом с камнями, чтобы никто не заметил меня.

— Это же сколько тут всего... Сколько всего может водиться...

Глаза не болели, в силу того, что небо было затянуто тучами и было непонятно, то ли вечер, то ли утро. И потому можно было окинуть взглядом виды. Горизонт не было видно почти ни в одной из сторон, из-за идущих дождей. Но кое-где можно было разглядеть серебряные блюдца озёр. С одной из сторон он заметил вроде как чистые от леса прямоугольники возделанных полей и небольшие домики. Больше ничего не было видно, но уходить он спешил.

Сидя у камня, он вдыхал резкий запах леса, травы, той грозовой свежести, что нёс ему ветер, он отдыхал. Отдыхал от тех мрачных дней, которые провёл в подземельях и надеялся что здесь сможет найти ответы о том, кто он и вернется в ту размеренную и наверняка спокойную жизнь, которую он вёл ранее. Даже если это его не родной облик, то и с ним наверняка можно будет что-то сделать. Ужасы позади, уверял я себя, впереди новая жизнь! Главное найти какой-нибудь город, а там он сможет объяснить всё что с ним произошло. И ему помогут, наверняка! Правда надо подумать, что дать им взамен, но он в случае если потребуют плату — отработает. Надо верить.

Начавший покрапывать дождик принёс ещё большую свежесть. Подставив свою морду под мелкие капельки, он постепенно привыкал к открывшимся пространствам. Подняться и идти дальше исследовать этот неизвестный для него мир (или известный, но о котором он ничего не помнил) заставила мысль, что там будет что-то повкуснее тараканов подземелий.

И если его первые шаги были неуверенные, ему казалось что его фигура уж слишком

видна, что отовсюду за ним наблюдают невидимые враги, то чем дальше шёл, тем менее это чувство беспокоило. А небольшой курумник, коварно заросший мохом и кустарником дикой вишни переключил всё внимание на то, что находится на вокруг меня, а не иллюзорную опасность.

Светлый лес встретил ещё большим количеством запахов. Они были везде — травы, кора, насекомые, почва, листва, подсохшие ягоды, цветы, мелкие грызуны, навоз и много других запахов. В них можно было потеряться, но и многое сказать об окружающем — и не чуял я в них опасностей. Этот сладкий воздух пах свободой!

А ещё звуки — щебетанье мелких птах, шелест трав и листвы, кваканье в заболотившейся луже жаб, рычание далёкого хищника, писк мелких зверюшек — всё это звучало мирно, обычной неторопливой жизнью.

Природа вокруг выглядела нетронутой, ни единого следа троп и воздействия на лес инструментов. Но помня о том, что не так далеко за его спиной находится ход в глубины подземелья, в котором не так давно произошла бойня между двумя видами разумных существ. Хотя... В голове возникла чья-то фраза о том, что сон разума рождает чудовищ. Тогда тут, в этих подземельях, а возможно и во всём мире разум давно и прочно спит.

Так прошло несколько дней. Я искал присутствие тех, к кому бы смог выйти и открыться, надеясь получить помощь и, возможно, встроиться в их общество, так как какое-то время можно конечно прожить одному, но вот как дальше быть? Всю жизнь выживать одному, скитаться скрываясь? Нет, такого он не желал. Но и двигаться в сторону, где мог примерно располагаться город ящеров и крыс опасался — мало ли как настроены к разным чудищам, останкам экспериментов крыс местные жители. Ящеры явно отрицательно. Но возможно, что тут есть и другие. Но выходить на их города тоже может быть небезопасно. Я такой вот один, а они явно будут в большинстве. Не захотят ли они меня нанизать на что-нибудь острое и выставить в качестве трофея мою зубастую голову где-нибудь у себя на площади? А потому время проводил в медленном движении по лесу, осматривая местные природные красоты и развлекаясь охотой.

Охота в этом мирном, но не хоженом лесу, действительно стала развлечением. Непуганые звери не знали, насколько быстрой могла быть моя реакция, за которую мне приходилось расплачиваться ещё большим увеличением аппетита, и потому подпускали к себе довольно близко. Стоя по колено в ручейках, смотрел как любопытная рыба подплывает к мокрому меху на лапах и быстрыми ударами когтей выбрасывал её на берег, где выпотрошив, быстро её съедал. Несколько раз спугнул косуль, пока не научился подбираться к ним против ветра, чтобы не учуяли. Здесь помогал бросок меча, подранивший или убивающий добычу, после которого следовал быстрый рывок и следовал пир. Очень не хватало огня, на котором бы можно было приготовить пищу, и это стало ещё одной целью для поиска разумных. По ночам не мёрз, забравшись на какую-нибудь ветку повыше и потолще, на всякий случай, чтобы более умный и скрытный хищник не надумал мною перекусить.

Немного портили общее впечатление лишь стаи мелких кровососущих насекомых, от которых приходилось прятаться или в воде, или убежать подальше.

Моё путешествие шло отлично, пока я не увидел следы того, чего искал. Небольшая лесная тропинка, протоптанная в основном зверями, вывела меня на небольшую полянку, на которой стояла полусгнившая хибара. Кустарник пророс на крыше, и ветви молодого деревца высывались через узенькое окошко. Тут мало что уцелело, так как остатки столов и

стульев послужили в качестве розжига для костра. Здесь жили люди, наверняка. Это можно было судить не только по остаткам утвари, тем небольшим холмикам, которые показывали места их захоронения, а также по остаткам того же костра, в котором лежали фрагментарные останки нескольких человек. И, судя по всему, их не просто кремировали, а запекли, прожарили на костре, а потом тщательно погрызли косточки. Посмотрев на обгрызанную челюсть, заметил в размытой дождями золе что-то блестящее. Пошурудив, нашёл несколько маленьких жёлтеньких капелек. Видно тем, кто обгладал черепа, золото было не нужно. Больше ничего полезного здесь не было, всё мало-мальски полезное отсутствовало или было уничтожено.

И вот уже дальше, идя по заросшей дороге, видел вдоль неё следы пребывания человека. Кое-где встречались разбитые телеги, останки каменных домиков с провалившимися крышами, и даже остатки скульптур, разных по качеству и схематично изображающих бородатых стариков, с оружием и без. Я порой обходил такие развалины, но ничего полезного там не находил, а потому через какое-то время забросил это дело.

И ещё через какое-то время потребовалось чтобы выйти к местам, где меня встречали не россыпи старых костяков и заброшенные поля, а вполне обработанные надель. Что там росло я понятие не имел, но было видно, что по крайней мере за всем этим краем уже присматривают: дорога становилась шире и натоптаннее, вдоль неё были выкопаны канавки для отвода воды, подмытые края укреплялись камнями. Вокруг было довольно много разных отпечатков — копыт животных, когтистых лап больших ящериц, стоп человека. Вот-вот уже должна была состояться встреча с местными обитателями. Чтобы выглядеть хоть немного более презентабельно, искупался в небольшом лесном ручейке и выстирал тот пояс с “висюльками”, что достался в пещере от мёртвого ящера. Приглаживая клочковатую серую шерсть, покрывающую уже не так уж сильно торчащие рёбра, я пытался выстроить в голове примерный разговор с аборигенами, кем бы они не оказались. На всякий случай оторвал с ближайшего дерева ветку с большими зелёными листьями, чтобы показать, что иду с миром.

Обмахиваясь этой веткой от очередной тучи мошкар, отправился далее в путь, чтобы уже ближе к концу дня выйти на несколько бревенчатых домишек, не слишком богато выглядящих. Возле них кто-то копошился, но из-за растительности и расстояния пока было не очень хорошо видно. Идя посередине дороги, я абсолютно не скрывался, резонно предполагая, что если буду красться вдоль канавы или по лесу, и за этим делом меня заметят, то вряд ли поверят в мои дружественные намерения. Меч сдвинул за спину, и нож аккуратно приладил там же, хоть это и было не очень надёжно из-за отсутствия под него ножен. Но в руках держать нож и ветку — это было бы весьма странно.

С каждым шагом я был всё ближе к ним. Уже было видно, что это люди. Детвора, играющая в грязи у дороги, заметила и меня. Что-то крича, они побежали шумной стайкой в дом, а к дороге стали выбегать взрослые, становясь плотной толпой, держа в руках разные инструменты. Постарался сделать свою морду приветливее, и замахал веткой, приветствуя их:

— Здравствуйте! Я с миром! Я не враг!

Они зашушукались между собой. Чем ближе я подходил, тем больше подробностей замечал. Серые длиннополье рубахи, босые ноги, худощавые настороженные лица, несколько топоров на на длинных рукоятях, деревянные вилы, небольшие луки.

— Мы можем помочь друг другу! — продолжал я кричать. Но с очередным шагом нож за поясом не удержался и упал мне под ноги. Не задумываясь, сразу его поднял. И только тут

подумал, что наверное надо было просто продолжать идти дальше или остановиться. Так как на блеснувший клинок в моих руках они отреагировал однозначно — они дружно что-то закричали и в момент натянутые луки выпустили в меня несколько стрел. Расстояние было не слишком большим, но мне без труда удалось отклониться.

— Да вы ополоумели! Я же не нападаю на вас! — пытался я до них достучаться. — Остановитесь! Мы ещё договоримся! Вот, я убираю всё! — хотел уже снять пояс с мечом, когда очередной жиденский залп из луков постарался меня достать. Удалось отклониться и от этих стрел. А сам пытался решить, что же делать, как поступить. И всё сходилось к тому, что вот с этими представителями человечества договориться мне не получится. Решив, что надо учесть ошибки с следующими, начал отступать спиной к лесу, а потом просто рванул туда.

Вид моего хвоста как-то ещё больше раззадорил этих агрессивных пейзажей. Видя, как их новый враг отступает, они с задорными криками толпой кинулись меня преследовать. Тут у меня уже не было возможности уследить за аборигенами, чем они и воспользовались, угодив пару раз стрелами в спину. Правда сильно они мне навредить не смогли, но кровь пустили. Шипя сквозь зубы и продираясь через ветви деревьев, проваливаясь в сгнившие брёвна, перепрыгивая ручейки и скользя по стенам оврагов, проскальзывая между валунами я всё же быстро отдалялся от них.

— Суки! Чтоб вас всех черви сожрали! — не мог остыть я, отдышавшись и пытаюсь выдрать висящие на спине две стрелы. Наконец когтями удалось ухватиться за кончик оперения сперва одной стрелы, а затем и другой.

— Грёбанные дикари! — рассматривал костяные наконечники, и ощущая, как чешется спина, залитая кровью. А желудок вновь отзывался обострившимся сосущим чувством голода. Кровью от меня воняло знатно, как бы какая тварь не учуяла меня. Хотя я их пока за пару дней и не заметил, но ведь кто знает, что тут вообще водится.

И как в воду глядел. Затрещали ветки где-то в лесу и я, разозлённый, уже собирался кинуться на набегающих крестьян, уверенный что смогу нескольких (как минимум) раскидать и рвануть дальше, до того как они смогут меня толпой вилами затыкать. А навстречу мне из раздвигающихся зарослей молодых деревьев тихо вышла более чем метровая в ширину и полтора метра в высоту туша, заросшая длинным и на вид жёстким волосом, с торчащими по телу и на башке короткими костяными шипами и парочкой длинных кинжалообразных зубов, торчащих из нижней челюсти. Толстенный розовый пяточок, блестящий на солнце, активно двигался, нюхая воздух. А маленькие красноватые глазки смотрели на меня. И могу поклясться, они засветились от радости, когда он меня увидел.

— Ой-ё! — и не успеваю ничего сделать, как эта туша, взрыхлив копытами землю, наклонив свою остроклювовую голову, рванула ко мне. Если я и успел подумать, что такой туше вообще-то надо какое-то время, чтобы набрать скорость, то был неприятно удивлён, как он оказался быстр. И не ожидая такой прыти, немного растерялся, немного не успев уйти с линии его рывка. Одним из клыков он успел рвануть мне бок, оставив продолговатый разрез. Я, частично сбитый, упал не успев сгруппироваться, крепко ударившись головой. Но всё равно вскочил быстро, а этот клыкастик успел уже за моей спиной развернуться и вновь рвануть ко мне.

Сбежать? Мой рывок от него, но стук копыт с каждой секундой всё ближе и тело уже

действует уже практически вне рассуждений в голове — прыжок на толстенькое дерево, не дотягиваясь до довольно высоко торчащих веток и отталкиваясь в сторону, перепрыгивая зверя. Тот, набравший скорость, всей своей харей впечатался в дерево. От мощного удара дерево задрожало, а клыкастик сел на задницу, мотая своей башкой. Это дало мне время добежать и вскочить на большой валун, с неровными сторонами, возвышающийся на два с половиной — три метра над окружающей его почвой. Поглядел оттуда на зверя, вытаскивая меч. Сплюнул — нож валялся на том месте, где упал в первый раз.

А клыкастик, помотав своей башкой, и оглянувшись, заметил меня и не откладывая ничего на потом, вновь кинулся ко мне. И если я считал, что нахожусь в безопасности, то кабанчик-переросток так не считал. Не теряя разгона перед камнем, он, всхрипнув, прыгнул! Черная туша стремительно пролетала над успевшим упасть мной. Успел лишь выставить в его сторону меч, который от столкновения с тушей вырвало из моей хватки. Тряся отбитой кистью, повернулся к зверю, слушая его визг, надеясь, что нанес достаточно сильную рану этой скотине. А тот, внизу крутился волчком вокруг меча, который взрезал ему шкуру на боку и застрял в слое жира. Покрутившись, он волочил его по земле рукоятью, беспокоя рану, но при этом цепляясь ею за корневища, камни, ветки и в конце концов клинок выскользнул из раны. И не сказать, что рана получилась серьёзная. По крайней мере, крови было не так много, как бы мне хотелось. А как было бы хорошо, подождать, пока он сохнет от кровотечения. А с другой стороны, я сам сильнее с каждой минутой не становлюсь — рана от его клыков понемногу сочилась кровью, что там на спине с ранками от стрел вообще не видно, хотя и вряд ли что-то страшное.

Но клыкастик не даёт мне времени на подумать. Новый всхрип как сигнал о новом прыжке и уже не перелетает через меня, а скользит копытцами, вскакивает на камень. Но камень это не почва, зацепиться на гладкой поверхности то особо не за что, что даёт мне шанс! Бегать по лесу от этой туши я замучаюсь, забраться на дерево — ослабну от голода, если только не начну грызть само дерево, что явно не самая лучшая диета. К тому же запах его крови, вкусной и питательной, разжигал во мне яростный огонь, подпитываемый голодом. И у меня из оружия есть ещё кое-что, кроме меча и ножа.

Прижавшись телом к камню делаю прыжок, приземляясь на спину зверя, раздирая кожу от скрытых под жёсткими волосами, похожими на металлическую проволоку, короткими колючими шипами, идущими вдоль хребта, цепляясь всеми конечностями и зубами, впиваясь когтями в расходящуюся под когтями шкуру и мясо. Быстро-быстро! Удар когтями одной ру...Ладно, руки. Удар когтями одной руки, засунуть поглубже, ударить второй, также стараясь нанести рану пострашнее. И продолжать так делать поочередно, насколько можно быстрее! А концом хвоста пытаюсь попасть по мелким глазёнкам. Клыкастик, обезумев от боли, визжал, скользит по камню и так и не сумев зацепиться, мы полетели кувырком вниз. Под хруст удара, выбившего дух, чудом не отпустил мощную тушу и сумев удобнее поменять положение, уже нанеся удары в район шеи. А “кабанчик”, вскочив вместе со мною на ноги, принялся скакать между деревьями, визжа и заливая всё вокруг своей кровью, буквально фонтанирующей из ран.

Вцепившись клыками в мощный затылок, я ощущал всей мордой удары веток, царапающих и сдирающих кожу, но отцепиться от умирающего зверя не собирался, потому как чувствовал, что он в своём предсмертном бешенстве сумеет меня растерзать так, что останутся только клочки! Да и вдруг он не откинет копыта? Может ему моё мясо и кровь будут лучшими лекарствами?

— Дохни! Сдохни ты уже! — рычал я в ответ на его остервенелое визжание и наносил новые удары, превращая то место, где у всех находится шея, в лохмотья.

И он не выдержал. Несколько рывков, в которые вложены последние силы, и туша заваливается вперёд своей харей, на подломившиеся копыта, придавливая мои руки. Несколько хрипов, и лишь булькающая кровь в его горле свидетельствует о том, что последние крохи жизни уходят из его тела.

А дальше — он на какое-то время выпал из окружающего мира. А первое что почувствовал, придя в себя, это отсутствие привычной сосущей боли в желудке. Даже немного наоборот, брюхо немного побаливало, растягиваясь — оно раздулось, свисая над ремнём. А я сидел в луже крови у порванной шкуры задранного зверя, лежащей со сломанными костями грудной клетки, с торчащими то тут, то там в неестественном порядке костями, разможжённой головой с выбранными мозгами и держал в руках здоровенную печень, от которой умопомрачительно вкусно пахло.

Укусил. Действительно вкусно. Но было бы неплохо и поджарить на огне. Мысли вернулись к подлым пейзажам, к которым он хотел выйти. Это из-за них он оказался в глубине леса, рискуя жизнью сражался с этим гадом. Утомлённый и умиротворённый после сражения, в нём снова поднималась волна злобы.

“Сожрать сволочей!” — советовала ему один мысленный голос изнутри. — ”Отомстить! Сожрать весь скот, сжечь дома! Что, многие вот так к ним выходят? Могли бы из любопытства пойти на контакт! Мы бы подошли друг другу! Но да, может и глупо было надеяться, что они такое чудовище смогут принять... “На вилы кровожадную тварь!” — это самое мягкое, что они могли подумать, но... Но как было не попробовать? И что мне делать дальше? Жить тут одному, совсем без общества?” Путешествуя последние дни один, я бы уже не отказался от тех, с кем бы можно было поговорить, узнать о том, что вообще творится в этих землях, кто их населяет, где есть спокойные места, и где есть достаточно могущественные чародеи (а у ящерок они вот точно есть, сам видел — значит могут быть и у других) чтобы поменять свой облик, или вернуть тот, который у меня был до того, как я стал таким мутантом (а я верил, что вот этот мех, когти, клыки, хвост — это не моё). Да даже выменять у них огонь на еду — почему бы и нет? Судя по внешнему виду этих крестьян, питаются они не так уж чтобы и хорошо! Я бы таскал им пойманную еду, а брал бы у них за это одежду, соль (хочется! хочется!), огонь и многое другое.

А может попробовать ещё раз, а? Ага, и как на этот раз к ним выходить? Подпустят поближе или забьют толпой сразу. Ну ладно, не сразу, но у толпы всегда больше шансов. А может как-нибудь замаскироваться, а? Закутаться в плащ, нацепить маску... Или шлем! А лапы? Как их замаскировать? Большой-большой плащ? Так в движении будет распахиваться, если только не мелкими шажками передвигаться. И откуда его взять? Опять выходить для этого к жилым местам надо, так или иначе. Можно своровать, можно ограбить. — Мысль о таких незаконных способах добычи одежды никак не потревожила мою совесть. — Можно, конечно, и купить, но для этого нужны местные деньги, а их тоже надо ещё добыть.

Рассуждая, он не жуя проглотил печёнку, которая сама скользнула в горло и начал уходить с этой поляны. Не хватало, чтобы опять какая-нибудь тварь вышла из зарослей. Её я уже могу и не победить. Окинул взглядом развороченное копытами кабанчика-переростка и нашей борьбой пространство и прежде чем уйти, подобрал меч и нож, а также выломал из черепа зверя его клыки.

— Хм, клыки клыкастика. “Ха” три раза. — смотрел я лежащие в ладони два загнутых клинка, перемазанные в крови, как и весь я. Теперь точно валить надо и искать где помыться до темноты, а то воняя так, я точно буду маяком для всего хищного зверья.

Благо хоть раны затянулись и ничего не мешало бежать дальше. До вечера сумел найти

небольшой овражек, заполненный цветущей водой, в котором удалось искупаться, смыть подсохшую корку крови с меха, а также вымазаться в грязи. Пусть лучше буду вонять протухшей водой и тиной, чем привлекать к себе всю живность. Уже в глубоких сумерках, используя свои когти, забрался повыше на одно из больших деревьев, где устроился на толстой ветви, перемазавшись в смоле. Чувствую, одним из составляющих моего мутантства была наверняка свинья!

С утра продолжил продираться через лес, возвращаясь обратно к дороге, у которой стояло встреченное мною поселение с таким расчётом, чтобы его обойти. Пробирался почти половину дня, слава местным богам, что ни на кого не нарвался. Когда вновь увидел дорогу, то выбираться на неё не стал, а двинулся, хоть и медленно из-за зарослей, вдоль неё. Через какое-то время встретилось ещё одно поселение, которое было заметно побольше первого. Спрятавшись в зарослях, примыкавшим к окружающим домам огородам, решил дожидаться ночи, надеясь пройтись и найти что-нибудь полезное во дворах. А пока свернулся клубком в яме от корневища, вывороченной упавшим деревом, и ушёл в полусон, внимательно прислушиваясь к окружающим звукам. Правда не заметил сам, как крепко уснул и проснулся уже ближе к рассвету.

Ничего, годится и так. Крадясь, двинулся к домикам. Обычные глиняные мазанки с соломенными крышами и плотно закрытыми ставнями окнами, за которыми слышалась непонятная речь, с отдельными смутно знакомыми словами. Пахло прелой соломой, кашей, людьми, навозом, псиной... Псиной? Да вроде лая же не слышал. Да и если есть собаки, то наверняка на привязи. Перебираясь через низенькие заборчики, проник в один двор, затем в другой. Из одного из жилых домов раздалось и мычание. Они что, и скот держат в домах? Дикари какие-то. Навесы, под которыми стоит телега, в которой ничего полезного не оказалось. Но любопытно — ничего железного в ней нет, сплошь из дерева. Даже колеса сплошные деревянные блины.

Чтобы оценить, насколько поселение большое, забрался на крышу одного навеса. Ну, под светом ярких звёзд было видно десятка три крыш. Спрыгнув, не заметил как хвостом задел висящий на заборчике глиняный горшок, который вместе с этим заборчиком повалился, а горшок от удара раскололся вдребезги. Эх, такой бы горшочек мне тоже пригодился.

Через несколько дворов от меня что-то ухнуло. В ответ на этот звук ещё в паре дворов так же ухнуло. Это что ещё за звуки? Ничего подобного ещё не встречал. В домах стали слышны тревожные голоса.

Наверное пора уйти отсюда. Явно ничего хорошего от людей, потревоженных ночным вторжением, ожидать не стоит. Пригнувшись, трусцой побежал в сторону огородов.

Совсем рядом раздалось тяжёлое дыхание.

— Ух! — сказала темнота со стороны навеса и на меня бросилась большая волосатая туша с блеском серебряным глаз и раззявленной пастью. Выставив руки вперёд и сделав шаг вбок, мне удалось её перекинуть дальше. Это что ещё такое? А туша так же тяжело дыша приземлилась на лапы, развернулась и попыталась кинуться мне в ноги. Это пёс! Мохнатый, тощий, странно ухающий, но при этом чёртовски здоровый пёс!

Он прыгнул, я вновь увернулся. Но лишь увернувшись, выхватил меч и следующий рывок встретил выпадом навстречу. Миг, и клинок входит в грудную клетку пса, ему удаётся меня сбить и мы вместе падаем. Но ему недолго осталось жить — тело забилося в конвульсиях. Не успеваю вытащить оружие из тела, как от шума позади еле успеваю увернуться от того,

чтобы другой пёс не вцепился мне в шею. Но хорошего мало, так как ему удалось шкрябнуть когтями меня по руке, нанеся довольно длинный порез. Как показала практика, лучшая защита — это нападение! Кидаюсь вслед этой псине, и пытаюсь придавить её сверху своим телом, бью рукоятью меча по его лобастой голове. Раз, другой, пока он не заскулил и отпустив его, пинком оттолкнулся, и припустил прочь, кляня себя всеми словами за то, что не удосужился провести время наблюдая за посёлком, а уложился спать. Знал бы, что тут такие псины есть и не сунулся бы сюда вовсе.

Бежать! Перепрыгивая через посадки, сбивая какие-то веточки и столбики на огородах, мчусь к лесу изо всех сил. Лесок оказался не таким уж большим, просвечивающимся даже в ярком свете звёзд, и пробежав его я вновь выбежал на дорогу, скорее всего ту же, на которой стоял и посёлок. Но расслабляться было некогда, так как опять я оказался не один — по дороге ехала кавалькада всадников, некоторые из которых держали в руках факелы, а другие — пики. Их чёрные фигуры на фоне дороги и отражающего свет поля за спиной были мне хорошо видны, и я уже подумал, что может быть они меня не заметят, когда сзади вновь раздалось уханье и последний, по видимому, пёс, попытался накинуться на меня.

— Да отстань ты уже! — взмах меча навстречу и лезвие рубит конечности охранника людей, которого я так некстати потревожил. Скулящее тело падает на землю, пытаюсь подняться и падая. Видя, как десяток всадников прищпоривают своих коней, направляясь ко мне, не смог удержаться и добил пса, пригвоздив его к земле клинком. Вряд ли ему удастся выжить в любом случае с такими ранами, так зачем его мучить?

А вот уже с всадниками не справляюсь, понял я, видя как они целенаправленно двигаются ко мне. Развернулся и вновь побежал, помчался изо всех сил, попытавшись скрыться в той стороне, где были самые густые заросли.

В лесу было видно всё гораздо хуже, и даже зрение, привыкшее к подземельям, не спасало от того, чтобы наталкиваться на пни, стволы деревьев, ямы, и поэтому пару раз покатился кубарем, но вскакивал и вновь бежал, забираясь в самые непролазные дебри. Через какое-то время упёрся в болото, которое взялся обходить по краю, из-за чего скорость передвижения упала, но при этом я не видел того, чтобы меня кто-либо преследовал. По пути удачно поймал небольшую змейку, толщиной в три моих пальца. Откусив ей голову, поддел когтем кожу и сняв её как чулок, принялся на ходу жевать. Заметил — чем больше я трачу сил на бег, борьбу, тем более сильным становится мой голод. Но при этом и раны зарастали невероятно быстро. Вот, казалось, получил царапины от псины — так они уже выглядят, как будто пару дней прошло, и там где были ранки, лишь остатки запекшейся крови и чешущиеся розовые пятна. Задумавшись, провалился по пояс в яму, причём выбрался, лишь приложив значительные усилия. А всё потому, что пытаюсь обойти болото, сам не заметил как оказался в самом их центре. Вроде вот только заросшая ряской вода была только с одной стороны, а тут уже и спереди, сзади, по бокам. Вокруг остались лишь самые мощные деревья, но все какие-то больные, без листьев и обросшие мерзопакостным на вид лишайником. Лишь изредка можно было заметить растущие тонкие деревца. Срубив одно такое, прощупывая им почву попытался вернуться по своим следам, но всё на пути казалось незнакомым и в итоге ещё больше запутался. Пройдя ещё немного, оказался на берегу небольшого озерца. И тут же вжался, а затем и распластался в грязи, оставив торчащим из этой грязи лишь глаза, уши и нос.

Над водой, в хаотичном порядке, кружили светящиеся огоньки. Их было не так уж и много, едва липолдюжины. Небольшие, размером с кулак, они кружили в каком-то своём

загадочном танце и было неясно, как бы они отреагировали на то, чтобы за ними кто-то наблюдал. А под ними, по поверхности воды скользили в воде брёвнообразные спины, с торчащими из них множеством мелких плавников. Это было похоже на то, как если бы гигантская стрела вдруг стала живой и её оперения стали плавниками. Из под воды доносились стоны, с бульканьем выходил воздух и было непонятно, обычные ли это звуки болота, звуки общения этих животных между собой, или я стал свидетелем какого-то местного загадочного ритуала неизвестных существ, от которого бы мне надо держаться подальше. Решив, что мне тут совсем неинтересно, медленно начал отползать, заливая нос жижей, но даже фыркнуть опасался, чтобы не привлечь ничьё внимание. А пока полз, под собой нащупывал не только коряги, грязь и траву — пару раз попались клыкастые черепа и разрозненные кости. И оба раза, натыкаясь на них я обмирал. Мне казалось что я уже сам влез в пасть затаившихся чудовищ и вот-вот от меня откусят такой кусок, нанесут такую рану, которую залечить я уже не смогу.

Когда отполз, содрал с себя присосавшихся пиявок и постаравшись хотя бы примерно соотнести свой путь с окружающей местностью, двинулся дальше. Пока блуждал, совсем рассвело и после ночной тишины вокруг поднялся настоящий гвалт — жужжание насекомых, кваканье лягушек, треск падающих с высоты веток, крики ярких птиц. Кое-где попадались похожие на пауков, многоногие и тонконогие существа, бродящие по топям и никак не обращающие на меня внимания.

Наконец, чем дальше я уходил, тем чаще встречались островки суши, яркие растения, цветы, заросли из торчащих на огромную высоту трубкообразных зарослей, через которые даже невозможно было прорубиться с помощью меча и вновь начал обходить некоторые участки. С меха приходилось выковыривать всевозможных кровососущих паразитов, которые пытались устроить там свои гнёзда, которые также набивались в нос, глаза, уши. Тут частично помогло то, что вновь измазался грязью. Время от времени ловил больших лягушек, мясом которых и пополнял свои силы. Они же служили и в качестве пополнения жидкости в организме, потому что пить местную воду не рисковал.

Через какое-то время посреди этих местами заросших зарослей встретил каменный выступ, который при ближайшем рассмотрении оказался частью старинной стены, сложенных из обтёсанных каменных глыб. Вокруг из почвы торчали ещё несколько более мелких обломков, но ничего похожего на здание, вокруг которого могла бы быть выстроена эта стена (а она прям похожа на стену) не было обнаружено. На вершине этой стены, на обработанных камнях решил остановиться, хоть времени до заката было ещё довольно далеко. Лежал и сверху смотрел на бродящих по окрестностям местных жителей, часть из которых скрылась перед темнотой, а на их место пришли другие, имеющие странные и причудливые формы, настолько, что на утро я уже лежал и думал, а не приснилась ли мне эта ночь. Но нет, оставшиеся следы говорили сами за себя. В очередной раз в моей голове появилась мысль о том, что надо выходить из этих диких мест в местную цивилизацию, постараться где-то там найти своё место.

Путь выводил во всё более сухую местность, где стали вновь попадаться чистые ручейки и исчезли стаи кровососущих насекомых.

Под одним из кустов нашёл зайца, который прикинулся мёртвым, но таковым не являлся, думая, что я его не замечу, наивный. Шкурку от жира обгрыз, но обработать было негде, пришлось выкинуть.

Жизнь налаживалась. Пока не встретил старых знакомых.

Ближе в середине дня я заметил в стороне от себя пару небольших синекожих ящериц. Очень похожих на тех самых, которые стояли во втором ряду войска ящеров, напавших на подземный город крыс. Поменьше, с браслетами из жёлтого металла на конечностях (сперва издалека не разобрал, что за металл), с небольшими желтоватыми гребешками на головах, с пучком коротких копий, они медленно двигались параллельно моему курсу. Не желая так или иначе с ними пересекаться, я повернул в другую сторону, но через какое-то время уже в другой стороне, метрах в тридцати увидел ещё одну пару ящериц. Хоть они и двигались довольно плавно и казалось неторопливо, я был уверен, что это другие. И при этом, их темп был примерно равен моему.

Окружают. В груди похолодало. А может выводят под чей-то удар? Что делать? Прорываться! В какую сторону? Через них? А кто знает, может я вижу пару, а их там на самом деле больше?

Уже почти не скрываясь, побежал в ту сторону, где ещё не были замечены эти хладнокровные. Бег через лес, вновь ветви в лицо, овраги, ямы, буераки. Полчаса бега, остановка напиться воды в крохотном ручейке и вижу, что позади меня бежит уже пятёрка этих синекожих, а слева и справа всё так же по паре. Выругавшись, постарался побежать ещё быстрее. Но мои усилия не увенчались успехом, так как вскоре, мокрый от пота, но сохраняющий силы, выбежал на просторную покатую луговину, посередине которой, выстроившись в ряд, стояли трое полноценных завров, с десятком тех же синекожих ящериц, что загоняли меня. И добились своей цели.

Из лесного подлеска вышли синекожие, у которых гребни уже были расправлены и светились оранжевым цветом, но прямоходящие ящерицы не спешили нападать, а потому я получил возможность рассмотреть завров поближе. Я их видел как здоровяков двух с половиной метров роста, с чешуёй тёмно-бирюзового цвета, какого-то зеленоватого оттенка. При этом каждый из них немного по цвету отличался друг от друга. Три ряда костяных наростов на голове, один из которых переходит в гребень, произрастающий по позвоночнику. Ушей вообще не видать, маленькие глазки, защищённые нависающими костями черепа, почти отсутствующие губы не прикрывают частокол острых зубов. Мощный мускулистый торс, крепкие руки с металлическими кольцами на запястьях, пятипалые кисти, оканчивающиеся короткими толстыми когтями (почти как у меня), толстые ноги и довольно крупный хвост. В одной из своих рук они держали толстые щиты, судя по всему из красноватого дерева, окованные тем же металлом, из которого сделаны были и их украшения — наверное бронзой. А в другой — могучий шипастый каменный меч из черного с отливом камня у того, что стоял посередине, тогда как у двух других — не менее большие шипастые дубины. А ещё, за спиной того, что стоял в центре, стояла страхолюдина — здоровенный зверь, стоящий на двух крепких лапах, вытянутым горизонтально телом, с длинным хвостом и головой, чем-то немного похожей на голову завра, но обладающую ещё большими зубами. Голова этой твари возвышалась немного над заврами, а когда она немного её отклонила, то увидел, что на спине было прикреплено седло.

Дав мне какое-то время, чтобы оценить ситуацию, в которую попал, стоявший по центру завр что-то рыкнул и вперед вышел один из синекожих, заговоривший на понятном языке, лишь немного шипя, отчего пару слов пропустил:

— Могучий Те'ахгу'аки предлагает тебе, грязный (неразборчиво), бросить оружие и принять дар, который он (неразборчиво). Если ты сдашься, то твоя душа не пропадёт в (неразборчиво), а будет возвращена в мировой (неразборчиво) наиболее безболезненным

способом. Если не падёт твоё оружие и не преклонишь колени, в радости своей от дара, то могучий Те'ахгу'аки вырвет у тебя твоё гнилое сердце сейчас, дабы не осквернять взоры детей Древних несовершенством твоего существования.

Сомневаюсь, что в том коротком рыке было столько всего, и сказано было именно так, но в их языке не разбираюсь, а потому пришлось поверить на слово.

От этих не убежать, смотря на жадно наблюдающим за мной оседланной хищной скотиной завров, думал я. Да и есть уж больно хочется опять.

Меч выскользнул из ножен. Разводы грязи и крови были хорошо видны на этом неплохом клинке, который уже так хорошо ему послужил.

Смотря в глаза главного завра произнёс:

— Если Те... гуки... ТеГук, настолько могуч, то пусть попробует!

Уж лучше попытаться сразиться с этой кучей мышц, чем вновь попасть на опыты. Да и слова о душе... Есть она, нету её — не знаю, но вот рисковать тем, что они могут с ней сделать, не собираюсь. Смерть — это всего лишь немного боли. Раз — и меня тут просто нет.

Но сперва я им пушу крови, с пробуждающейся злобой думал я.

Конечно, у меня против всех точно нет ни единого шанса — просто закидают копьями. Смотря на эту возвышающуюся надо мной громаду, несмотря ни на что, верил, что один на один я смогу ему испортить жизнь, а при удаче и победить! Верить и не сдаваться! Это единственный шанс. И я ещё помню, как эти завры одним ударом рассекали по нескольку мутантов, как спокойные неторопливые удары уничтожали плохо вооружённых крыс в дрянных доспехах или вовсе без них, и даже так они несли потери, когда вал крыс накрывал их.

Завр, издал очередной рык и его синекожие помощники разошлись в стороны, образовав небольшое кольцо вокруг нас.

Завр не сделал ни единого шага в мою сторону. Вместо этого он острием своего огромного меча сделал несколько движений, будто предлагая мне атаковать его. Ха! Нашёл дурака! Он тут свеженький прохлаждался, пока меня к нему выведут мелкие, и теперь я, немного взмыленный ещё должен нападать?! Ну нет, теперь твоя очередь.

Привычно уже перехватив нож хвостом, быстро наклонился и зачерпнув грязи, метнул её в сторону ожидающего воина. Не было цели куда-то конкретно попасть, но задеть его, вывести из себя — да, было бы неплохо.

Ящер попытался откониться, частично прикрывшись мечом, но от этого вышло даже немного хуже. Разрубленная на более мелкие липкие комья, грязюка полетела широким веером, жирными пятнами угодив в морду, пасть, залепив один глаз. В ярости взревев так, что прошла виденная взглядом звуковая волна, он в бешенстве замотал головой, разбрызгивая грязь и ринулся ко мне, широко замахиваясь мечом.

Только глупец будет лезть под такие удары, а потому ни блокировать, ни вообще как-либо подставляться под его удары не собирался. Ещё бы! Вся его фигура олицетворяла мощь, перед которой мало что могло устоять. Если стоять под ударами. Но моё преимущество — быстрота реакции. Отпрыгнуть в сторону и попытаться рубануть кончиком меча по его лапам, но только и успел, что перекатиться дальше от нового мощного удара. Удар вертикальный, затем рассекающий наискось воздух на том месте, где был секунду назад. Гудение воздуха от лезвия его меча перекрыло все слышимые звуки.

Распластаться на земле и не успевший вовремя среагировать за мной вражеский меч

увяз в почве недалеко от моей головы, что даёт небольшой шанс. Выпад своим клинком по его когтям, а и удар хвостом, держащим нож, в бедро. Мечу удаётся срубить частично срубить один коготь, а нож бессильно соскользнул с его чешуйчатой шкуры. Сила ударов моего хвоста значительно уступала силе рук. А вот его хвост, которым он ударил с разворота, не подвёл. Свист воздуха и не успеваю среагировать, как меня сбивает на землю и только чудом удаётся повернуться дальше от последовавшего удара мечом.

Да, завр был медленнее меня, но гораздо сильнее и тренированнее. Я кружил вокруг него, пытаюсь колоть, рубить мечом и ножом, но всё это было без какого-либо серьёзного для него вреда. Лишь несколько царапин на шкуре отмечали следы моих попаданий, из которых сочилась зеленоватая кровь. Но и этого ящер не ожидал. Его движения становились всё более порывистыми и были довольно быстры. Наша драка, неожиданно стала идти на выносливость и внимательность. Мне было достаточно ошибиться один раз, и этот Те'ахгу'аки размазал бы меня в грязи как букашку. А вот продырявить его шкуру и нащупать слабые зоны всё не удавалось.

А контролировать себя было всё сложнее. Силы уходили, и ничто их не пополняло. Специфический запах крови ящеролюда дразнил, появлялось желание вцепиться зубами в его горло, вырвать клочок мяса и глотать, глотать эту сладость...

В битве возникли пару секунд, на которые я отпрыгнул от ящера, глядя на него и замечтавшись. И завр сделал неожиданный ход — раззявив свою внушительную пасть, он издал настолько мощный рёв, что я на время оглох, в глазах потемнело, захотелось зажать разрываемые в ушах перепонки. И тут бы ему располосавать меня на части, но возможно желание принести меня в жертву где-то на алтарях своих богов или скормить меня каким-нибудь детёнышам пересилило. Схватив своей громадной ручищей меня за руку, он дёрнул вверх и к себе, отчего я оторвался от земли, взмыв в воздух, упав у его ног и уронив меч, а затем, как кнутом или дубиной, вновь рванул вверх, и с маху приложив об землю. Это был чудовищной силы удар. Я знал, что он силен, но чтобы настолько...

Показалось, что голова лопнула, а кости рассыпались. Всё тело наполнилось болью, и непонятно было, что же болит больше. Из горла вырвался булькающий хрип, зашёлся в кашле выплёвывая кровавые слюни, и часть осколков зубов. Но сознания не потерял, хоть и потерял возможность сражаться на какое-то время, лишь наблюдая за врагом и желая о том, как бы вцепиться в него.

Завр, рыкнул что-то синекожим, и те направились ко мне. Но дойти у них не получилось.

— Уооооо! Уоооорррр! Уооооорррррр!!! — многоголосо и дико завизжали выскакивающие на поляну из-за спин ящеров многочисленные неизвестные воины, не люди, и не звери, а какая-то их мерзкая помесь. Помесь животных и людей, они были странной смесью меха, кожи, перьев, рук, копыт и рогов. Шерсть не мешала видеть перекатывающиеся под кожей мускулитые руки, держащие в руках копья, дубины и топоры. Глухо стуча копытами и лапами, они высыпали на поляну неудержимой лавиной. Было удивительно, как их могли не услышать раньше.

— Да откуда вы все берётесь... — прошептал я, через головокружение наблюдая за набегающей волной этих существ.

Рёв ящеров и набегающих зверолодов синекожие встретили бросками коротких копий, а три завра, в том числе и тот, что так приложил меня, подняв своё оружие взревели и вместе со своим оседланным зверем, на котором уже восседала пара синекожих, без страха

бросились навстречу незванным гостям. Размахивая монструозными шипованными дубинами, они первыми же ударами сбили с копыт лысых козлов, и принялись ломать лапы, руки, давить своих врагов, перекусывать своими острыми зубами шеи, и порой держа одною рукою своё оружие, свободной рукою вскрывать острыми когтями их тела, вспарывая, будто они были из старого и гнилого пергамента. Синекожие, утратившие яркость своих гребней, не стремились вступать в ближний бой, закидывая врагов сперва копьями, а затем оружием мёртвых, нападали со спины, вонзая острые кинжалы под лопатки ревущих тварей. Оседланный хищник носился по поляне, разрывал на куски зверолодов, сбивал их в грязь, отрывал огромной пастью куски мяса, визжал так, что от этого закладывало уши, а всадники на его спине били по обе стороны топориками, калеча нападающих.

Но и те не уступали им в ярости, а может даже и превосходили. Зверолоды совершенно не думали о защите. Видя, как только что перед ними огромный меч развалил одного зверолода от шеи до паха, на место убитого тут же вставал следующий, пытаясь сблизиться поближе и пустить кровь врагам. Шипованная булава смяла плечо и вывернула лапу в другую сторону? — значит свободной лапой надо продолжать бой, будто ничего и не произошло. Вспороли горло и теперь тёмная жидкость, дымя, вырывается из разреза, заливая тебя и врагов? — не обращать внимание на продолжающегося утыкивать тебя врага, а проткнуть копьём широкую спину завра или синекожего, наваливаясь на него содрогающимся в агонии телом. Несмотря на то, что у них так же были острые зубы и клыки, они в первую очередь дрались оружием, и только потом, лишаясь его в пылу драки, пускали в ход всё остальное.

В этой бойне не было видно каких-либо следов управления, никто не командовал бойцами с обеих сторон — ярость, обжигающе горячая и ледяная, но одинаково убийственная, сошлась сейчас здесь. Враги ненавидели друг друга и готовы были умереть, но утащить с собою как можно больше противников.

Оказавшись в гуще схватки, меня чудом не затоптали в первую минуту, но так не могло продолжаться долго. Надо было действовать, вставать и либо бежать, либо вступать в продолжающуюся драку. И выбор только один.

С приоткрытой пасти капала слюна, перед глазами стояла багрово-чёрная пелена, через которую было чётливо видно только то, что вокруг кровь. Много крови! Меч главного завра рубанул вокруг себя, разваливая несколько тел и брызги крови полетели в разные стороны. Тухлым запахом и прогорклой на вкус кровью попало и на меня и желание сожрать этих порченных тут же снизилось. Но ведь тут есть и другие, к которым уже есть кое-какие счёты.

Основная масса зверолодов окружила завров, тогда как оставшаяся часть пыталась расправиться с синекожими и зверем. Меч где-то был под сражающимися, но мои когти и зубы всегда со мной. Опираясь на все конечности, не знаю как получилось, в два огромных прыжка подмял под себя синекожего, перекусив ему лапу, когтями пробив грудь в том месте, где у всех находится сердце, но вытащил наружу лишь кучу раздавленных внутренностей, просочившиеся сквозь пальцы, а не тёплое и вкусное трепетно бьющееся сердце.

— Хотя, — я глянул по сторонам, - рядом есть целая гора мяса! И наверняка он не менее вкусный, чем клыкастик.

В моей пасти кололи нёбо осколки зубов, кровь лилась в горло и из пасти, затрудняя

дыхание, которое с хрипом вырывалось из лёгких. При движении тело болело, наверняка что-то сломано. Но сейчас ходячая гора мяса была для меня самым главным призом. И ни одна мысль о том, что для меня это может оказаться последним действием в этой короткой и странной его жизни, не промелькнула, когда он игнорируя боль помчался вслед зверю. Пицца! Это всего лишь пицца!

Синекожие со зверем нарезали круги вокруг собравшейся толпы зверолодов, пытающихся убить завров и вносили основную долю сумятицы в бою. Не останавливаясь, они наносили урон, сбивали врагов с ног, врываясь в их порядки, а упавших добивали часто завры, либо они оказывались затоптанными соими же. На ходящих ходуном боках зверя было уже немало следов порезов, но он был всё так же силен.

Отталкиваясь всеми конечностями от земли, набрал разгон. Увернуться от одного зверолода, обогнуть другого и прыгнуть на спину третьему. Ошеломленный таким ходом рогатый попытался поддеть меня рогами, но я уже оттолкнулся от его плеч, оставляя кровавые рассечения, чтобы ступая между торчащих рогов, наконечников копий этой шевелящейся толпы, шагать, прыгать с плеч на головы и обратно. Кто-то падал, кто-то пытался ударить, но я был для них слишком быстр. Руки были испачканы их вонючей кровью, но меня они совсем не интересовали. Прыжок... Прыжок... И отталкиваясь от последнего козлоголового и вырывая клоки его шерсти, отчего он не жалобно заблеял, завершил свой прыжок в седло с проносящимся зверем.

Придавленные сцинки зашипели и барахтаясь, попытались что-то сделать мне, но один не удержался в седле и был тут же разорван набежавшими зверолодами, а второму просто свернул его шею и также выкинул в толпу беших тварей — у меня остаётся больше!

Зверь всё так же мчался, не замечая того, кто у него сидел в седле на спине. А мне и придумывать ничего не надо было, опыт имелся! Когтями впиваюсь в толстую шкуру, и только тут хладнокровный понял, что что-то идёт не так. Давно заметил, что мои когти стали крепче и острее после того, как съел те пахнувшие корицей камушки и переболел жуткую болезнь. И теперь даже такая природная броня, как у этого зубастика, не могла ему пригодиться в полной мере. Правда имелся минус — когти были не не слишком длинными, и потому приходилось сильно потрудиться, чтобы достать до жизненно важных органов.

У зверя на этот счёт были свои планы. Раздался крик, большие похожий на металлический скрип и упав на спину, он несколько раз перекрутился, желая меня раздавить и лишь каким-то чудом обошёлся без серьёзных ранений. Но хищник в этом деле, избавиться от меня, просчитался. Как только он поднялся, с намертво вцепившемся и полусвисающим с его тела мною, он уже был окружен толпой зверолодов, опередивших в него в него свои свои копья. И пусть не все из них смогли проткнуть его чешую, но находя разрывы в ней, они глубоко погружали своё оружие, поражая внутренние органы, и потребовалось совсем немного времени на то, чтобы некогда сильное существо оказалось забито толпой с примитивным оружием.

Завры навалили перед собой десятка три врагов, и не было уже места около них, чтобы не ступать по телам поверженных, а из леса ещё появлялись небольшие группы зверолодов, сразу вливавшиеся в драку, готовые по головам своих сородичей добраться до завров, стоящих спиной к спине. И среди них порой появлялись особи, которые по своим

габаритам и силе не уступали этим воплощениям войны. И среди таких был один, выглядящий как дальний родич человека, собаки и кабана: массивное тело, покрытое тусклым темно-серым мехом; собачья морда, но с рогами и длинными кабаньими клыками; длинные конечности, заканчивающиеся острыми когтями и с зажатым в них длинным ржавым мечом. Завыв по-собачьи, он со своими собратьями быстро приблизился и одним ударом перерубил одну из булав завров, а потом и рубанул по его шее. Обливаясь кровью, этот завр пропустил множество ударов и в конце концов рухнул навзничь, открыв спины своих товарищей, которые после этого продержались совсем недолго. У тебя может быть насколько угодно крепкий череп, но если по нему нанести десятки ударов крепкими дубинами, то рано или поздно череп не выдержит. Несколько синекожих, которые ещё оставались в живых и кружили между деревьями, побежали прочь, быстро скрывшись. Забив завров, многие звери не захотели или не могли прекратить бойню — они сцепились между собой. Причём делали это наиболее мерзкие с виду особи, по которым порой невозможно даже было судить, какое животное лежит в его основе. Успокоились они только тогда, когда либо разорвали своего соперника, либо уже их обезображенное тело опускалось на землю. И далеко не сразу они обратили внимание на меня, который набивал себе живот вкусным мясом, пахнущим почему-то какими-то травами. Далеко не сразу они поняли, что я чужак, но мне было всё равно, у меня было дело. Правда и пелена перед глазами спала, а потому потихоньку приходил в сознание, прикидывая шансы убежать. Видя, как я уже просто отрезаю когтем слой мяса а затем жую мясо ящерицы, стоящие полукругом твари зарычали, завопили, затопали копытами, застучали своими топорами и дубинами о щиты. Часть из них рычала, вроде как обращаясь ко мне. Пока один, не обезображенный уродствами, псиноголовый, не обратился более понятно на смутно знакомом наречии. — Ты кто? Имя, как твоё имя? — пророкотал он — Как тебя зовут? Потребовалось какое-то время, прежде чем я смог вытащить из себя знание слов и соединить их вместе. Да и вопрос поставил в тупик. — Не знаю. Меня ещё никто не звал. — Из какого ты племени? — У меня нет племени. — потом подумал и добавил, хоть и не считал крыс подземного города своими. — Убиты. Этими. И указал на тела завров. Зверолоуды вновь закричали, завывали, потрясая оружием. — Ты один. Храбр. Ешь врага. Мы, — он поднял руки, показывая на обступивших нас воинов — Гурт. Пропитанные Кровью. Я — Хауз Щетинистый. А потом он сказал то, чего я не ожидал услышать. — Пойдём с нами, дальний родич! Мы везде, где есть леса. Мы едим подлых захватчиков. Мы несём смерть. Идти с ними? Это не совсем то, чего я хотел. Мне бы в цивилизацию, огонь... Но и блуждать по лесам не хотелось, тут чуть-чуть ящерицы не уволокли для своих ритуалов. Да и отпустят ли меня, если откажусь, вот в чём вопрос... — Гурт идти на сбор племён! Великое войско. Сокрушить всех. Много крови. Много смерти. Много еды. Что-то я уже подустал от всего происходящего. Да пусть всё будет так как идёт. Посмотрим, что там такое намечается. — Ты с нами? — Да. — Имя. Я звать тебя... — небольшая пауза, окидывая меня взглядом, сидящим на туше зверя и отрезавшем себе очередной кусок и не прекращающий жевать, не смотря на окруживших зверолоудов. — Голодное Брюхо.

Последовавший затем лай, визг, мычанье от окружающих можно было расценивать наверно как хохот. По крайней мере, у них было и чувство юмора, пусть и своеобразное.

Глава 6

С поляны ушли довольно быстро, а именно как только насытились. Если я считал, что есть разумных существ это не совсем хорошо, особенно когда рядом находится другие варианты, то для зверолодов было без разницы кого жрать. Сцинки (это те синекожие, так их называл Хауз), завры, хладнокровный — все они были обглоданы. И если первыми насыщались и грабили тела павших крупные воины, то последними получили возможность насытиться козлоногие, лысоголовые полужвери, у которых на голове только проклёвывались рога или вообще безрогие. При этом они не побрезговали даже павшими сородичами. Их звали браями и унгорами, и они являлись низшими существами в гурте, а также являясь самыми многочисленными и основными добытчиками гурта.

Гурт или проще говоря стадо, насчитывал примерно в пределах тысячи особей. Но все шли несколькими отрядами, чтобы легче было прокормиться, и которые могли за себя постоять в случае если наткнуться на патрули людей и ящеров. Были ли среди них самки — непонятно, но по первичным признакам я не находил. А если спрашивать тех, с кем можно было говорить — молчали, не отвечая.

Насчёт языка — нашлось несколько особей, с которыми мог односложно общаться. Но чтобы они делились со мной чем-то (а мне было интересно абсолютно всё) приходилось их регулярно подкармливать. Еда — самая лучшая денежная единица! Кроме неё, высоко ценилось только оружие. Правда в еде и оружии у них были своеобразные пристрастия. Еда — это конечно же мясо, и самый деликатес — еда разумных. За него запросто могла произойти драка, а потому доставалось оно самым сильным и агрессивным воинам. Правда любого мяса было не слишком много, и браи с унгорами подкармливались тем, что переворачивали сгнившие брёвна, выискивая личинок, жуков и прочих насекомых.

Моя роль в гурте стала быть одним из добытчиков, что одновременно означало и быть охотником на монстров. Тварей в лесу было довольно много, и если я видел что-нибудь простое — подросших поросят, косуль, оленей, больших бегающих лесных птиц, то сам старался схватить. А вот если было что-то типа клыкастика, ползающие здоровенные ящерицы (не разумные), какие-то мохнатые зубастые хищники, то на таких выводил гурт. Помимо участия в схватках с хищниками, опасностью оказалась встреча с кожаными наростом на стволе крупного дерева. Подойдя из любопытства довольно близко, был оплетён щупальцами и только чудом в захват не попала одна рука и удалось перебить их прежде чем меня всосало в вывернувшийся наизнанку мешок, оказавшийся немного похожим на наполненный вшитыми гвоздями внутрь. Отойдя подальше, долго думал как отомстить — кидал камни, которых было мало и не принесло никакого результата. А когда привел зверолодов, те только односложно пояснили, что эту гадость жрать нельзя. Так и пришлось уйти, затаив на это существо злобу.

Во всех случаях я в первую очередь насыщался сам, а потом уже приносил всё, что добуду в стадо, где эта еда тут же разбиралась. Конечно, были те, кто сразу захотел поставить меня на низ пищевой цепи стада, но браи с унгорами оказались совершеннейше тупыми существами, с которыми разговор оказался коротким. Когда один из них подошёл и захотел просто утащить с плеча половину туши косули, то удар кулаком в лоб, меж их рожек отправил любителя халявы в кусты, где он и провалялся ближайшее время в беспамятстве. Чем больше я наблюдал за ними, тем больше мне казалось, что в результате мутации у них

отмерли все естественные органы чувств. У них не было ни мозга человека, ни инстинктов зверя.

Следующими по числу особей были те, кого называли горами. Частично обряженные в доспехи, шумные и агрессивные, они были более хитрыми и умными по сравнению с унгорами здоровяки, и отличавшиеся уже полноценными рогами, за которыми они старательно ухаживали. Вообще, рога — это было для звероловцев их ВСЁ. Поэтому мне, безроговому, настоятельно рекомендовано было участвовать в добыче пропитания, чем не занимались уже более привилегированные горы, если, конечно речь не шла об убийстве разумных. А рога, как и головы, были самые разнообразные — встречались те, у кого были волчья голова и олени зазубренные рога, бычья морда нормально чувствовала себя с бараньими, а трёхрукий конеголовый бегал с огромными спирально закрученными антилопьиными рогами. Нередки были альбиносы и те, кто носил полосатую или пятнистую шкуру. С бугристых подбородков свисали длинные бороды.

Было ещё несколько особей в этом гурте, которых называли бестигорами, и отличавшихся ещё большей силой и агрессивностью, которую они при любом удобном случае показывали на горах и унгорах и которым я старался не попадаться на пути. Хотя порой так и подмывало проверить крепость их шкур и какого запаха их кровь.

Несомненно одно — и без крови воняло от звероловцев чудовищно. Браю вымазаться в навозе, чтобы не привлекать к себе внимание “старших товарищей” было практически в порядке вещей.

Но самые исковерканные твари мне встретились тогда, когда мы объединились ещё с несколькими племенами спустя неделю пути.

Здесь присутствовали настолько измененные и потерявшие разум существа, что приходилось гадать, как же они вообще появились на свет. Изменённые кентавры, у которых вместо шеи и головы человека была крупная зубастая бычья рогатая голова, возвышавшаяся на покрытый красной кожей торсе с широкими плечами с шипастыми наплечниками. В руках монстры держал костяные мечи и протазаны, клинки которых были сделаны из ребёр каких-то чудовищ, а гарды и рукояти были сделаны из позвоночников и украшены наверхиями-черепами.

Десятки трехметровых минотваров, чудовищный горгон, стаи покрытых чешуёй измененных волков, несколько прожорливых пятиметровых рогатых одноглазых великанов и другие странные существа, которые по степени своей мерзости мало уступали отстойнику крысиных лабораторий.

Но были и те, перед которыми и эти чудовищные существа пасовали и стремились не привлекать своего внимания. Шаманы. На удивление, внешне они выглядели как простые браи, но с некоторыми особенностями. Светло-зеленые шкуры покрывали странные, похожие на мох наросты и клочья шерсти, чудовища носили рваные плащи из похожую на человеческую кожу... Горбатые с рогами и без. В узловатых руках они сжимали длинную деревянные палки с примотанными к ней светящимися осколками камня. Камня, от которого исходило такое знакомое чёрно-зеленое свечение, и который оставлял такой специфический запах... Когда они шли, деревья рядом с ними высыхали и причудливо перекручивались, а из почвы выползали черви и мелкие гады, ползущие следом.

Но и они были не главными на этом собрании скота всех мастей, форм и оттенков шкур и чешуи. Главными тут были варгоры — самые крупные и мощные из бестигоров, с великолепными острыми рогами на косматых головах, которые у каждого из них

вырастали так, что перепутать с кем-то другим было невозможно. Их толстые шкуры были испещрены множеством шрамом, а троих из четверых прикрывали толстые полные доспехи, изрисованные разнообразными символами. При одном взгляде на них становилось плохо и даже горгон, который скорее походил не на живое существо, а скорее демона, не внушал и половины такого страха. Вот с ними я бы не хотел сталкиваться никогда.

Лагерь, в котором оказалось по примерным прикидкам более четырёх тысяч тварей требовал огромное количество еды и приходилось вычищать абсолютно всё что можно было съесть. Нередки были случаи, когда забитых унгоров или раненых в схватках между собой и на охоте, съедали в самом лагере, предварительно прожарив. Многие из звероловов вообще теряли над собой контроль, как только чувствовали запах крови и могли пуститься крушить всё и всех, кто попадётся им на пути. Поэтому я много времени старался проводить вне лагеря. Часто появлялась мысль свалить подальше от таких существ, которые выступали то ли в качестве то ли союзников, то ли уже в качестве каких-то хозяев, что мне было противно.

Кое-что я видел сам, а что-то мне рассказывали мои новые товарищами, с которыми я общался, преодолевая языковой барьер. Большим подспорьем была встреча с некоторыми бывшими оборотнями, чья звериная сущность оказалась сильнее, и они уже не могли менять облик на человеческий, а остановившись в своей трансформации где-то посередине. Слишком уж им когда-то нравилось ощущать себя зверьми. Но человеческая речь им была знакома и через них он узнал много чего помимо устройства племён.

Информация! Сведения! Какие это сладкие слова! Сколь много можно узнать о мире, где ты живёшь, просто задавая вопросы.

— Язык, на котором мы говорим, это тилейский. — говорил Тиф Серая Лапа, светлошерстный полуволок, натирая свои небольшие рога охрой, придававшие им такой цвет, будто он их выкупал в крови. — Это было одно такое объединение людей в том мире, откуда мы пришли. Их, человеческих языков, на которых говорят и здесь, множество.

— Том мире? Расскажи!

— Да нечего рассказывать... Это не наш родной мир. Когда-то давно, сотни лет назад мы жили в месте, где существовало множество рас. Мир, созданный Древними. А потом они ушли, и началась война всех против всех. Боги Хаоса не могли это оставить без внимания, послав туда свои легионы. Тогда появились и новые, могучие расы — мы, зверолоды! Тёмные боги отметили НАС своим благословением, дав НАМ несокрушимую силу! И до сих пор та сила с нами, через которую мы чувствуем богов и постоянно становимся сильнее! — его глаза налились красным. — Нам была поручена цель — уничтожить всё, что осталось от жалких поделок этих шавок, что вздумали сотворить свой мир. Слабые люди, не принявшие благословения правильных богов были нашими главными врагами, но и других мы убивали тысячами. Леса — это наша вотчина! И каждый, кто входил под кроны, становился нашей добычей. Мы собирались в огромные войска и разрушали вражеские поселения, не оставляя камня на камне, а через года руины покрывали вновь леса.

Он замолчал, почесав голову.

— Не всё помню. Часто забываю. Людешки вроде иногда отбивались... Но потом потом благословение Тёмных Богов подняло шторм! Шторм ветров магии! Там, где они схлестнулись между собой, целые куски земли с теми, кто там находился, перенеслись сюда, в новый мир. И спаслись многие наши враги. А мы тут оказались, чтобы и здесь

уничтожить всех и удобрить их кровью новые леса!

Он захохотал-завыл, подняв голову. Я поспешил задать вопрос:

— И кто тут вообще есть?

Вытерев с пасти слюну, он продолжил отвечать:

— Людишки вновь расплодились... И их мертвые, которых они закопать не могут бродят рядом с ними. Выводки тупых ящериц, которые считают себя наследниками Древних.

Он посмотрел на свои лапы, будто пытаясь сосчитать.

— Ещё есть вкусные изнеженные лесные жители, белокожие, которые пытаются сопротивляться, но уходят всё дальше вглубь лесов, к нам в зубы, и которые пытаются оживить леса для своей защиты. Кто-то из них ушёл в море, чтобы мы не могли их достать. Есть похожие на людишек, ушедшие под землю, чтобы спрятаться от нас и прячутся там. Редко видим. Есть зеленокожие гады, которые заняты тем, что живут войной, но совсем бесполезны и мы их тоже уничтожаем, и потому они в лесах не живут, выбрав степи и горы, куда мы вскоре придем.

— А ты почему спрашиваешь? — подозрительно взглянул на меня.

— Не помню. Я ничего не помню из того, кто я такой.

— Благословение Тёмных Богов действует! Ты забываешь неправильную, прошлую жизнь. Ведь видно, что ты когда-то был человеком. А теперь ты служишь Хаосу и они даруют тебе новую жизнь, пустую от ложных верований и переживаний. Гордись! Мы тоже все очистимся. Мы становимся лучше, служба Хаосу! С каждым убийством мы будем ближе к тем, кто нас создал!

— Становимся лучше... То есть когда отрастёт у меня третья рука или рога, это значит меня отметили боги?

— Конечно!

В панике оцупал голову. Да вроде есть утолщение на лбу, но вот поди разбери, это череп и был такой или его тело меняется. Не хочу! Обойдусь без отметин богов!

Рядом прошёл зверолод, с висящими на ниточках глазах, с многосуставными клешнями вместо рук. И что за зверем он был? А может он был обычным сельским жителем, которого затянул лес в своё тёмное нутро? О, боги, если вы есть, уберегите от подобной участи!

Постепенно я узнавал об окружающем мире чуть больше. Например о том, что ближайшими от гурта земли были населены продвинувшиеся вперёд людские земли нескольких племён, а также государства ящеров, что в общем и так было понятно. Но этого было мало. Видно со временем все воспоминания о прошлом выветривались из их голов. Потому сведения были уж слишком отрывочны и оставляли больше вопросов, чем давали ответов. Кто такие Древние? Что за камни таскают на посохах шаманы стад? Что за Штормы были в прошлом и как они умудрились перекидывать меж мирами целые куски мироздания? О каких народах рассказывали зверолоды? Есть люди — но одним ли государством они живут? Живут ли в их государстве представители других народов? Всё это было весьма интересно...

А пока я встраивался в общество зверолодов, которым было в общем-то всё равно на меня и на мои расспросы, пока я выполняю ту задачу, которую мне поручил Хауз, снабжая их едой, события внутри гигантского стойбища развивались.

В одну из первых ночей после объединения гуртов варлорды сцепились между собой. Я

не видел начала, с чего всё началось. Было ли это у них в планах, или кто-то кому-то лапу отдал, но вот результат уже увидел. Гиганты кромсали друг друга когтями и мечами, прокусывали мышцы клыками, били шипованными кулаками, хлестали хвостами, нанизывали на рога, душили и ломали конечности без всякой жалости. Брызги крови летели на собравшихся зрителей под их одобрителный рёв. Победитель в одной схватке тут же начинал новый бой, несмотря на то, насколько он был ранен, устал или нет — всем на это было плевать. Несколько туш валялось на импровизированной бойцовой поляне, когда оставшийся в живых зверолод, стоя с оторванной шестирогой башкой в руках диким рёвом вызывал новых желающих на бой, и претендентов сразиться с ним не находилось. Так новым вождём войны стал Донгор Перворог, сожравший печень врагов, а тела поверженных скормив благодарным зрителям.

А потом часть зверолодов вернулась из похода за едой не с привычными тушами зверья, а неся и тащя живой груз. Людей. И не просто людей, а живых людей. Мужчины и женщины, взрослые и дети общим количеством под сотню. Зверолоды со всего лагеря сбежались посмотреть на эту процессию, а некоторые из бестигоров даже пытались напасть и отбить несколько человек для себя, но были прогнаны. Притихшие из-за появления Донгора, они позволили посадить людей в импровизированный загон.

А вечером, с появлением первой звезды, они все собрались вновь на одной из полян, центром которой был огромный столообразный пень, украшенный резьбой... Шаманы тащили из загонов по одному людей, и творили над ними ритуалы, которые скорее походили на издевательства маньяков над беззащитными. Первые мужчины под речитативное рычание шаманов были нанизаны на ветви деревьев, окружавших небольшую поляну, где творились заклинания, а затем выпотрошены, а их внутренности были развешены как гирлянды. Следующих людей укладывали на стол и вырезали им сердца, под вой, улюлюканье, смех, тьяканье, мычанье и бляние стада, к которым добавлялись и иные звуки — вопли убиваемых людей.

— Смерть! Кровь! Смерть! — выли они.

Кровь сцеживалась на пень, и тут же впитывалась, а тела бросались в толпу и были тут же разорваны на кусочки. Поляна, освещаемая только светом звезд и редкими кострами, подсвечивалась тусклым красным светом от высохших деревьев, ставшими похожими на наполненные крови брюшки комаров.

Когда пленники закончились, шаманы выли на звезды, вместе с вошедшим от зрелища зверолодами.

— Зачем? Зачем они перебили столько народа?

— Дух. Пробудить. Героя. Перенести. Сюда. Великий. Хаос. В нём. Убить. Всех. Надс Жертвы. — стало доноситься после заданного в темноту вопроса от услышавших и понявших меня зверолодов.

— В честь истинных богов будут пролиты реки крови! — стал я различать в вое шаманов смысл.

Как в дальнейшем понял, зверолоды верили, что та грань между мирами, что они однажды пересекли, очень тонка. И с помощью кровавых жертвоприношений Тёмным богам её можно пробить и призвать кого-нибудь из могущественнейших воинов, которых до сих пор помнили благодаря их “подвигам” в прошлом.

Не дожидаясь утра, воины зверолодов, опьяненные увиденными убийствами, двинулись вслед за Донгором, начавшим их поход. Орда из нескольких тысяч существ, не

придерживаясь никакого строя, отправилась убивать на пути всё разумное живое.

Я спокойно относился к виду крови, но то что происходило, не укладывалось у меня в голове. Что это за боги такие, которым требуется такие жестокие смерти в качестве подношений? Ну дадут они сил своим последователям и зверолоуды сокрушат все армии, победят все народы — а что дальше? Как они будут жить, уничтожив всех? Будут приносить в жертвы друг друга, пока все не кончатся? В моём представлении война должна была иметь цель. Я совершал убийства, да — но в основном ради защиты и еды, а тут...

И потому я опасался попасться на глаза шаманам-браям, вдруг они смогут прочитать то, что у меня в голове и что цели похода мне ни к чёрту не сдались.

Небольшие поселения запылали. Что поселения ящеров, где в основном проживали сцинки, занимавшиеся обработкой земель, что селения людей — охотников и земледельцев, уничтожались как можно тщательнее, и многие зверолоуды имели прям какую-то страсть к тому, чтобы жечь строения. Кто-нибудь из них обязательно нес уголёк или факел, оберегая его, чтобы затем увидеть как пылают дома и послушать крики сгораемых заживо существ. Тогда все те, кто был рядом, собирались и были непривычно тихи, жмуря глаза и прядя ушами, будто пытаясь на как можно больший срок запомнить все эти страдания, которые они доставляли.

Первой большой целью новой орды стал человеческий городок Пролдай, защищённый частоколом, со стоящим в южной части городка небольшим деревянным же замком на возвышенности. В Пролдай набилось уже немало беженцев с округи и его численность уже превышала размер орды. Но вот количество тех, кто был в состоянии сражаться и их боевой дух...

Через загоревшиеся посады зверолоуды, обложившие город, рванулись на частокол, забираясь на трёх-четырёхметровую высоту по спинам друг-друга. Бледные, трясущиеся руки стариков, юнцов и девушек удерживают копыя, которыми они даже не могут нанести сильный удар. Яростные оскалы бородатых мужчин, бьющихся за свою жизнь и ещё не понявших, что это конец. Могучий горгон, приблизившийся к стене, схватившись за острые концы брёвен, расшатывал их и вырывал отдельные брёвна, создавая щели, через которые внутрь городка хлынул поток убийц. Горожан могло спасти лишь чудо. И оно не спешило им на помощь. Отрубленный палец горгона, несколько десятков утыканных стрелами браев и унгоров у стен не могли считаться удачей, когда счёт убитых зверолоудами на улицах города сразу стал исчисляться сотнями. Особенно после того, как они увидели, что частокол больше не защищает их и бляющие горы врываются внутрь, каждым взмахом своих ржавых топоров и мечей калеча и отнимая жизнь. Страх, ужас и паника — вот что испытывали защитники и толкаясь, убегая, бросая оружие и поднимая руки вверх, желая спасти свои жизни, они не стояли плечо к плечу, а стремились пробиться внутрь замка, создав в его воротах толчею и помешав закрыть ворота, когда по трупам убитых подбежали первые толпы зверолоудов. Залп дротиков в спины толкающихся в воротах и в их ряды, выставив вперёд завитые рога, врезается могучий кентавр, выталкивая людей внутрь как пробку в горлышке, круша и калеча!

И ни брёвна со стен, ни мужество личной гвардии ли, дружины ли местного правителя или просто богатого человека, вставшего насмерть в воротах и на время остановившего орду, уже не могли ничем помочь в защите жителей Пролдая.

Я сидел на земле и смотрел на разрушаемый городок. Схватка во многом обошла меня

стороной и ни одно вражеское оружие не достало до моего тела, ни камни, ни брёвна, ни стрелы. Ничего. Но вот вид того, как женщины, убивали своих детей и бросались вниз с забрызганной кровью защитников башни, чтобы не достаться зверолодам, это было сильное зрелище. А уж что потом сотворили воины орды с лежащими в несколько слоёв телами горожан, это было нечто. Насытившись сладким мясом, они рубили головы с тел и вплетали в свою шерсть, либо подвешивали к элементам доспехов — это была лишь малая часть их развлечений. Они бродили по городку, выкорчёвывая кирпичи и камни из стен, сильными пинками ломая стены халабуд.

Поднявшись, осмотрел тела человеческих воинов, надеясь найти что-то полезное. Искромсанные в лоскуты доспехи и одежда уже не могли мне послужить. Оружие тоже уже не осталось, утащили. Огниво-кресало, кремь, немного трута, спрятал себе в поясные кармашки. Пройдясь по домам жителей, раздобыл соли, копчёного мяса и сыра. Видя, как упиваются из вскрытых бочек, выкаченных из домов зверолоды, тоже решил попробовать. В бочке, что мне попала, оказалась бражка, и черная глубокой миской из бочонка жидкость, заливал её в себя, надеясь что этот новый запах сможет вымыть из глотки вкус крови, которой пропахло всё вокруг.

А вечером пьяная орда собралась на бывшей главной площади городка, окаймлённую разрушенными домами, где шаманы с Донгором Перворогом вновь устроили действо. Забравшись на ещё целый кусок стены, я наблюдал со стороны. Новые казни пленных под завывания радующихся зверолодов, их разрывание, сжигание на вертелах с последующим поеданием, а потом к группе сдавшихся подошёл шаман. Помахивая своим посохом перед ними, он будто принимался и присматривался к стоящим перед ним людям. Принюхавшись, шаман вывел с десятков мужчин, срезал с них одежду и они, шлепая босыми ногами по лужам крови, вышли в центр площади. Шаман дал им выбор, указав сперва на растерзанные и обезображенные останки, а затем на ножи и группу детей, что стояли поодаль.

И часть сделала свой выбор — плач и мольбы, взывание к прошлому их не остановили. Сперва один, неуверенно и оглядываясь, он подошёл к одному из детей и быстро, не глядя, нанес удар и отбежал от них, будто бы боясь что сейчас они нападут на него в отместку за умирающего на деревянной мостовой маленького человека. За ним, другой, третий. Кто-то решительно, а кто-то обливаясь слезами. И когда дело было сделано, под бледным светом звёзд их черепа забугрились меняясь, а глаза безобразно выпучились. Волосы удлинялись, челюсти скрежетали зубами, ноги сгибались и переламывались с таким громким хрустом, что и через толпу шумных гадов было слышно. Образовывались новые суставы и мускулы, на голове выростали чёрные рожки и рога, а окровавленные пальцы ног слились в остроконечные копыта. Из их горла вырывалось бляение, а лица, вытянувшись, превращались в волосатые морды с пастями, полными зубов, готовых лакомиться мясом и белесыми глазами, таранившись на маленькую и далёкую луну.

Подтащили погибших при штурме чудиц. Вернее тех, чьи тела ещё не сильно пострадали от клыков и зубов их живых товарищей, не видящих ничего плохого в том, чтобы перекусить павшими. Оставшихся пленных подвели к трупам зверолодов и перерезали горло. Несколько минотавров поднимали за ноги бьющиеся в агонии тела, поливая горячей кровью мёртвых чудовищ и по мере того, как жизнь покидала одних, оживали другие, вставая как ни в чём не бывало и кидавшиеся тут же утолять свой голод.

Сражение или просто кровавая резня — твари разницы не ощущали. Результат был всегда один и тот же: боль и муки, пытки и смерть. Смерть врагов, союзников, своя собственная — всего лишь признаки вечной войны, которую они вели и собирались вести дальше.

Тиф Серая Лапа, основной мой информатор о жизни стада, больше не принимал от меня туши поросят и козлов, и каждый раз, когда я его находил, мне казалось что он уже забыл не только меня, но и остатки того языка, на котором мы говорили до раньше.

Ради любопытства попытался заговорить с “новорождёнными” зверолодами. Это были очень и очень тупые и дикие существа. Хотя, быть может они не освоились в своей новой звериной шкуре. Хотя, новой ли... А может они просто сошли с ума и теперь их сознание воспринимало мир совсем не так как я и не так, как другие зверолоды.

Но видеть, как погибшие восстают... Мой мир опять немного перевернулся. Стоит ли считать всех зверолодов ещё и умертвиями? Или у них полноценная жизнь? Вопросы, вопросы...

С уничтожением Пролдая кошмар не прекратился. Орда, помимо старой вони, теперь воняя и перегаром, пошла дальше, оставив от города лишь груды мусора и костей, которые уже через пару сезонов покроет проклюнувшаяся трава и кустарник, а через пару лет, если никто не заселит эти места вновь, совсем скроется с глаз. Я вспомнил те следы разрушений, когда только выходил к обжитым местам. Теперь понятно, откуда часть из них взялась. Это было странное чувство, но мне было печально. Столько смертей, а в чём польза?

На пути так же уничтожались поселения, а я всё ждал, когда же навстречу нам выйдет армия местных правителей, чтобы уничтожить грозящую им опасность. Ведь не могут же они сидеть по своим селениям и ждать, пока их всех не уничтожат. Или быть может у них есть такие крепости, что орде тварей не взять и там реально отсидеться спрятав всех всех своих подданных?

Весь край постепенно уничтожался. Вслед за Пролдаем оказались уничтожены довольно крупные людские поселения Гоз и Адарби, и зверолоды становились только сильнее. Да, для меня было неприятно видеть как лились реки крови, приносимые в жертвы Тёмным богам, но при этом гораздо большее беспокойство вызывали мысли о том, насколько при этом меняюсь я сам. Есть ли какая-то предрасположенность к тому, чтобы стать безмозглым скотом или многие из тех зверолодов, что сейчас бегают по лесам с выпученными глазами в поисках человечины и ящерятины были первоначально вполне адекватными? Происходит ли перерождение зверолодов после достижения какого-то ранга? Повелители зверей в стаде не производили впечатления совсем тупых громил. Я не раз видел как Перворог общался с шаманами, да и бестигоры вполне в унисон орали у костров под крепкую выпивку что-то песенно-боевое и казалось, по-дружески, если такое возможно, беседовали.

А организованного сопротивления орде так и не было. Не считать же таковым отряд всадников, что появился через несколько дней после уничтожения Адарби и лихим наскоком перебил толпу тварей. Для меня бы это вовсе осталось неизвестным (мало ли что и где происходило на протяжении линии движения войска, а у меня с зверолодами были определённые языковые проблемы) если бы это не касалось меня напрямую, так как

тяжёлые всадники не нашли другого места ударить по растянувшимся войскам, как то, где я в тот момент находился, тащась по дороге вместе с гуртом Щетинистого Хауза.

Высокие травы, светлые леса без труднопроходимых завалов — отличное и красочное место! Шумные зверолоды на пути переругивались, как и всегда, что-то выясняя между собой, когда из зарослей одновременно выпрыгнули десятков матёрых псов, поваливших и подмявших ближайших зверолодов. Несколько тварей получили по нескольку стрел и теперь стояли, будто задумавшись своими куцыми мозгами, умирать им или что-то напоследок сделать. Остальные тоже замерли, и каюсь, и я со всеми, не ожидавшим подобного шага, считавшим себя в безопасности, когда вслед за стрелами два десятка всадников нанизали на длинные копыя и разметали толпу врагов и начали беспорядочно наносить уколы вокруг, а затем бросив копыя, выхватили длинные прямые мечи и начали пластать растерявшихся зверолодов, весь боевой запал которых куда-то делся. Я видел пока немногих людских всадников (помимо этих, ещё небольшой ночной патруль), и они сейчас выигрышно смотрелись на фоне убиваемых. Рослые кони разных мастей, высокие луки сёдел, низко опущенные стремена, треугольные щиты, конусовидные шлемы и небольшое прикрепленное полотнище на одном из копий, на котором на белом фоне было намалёвано изображение какого-то синего зверя.

Блея, мимо стуча копытами пробежал гор, и я решил действовать! Развернулся и со всей мочи погнался за ним, а потом бросился в кусты, подальше от нападавших. Жизнь у меня одна, и отдавать её вот так, среди незнакомого леса, за тварей, когда вокруг ещё столько всего неизведанного, не входило в мои планы. Вспоминая, где находятся минотавры и кентавры, которых всадники так быстро не порубят, я мчался в ту сторону и огибая очередное дерево, впечатался в мощный торс какого-то зверолода, на краткий миг я успел поднять глаза на его рыло и узнать Дронгора, как вслед за раздражённым рыком последовал короткий удар и я отлетел в сторону. Потребовалось какое-то время, прежде чем смог прийти в себя, заметив, как мимо, сопя, промчалась стая измененных гончих, стуча пластинчатыми боками друг о друга и сверкая бусинками глаз.

А вот теперь с таким подкреплением можно и вернуться! Дронгор сволочь, но эту глыбу я разве что только могу поцарапать, если вдруг соберусь обидеться. Вернувшись на место столкновения, увидел лишь побитые тела зверолодов, но вот запах подсказывал, что уши не все нападающие. Недалеко в кустах обнаружилась пара сильно погрызанных человеческих тел. При небольшом осмотре места можно было выяснить, что это были всадник и лучник. Скорее всего лучники добирались до места нападения не на своих двоих, а сидя позади всадника, спешившись незадолго до нападения. А потом как-то замешкались, не успев уйти и вот теперь их останки лежат среди высокой травы и унгоры пока ещё не нашли их тела, но ждать недолго осталось. Лучник сильно уступал в оснащённости всаднику. Если на том была длинная кольчуга поверх грубой кожанки, то лучник был в потрёпанном тряпье, и сплетённой из жил, но при пробной попытке натянуть тетиву нечаянно рассек её когтями, а при обыске не нашёл запасной, как и колчана. Где-то он успел его потерять. Сняв шлем с всадника, сделал главное открытие за последнее время: он был не совсем человеком. Чуть более тёмная кожа, которая после смерти приобрела синеватый оттенок, а на заляпанном и исцарапанном лице выделялись более выдающиеся зубы, чем у людей и выпуклые глаза. То есть при беглом взгляде — человек как человек, а вот внимательнее — так сразу видно разницу. Можно было бы подумать, что тут у них все такие, но вот рядом лучник был

типичным потрепанным жизнью и жизнью на улице, на природе человеком. далее рассмотреть их не удалось, так как набежали твари, которые подумали, что я тут хочу завладеть телами убитых и посматривали с видом, что вот их станет немного больше и тогда мне несдобровать. Не став составлять им конкуренцию, так как к мясу разумных меня пока ещё не начало тянуть, чему я был очень рад, отошёл в сторону.

Через какое-то время на пути всё чаще стали встречаться поселения ящеров, которые продолжались уничтожаться так же безжалостно. И что бы я не думал плохого об этих гадах, что стремились когда-то принести меня в жертву, но вот на защиту своих поселений выступили сразу.

Светлый лес уже закончился и вокруг расстилалась травянистая равнина, усеянная яркими цветами. Ветер, что дул не прекращая, становился всё более насыщен влагой, спасая от изнуряющей жары и сдувая тучи насекомых, привлеченных вонючим запахом огромного движущегося стада. И хоть эта равнина казалась плоской как стол, на самом деле это был обман зрения. Просто границы небольших долиннок сливались в своём травяном разнообразии, а колеблющийся воздух от жары совсем размывал границу обозримого пространства. На горизонте показалась далекая синяя полоса, порой исчезающая в мираже, а под светом солнца продолжали двигаться тысяча за тысячью чудовищные звери, ищущие битвы, вкусного мяса разумных и свою смерть. Голодные, изнывающие без воды, которая им также требовалась, они вечно искали на ком бы выместить свою злобу. Визг, удары, сливающийся в гул топот тысяч копыт — всё это создавало фон, при котором и думать было невозможно, чтобы замаскировать такую толпу. Но мне было плевать на их страдания — твари предпочитали разбивать бочки, фляги с водой, уничтожать съестные запасы, хотя могли бы их взять с собой. Небольшой заплечный мешок с запасами, которыми разжился в разгромленных поселениях, ставили меня выше этой суетливой толпы, хотя порой так хотелось поддаться общей злости и вцепиться в кого-нибудь...

Рядом шли, скуля, собратья Хауза, псиноголовые, покрытые толстой шерстью Белоглазый и Тупой, которых было не то чтобы бы жалко, но этот скулёж уже сидел в печенках. Назвал так этих тварей так про себя, чтобы не запоминать тот набор рычащих звуков, которыми они себя обозначали. И хотя с дефицитом общения на том языке, что я понимал, дело обстояло очень мало и приходилось понимать, что они тут все перерываются, это было чертовски сложно. И если они все вскипали из-за погоды, то у меня голова кипела, пытаюсь различить все эти звуки. Хотя, конечно же, интонация решала.

Эти беспредельно жестокие, как и прочие твари, неизменно как-то оказывались где-то рядом и помимо Серой Лапы, я даже начал привыкать к их обществу. Уже порядочно измененные теми силами, которым поклонялись зверолоды, с вросшими в тело металлическими наплечниками, широкими металлическими браслетами, с толстым костяным гребнем, идущим от шеи до того места, где у обычных существ начинается диафрагма, они ещё напоминали обычных собак, порой впадая в какое-то игривое состояние. Смотря на них, видел не монстров, а куда-то свернувших в сторону в своём развитии разумных существ.

Через шум бредущей оравы раздался далёкий свист и не успел прислушаться откуда он идёт, как булыжник размером с несколько крупного зверолода размером шмякнулся рядом со мной, с громким чавкающим звуком вмявая кого-то в почву, оставив торчать из-под него лишь торчащую изломанную лапу... Дрожь земли от удара толкнула в ноги. А в десятке шагов упавший булыжник раздробил копыта сразу двум зверолодам. А потом они стали

падать ещё и ещё.

Раздались командные рыки и все, повинувшись приказам, стали разбегаться в разные стороны. Постарался найти в мечущейся воющей и рычащей толпе долговязую фигуру Хауза. Вон он, лает и размахивает мечом, выстраивая свой гурт. Где-то позади раздался перекрывающий всё звуки низкий басовитый, пробирающий до мурашек по коже, рык Перворога. Трудно описать словами, но сразу становилось ясно, кому и что делать. И в этих же звуках была угроза, там явно звучало: “только послушайте меня, и ваши внутренности будут вывалены в чёрный муравейник, и ещё благодарить за милосердие будете”.

А Хауз и другие надрывались... Ну вот что он командует, а? Было бы хоть чуть понятнее что твориться. Как глухонемой среди них порой. Так, а куда нас разворачивают?

А там, уже не так уж далеко от нас, из небольшого распадка, словно окутанным туманом, казалось от одного края горизонта до другого вытянулась линия тяжёлой пехоты, сидящих на корточках и прикрытых щитами и распластавшимися перед ними россыпью метателей дротиков. Ящеры. Солнце бросало кровавые отсветы на чашу поднятых вверх копий и блики отражались от чешуи и бронзовых налобных украшений. Их было не меньше трёх тысяч. За тяжёлой пехотой завров стояли отряды их своеобразной тяжелой кавалерии в виде запряжённых хладнокровных, с восседающими на них сцинками, а небольшие стаи рептилоидных подобий птиц кружили над боевыми порядками, как стаи голодных шакалов.

Ух ты! Это засада? Ящерицы решили отомстить за уничтоженный отряд и свои поселения?

Камни перестали сыпаться с небес, потеряв свою убойность, так как внимание наверх было немало и все в основном успели убраться от опасных областей, где на пустых местах валялись раздавленные трупы.

Зашипев, как ветер пустыни, людоящеры поднялись с корточек и размашистым шагом устремились к выстраивающимся подобиям боевых порядков зверолодов, быстро к ним приближаясь. Сцинки бросили по несколько копий, которые неизменно находили себе цель, и отступили, прошмыгнув под щитами и между ног завров. Рык и гурты рванулись на щиты. Воины сшиблись в грохоте дерева и лязге металла. Над общим шумом были хорошо слышны крики умирающих, хрипы раненых. Слева тяжелая кавалерия с топотом клином попыталась разрезать надвое орду, раскидывая по сторонам тела, но натолкнулась на горгона, остановившего их чудовищным воем, от которого даже хладнокровные остановились, не потеряв ещё инстинктивного страха перед более могучим хищником.

Зверолоды лезли на щиты. Мечи, алебарды и топоры опускались сверкающими дугами, отсекали головы и разрубали пополам тела, обезумевшие звери стремились забраться повыше, чтобы прыгнуть в строй врага и молотили там вокруг всеми конечностями, которые у них были внутри кричащей толпы.

Справа, под нечеловеческий вой, от которого в жилах стыла кровь, на врага налетели стаи рептилоидных птиц. Одни из них пикировали вниз, толстыми и острыми клювами пробивая шкуры, плюясь сверху кислотой, прожигающей шерсть и пузырящейся на коже, от которой и так страшные твари выглядели ещё ужаснее. Испытывающие муки твари пришли в неистовство и рванулись вперед, без страха идя на копья.

Взвыли позабытые мною шаманы и из щелей в их широких одеяниях стали вылетать тучи насекомых, закручиваясь в воронку, что двинулась к кружащим в воздухе рептилоидам и встреча тут вышла не в пользу последних. Быстр втянув их внутрь своего водоворота, они облепляли их столь плотно, что те стали походить скорее на чёрную кляксу и одна за другой

падали на землю и наголовы сражающимся. И когда они падали на пустые места, было видно, что кожа и глаза их выедены, в плоти зияют огромные кровоточащие раны, через которые виднеется белоснежная кость и раны росли с пугающей быстротой. Плоть буквально таяла под крохотными, но многочисленными жвалами мелких гадов.

А потом насекомые перелетели через головы сражающихся и стали жалить и кусать топчущихся там сцинков и завров. И по какой-то своей команде они все разом начали отступать.

Минотавры, горгон, рвущий хладнокровных и уже бегущих от него, и кентавры, пытающиеся помочь горгону в преследовании, толпы бестигоров, горгов, унгоров, браев бросились давить, преследовать отступающего врага.

Под рыком Дронгора Перворога из общей массы стали выбегать на правый фланг более быстрые унгоры и браи, пытаясь обойти и нападать на противника со спины.

А я вместе с гуртом продолжал биться в щиты, помогая некоторым перепрыгнуть на ту сторону, где они долго не жили, забитые, но успевающие забрать чью-то жизнь. Чую кровь врагов, они стали бесстрашными. А может они помнили о том, что жертвенная кровь при обрядах шаманов их вновь сможет поднять на ноги?

Две армии рвали друг друга на части словно два обезумевших зверя. Какие бы сильные завры не были, но и сейчас они проигрывали, теряя своих и пятясь к небольшим холмикам, облепленные тучей кровососущих и мясogрызущих насекомых. А за их спинами я увидел то, на что не обратил внимание. Жаба! Та самая, или очень похожая на одну из тех, что громила подземный город крыс. Только тут её ещё лучше было видно. Пятнистая, с короткими и толстыми руками украшенными множеством золотых браслетов, с зажатым в одной из них коротким посохом, довольно мощными ногами, держащих толстую тушу с выпирающим животом, в крохотной набедренной повязке, а верх корпуса венчала несоразмерно большая голова с огромной пастью, свисающими брылями, дырочками носа и сияющими точками глаз из-под нависшего лба. Золотая пластина прикрывала лоб, а на ней (или через неё) торчали четыре рога, родных или в виде украшения. На толстой нижней губе свисали вниз пару золотых пластинок, при соприкосновении издающих лёгкий звон. Стоящий один, он безмолвно повелевал своими бойцами. Он был опасен не только как командир, но и как тот, кто повелевал более непонятными, незримыми силами.

— Убить! Хауз! Дронгор! Кто-нибудь! Шаманы! Он опасен! — заорал я, пытаясь все указать на опасного противника. Но выделить из общего шума крик одного существа, не выделяющегося ничем на общем фоне происходящей битвы является нетривиальной задачей. Плевать на зверолодов, я помнил как группа жаб раскидывались молниями, да и кто тот яд пустил по подземелью, выкосивший всех? Явно такие же тварюки. Да и сейчас жаба показала, на что она способна до того, как кто-то начал против неё что-то делать.

Взмах коротким золотым жезлом и смертельная мошкара высушенным дождем падает на землю, хрустя под подошвами. Новый взмах и раны на телах завров и сцинков начинают затягиваться на глазах, и приободрившиеся завры не только остановились, но и слитно сделали шаг вперёд, опрокинув некоторых не ожидавших такого шага зверолодов. Третий взмах, и на пути у унгоров, обходящих завров справа, из высокой травы поднимаются несколько новых рептилоидов, с несколькими сотнями сцинков, стоящих позади. Новые рептилоиды немного смахивали на хладнокровных, но ведь и так все ящерицы

похожи друг на друга, не правда ли? Вытянутые узкие тела и хвост с окончанием в виде шипованной булавы. Шипованное тело и однорогая голова с похожими на шипы зубы. Много шипов.

Перед мордой каждого из них стоял сцинк, которые одновременно ткнули копьями куда-то в морду этих игольчатых и тело зверя охватила дрожь, расходящаяся от морды по телу волнами. За несколько секунд волн стало так много, что они превратились в сплошную вибрацию, а наклонивший голову к земле зверь выпустил свои шипы в сторону, с которой его укололи от головы, до поднятого повыше зада.

Многие сотни колючек с лёгким свистом накрыли ничем не защищённых унгоров и браев. Относительно полной бронёй могли похвастать лишь горы и с бестигорами, но они были в другом месте... Почти стрелы, от двадцати до пятидесяти сантиметров в длину и толщиной в палец мужчины, они впивались в мясо, проникая вглубь органов и разя наповал — если и не убивая сразу, так замедляя, причиняя мучительную боль.

А после такого залпа толпа сцинков, стоящих за их спинами засвистела, заверещала, расправляя наливишиеся краской гребни и удерживая оружие в свой рост длиной двумя лапами, накинулись на опешивших и потерявших воинственность, утыканных шипами безрогих и мелкорогих, круша их.

А на левом фланге вышла, широко шагая, пара десятков чудовищных пехотинцев, превосходивших и завров и зверолодов, направившись к кентаврам и горгону, слишком увязших в избиении хладнокровных. Держа в перекатывающихся мускулах руках огромные цельнолитые бронзовые булавы, вытянув крокодильи морды в сторону противника, они верно слушались маленьких сцинков, сидящих у них на загривках и указывающими им цель. От их чешуйчатой шкуры отскакивали даже самые крепкие копья, а дубинки в щепки разбивали деревянные щиты и дробили кости.

— Крoг`си`гооо... Крoг`си`гооо... — нечто подобное, насколько можно было распознать, глухо выдавали на разные лады их глотки.

Взмах булавы и крепкий череп рогатого кентавра лопается, а туша валится с копыт. Удар — и кентавр с перебитым позвоночником пытается подползти к своему обидчику на передних копытах, помогая себе одной рукой, но второй удар его добивает. Удар — и горгон припадая на одно разбитое колено, отвлекается от поедания сразу двух хладнокровных и ударом лапы смахивает с плеч кроксигора сцинка, буквально размазывая его тельце по твёрдой броне. Удар — и булава вязнет в теле горгона, отчего он ревёт как стадо быков, но при этом всеми четырьмя руками и парой копыт начинает всё крушить вокруг, не считаясь с тем, кто вокруг находится — свои или ящеры. Кроксигоры отрывали головы мертвым и раненым снующим зверолодам и отправляли их в пасти, дробя своими ужасными челюстями.

Лесные твари, что так жаждали чужой смерти, начали метаться, не видя перед собой ничего, кроме спин сородичей, а те, кто стоял морда к морде с заврами, видели сейчас только смерть. Но вот откуда-то из центра раздался грозный рык Дронгора и твари воспрянули, помня о том, насколько жесток и кровожаден их вождь. Блея, они вновь кинулись вперёд единой слитной массой.

А жаба, казалось, только этого и ждала. Его жирное брюхо затряслось, как от смеха, и указав на массы зверолодов он что-то, казалось бы, пробулькал. От его золотых украшений на теле начали выделяться тоненькие струйки золотой пыли, тянущиеся в сторону сражающихся и прямо над головами рядов завров, сдерживающих визжащее

войско, начала складываться массивная рогатая голова какого-то невиданного мною монстра, которая, светясь, открыла пасть и выдохнула в сторону звероловов лепесток пламени, после чего рассыпалась вновь на мелкие золотые частички. А пламя зажило своей жизнью, набирая скорость и что самое главное, объём. И в середину войска тварей, которые инстинктивно пытались скрыться от этого ужаса лесов, достигло целое пылающее солнце! Жахнуло и предсмертные пронзительные вопли сотен скотов, стоящих в плотной массе в короткий миг обглоданных всепожирающим пламенем, пронесли над полем боя.

Прядившие ушами браи не выдержали и мелкие гурты начали бежать. Будучи по природе своей зверями стадными, как и ящеры, унгоры последовали их примеру, догоняя убегающих сородичей. А за ними и остальные твари, задерживая наступление перешедших в атаку ящеров, что оказалось поддержано новыми стаями рептилоидных птиц, на сей раз оказавшихся ещё больших размеров.

Показалось, что еще немного — и мне будет конец. Моё тело окажется смято, изрублено. Страшась этого, бессильный что-нибудь изменить, стал искать глазами Щетинистого Хауза, но в клубах серой пыли мелькали свирепые рыла, оскаленные морды, звенело железо, стучали копыта, предсмертные вопли звероловов смешивались с единым рёвом ящеров и клёкотом рептилоидных птиц.

Страх затмил разум. Хотелось как можно скорее и как можно дальше умчаться от клубка нечеловеческой ярости. Но справа был Белоглазый, слева Тупой. Он был зажат между ними... И лишь когда они развернулись и побежали, я, подхваченный потоком, так же побежал прочь, судорожно вдыхая пыльный воздух, резко пахнувший палёной плотью.

Один из шаманов, отставая от других, заорал и вечно снующие у его ног черви порскнули в разные стороны, а земля потемнела, трава перед ним начала жухнуть и было видно, как под землей кто-то движется, пока среди порядков наступающих людоящеров не взмахнули из земли десятки толстых мучнистых червей, таким размером, что сходу проглотили каждый по ящеролоду. Ну или попытались проглотить. Их плоть под ударами рассекалась, истекая слизью, но по их виду не было понятно, испытывают ли они боль. К проглоченным ящерицам их товарищи прорубались через мучнистую слизистую плоть, доставая искаженные кислотой, но живые тела, а черви в это же время пытались ползти дальше, и заглатывать, заглатывать новую порцию белка, оставляя перерубленные куски тела на истоптанной пыльной почве.

В то время, пока один шаман пытался задержать врагов, другие также не оставались без дела. Глухие голоса читают заклинание и перерезая путь бегущих по земле проходит извивающаяся трещина-разрез, один край которого приподнимается, открывая ход то ли в пещеру, то ли подземелье. Туда, повинувшись воле шаманов и начали вбегать отступающие твари.

Последним, ревя, вкатился горгон, которому всё же пришло в его тупой черепок, что каким бы он грозным не был, ему тоже придёт конец. Он, подпаленный и измазанный своей и чужой кровью, кинулся в зёв, сочащийся багрово-зелёно-черным давящим светом, давя и раскидывая всех на своём пути.

Когда я прорвался через суматоху паникующего стада, насмерть топчущего своих упавших, дыра в земле встретила запахом гнили, но при этом блаженной прохладой после разгорячённой яростной схватки и обжигающего пламени. Корни деревьев опутывали свод. Мелкие корешки торчали то тут, то там, а под ногами чавкала грязь от грунтовых вод,

вперемешку с мелкими камнями.

Позади с грохотом рухнули тонны земли, уже не удерживаемые мощью шаманов, придавливая последних отступающих и давя в лепёшки ящеров, небольшая часть которых всё же успела убежать.

На какое-то время наступила тьма, в которой хаотичные звери принимали всех вокруг за врагов и без устали рубили друг друга, пока в метрах пятиста не появился новый разрыв, в который все и повалили, оказавшись в прибрежной холмистой долине. Рядом — лишь сухая рыжевато-красная трава, лежащие серые камни и ни следа ящеров ни на земле, ни в небе.

Вытер едкий пот. Руки плохо слушались, дрожали ноги, от боли надвое раскалывалась голова, из ноги и тела торчали несколько костяных стрел. Тупо, трудно охватывал я разумом происшедшее. Обессиленно присел на камень. По всей прибрежной долине, похожей на сложенные ладони, валялись издохшие твари, ползали раненые, металась недобитая и рискованная сцинка, что успели проскочить и теперь добываемые.

Подвывая, пытался вытащить глубоко засевшие костяные гарпунообразные наконечники. Выдрал их, чуть не потеряв сознание от боли.

Мы разбиты. Разбиты! Но я жив. Жив!

Страх и чувство беспомощности, только что пережитые, мешали мне ощутить ощущение полную радость.

Чтобы отвлечься от этого чувства, пошел посмотреть на лежащих мёртвых ящеров. У первого же заметил то, что до этого пропускал: татуировки на чешуйчатой шкуре — странными спиральными узорами. Распутал шнурки из сыромятной кожи, на которой висела связка клыкастых человеческих черепов и не туго перевязал себе рану, положив пару сухих широких ворсистых листьев какого-то местного растения. Несколько резаных ран я получил в толчее у перехода, когда несколько бестигоров пробивали дорогу, стремясь скорее выбраться из западни, в которое превратилось поле боя.

Попытался оценить, сколько тут вообще осталось от единого стада. на первый взгляд — едва ли треть. И ни трупов, которые можно было бы оживить, ни пленников, которых можно было бы принести в жертву Тёмным богам.

Тяжелые времена для тварей. А вокруг и леса не видать, в котором они могли бы скрыться.

Хауз где-то потерялся. Из более-менее знакомых — лишь Белоглазый и Тупой. Не сговариваясь, стали держаться вместе, отойдя подальше от беснующегося Дронгора, вымещающего злобу на подвернувшихся под лапу и молотившего какого-то брая так, что от него остались уже мокрые окровавленные ошметки.

Вид мяса вновь разбудил в организме механизм, отвечающий за голод. Слюна начала капать из пасти и невозможно было её удержать. Покопавшись в чудом сохранившейся суме, достал кусок сыра, и начал с жадностью грызть, когда поймал не менее голодные взгляды Белоглазого и Тупого. Подумав, что не хватало ещё драться сейчас, уставшему и раненому, пока не заросли раны да ещё и против двоих, полез вновь в суму, вытряхнув на землю остатки провизии: горка расколовшихся сухарей, огрызок заплесневевшего сыра, пованивающую вяленую рыбу, на которую те тут же жадно накинулись.

Слупив дармовое угощение, они завалились бок о бок спать. Никто никуда не торопился, а потому я последовал их примеру, поджав никак не прекращавший дрожать после схватки хвост.

День начал клониться к вечеру. Вечерняя мгла сгушалась над долиной и морем; она гасила яркие краски и окутывала жёлтые равнину и притихшее море однообразной белесой туманной пеленой. В траве и редком кустарнике, ещё не везде искажённом той силой, что веяла от шаманов, цвиркали мирные птицы и мелкие безвредные насекомые.

Постепенно туман терял свою белизну по мере того как наступала ночь. Но и тогда, когда темнота уже опустилась совсем, туман всё равно продолжал темнеть, клубясь и тяня свои вытягивающиеся щупальца в сторону остатков звериного войска, чей лагерь широко раскинулся по берегу.

А в тех местах, где наиболее плотно клубился тёмный туман, начали выходить ряды чёрных воинов. Сотни высоких бойцов, затянутых в чёрные доспехи и тёмную кожу беззвучно выстроились в несколько шеренг и направились к одному из краёв зверолодского воинства.

Как и всегда, не все отдыхали среди тварей: продолжались выясняться отношения за право занять место ведущих гурты вместо погибших, разрывались на куски раненые, чтобы утолить голод выживших. И среди них оказались те, кто увидел, как к ним направляются ряды новых врагов. Но, к счастью для одних, и к сожалению для других, мало кто обратил в этом хаосе на новые крики. И лишь когда с лёгким шорохом с неба ударили разветвлённые сети молний, оглушая целой сетью и спящих и бодрствующих, вот тогда многие начали вскакивать на лапы и копыта, пытаясь оказать сопротивление.

Эти воины не стремились напасть и убить всех. Нет, у них была другая цель, которую ещё всем предстояло узнать. Из-за спин воинов взлетели сети, тяжёлым грузом опадая на тех, кто ещё стоял, а уже к ним из строя побежали налётчики, оглушая, выдёргивая оружие, связывая и утаскивая измененных Хаосом зверей за строй. Тех, кто валялся на земле также не забывали оглушать, чтобы в неожиданный момент вдруг не сорвали план.

Обезумевшие звери метались — одни пытались убежать, тогда как другие кидались в бой. И тех и других закидывали цепями, с прикрепленными к ним крючьями, которые, зацепившись за мясо и кости, утягивали за строй обречённо блеющих и твякающих тварей. Пара минотавров, толпа других копытных оказалась утянута вглубь тумана. И прежде чем горгон и шаманы подоспели к опасности, так же молча и тихо чёрные воины, в своих необычных шлемах и острых наплечниках отступили назад.

Из сна меня вырвало то, что меня тащили. Грубо, беспардонно тянули за ногу и тело билось о мелкие камешки и шкуру царапало, на острых участках оставляя капли крови и клочья меха. Попытался вскочить, но руки были плотно примотаны к телу, а в пасть чья-то рука тут же засунула кляп. Извиваясь, попытался разорвать верёвки, что стягивали кисти, или перерезать их когтями, но не доставал — вязали мастера. Да к тому же получил несколько весьма болезненных ударов древками копий от тащивших меня трёх воинов. На время затих, пообещав себе что попытается урвать удобный момент и освободиться. Рядом тащили знакомые туши Тупого и Белоглазого. От этого менее обидно не стало. Видно было мало, да ещё порой моя морда оказывалась повернута к земле, где нещадно билась о неё. К счастью, это продолжалось не так долго, и вскоре послышался плеск воды и почувствовал, как меня поднимают, а затем краткий миг полёта, болезненно приземлившись на досках. Мне на спину упал ещё кто-то. Затрещали ребра, но тело, упавшее на меня, вскоре оттащили.

Какое-то время продолжалась небольшая суета, после беспокойного лагеря тварей казавшаяся просто идеальным порядком. Последовал небольшой скрип, и небольшой корабль (а это скорее всего был именно он), отплыл от берега.

Дернувшись, перевернулся, но ничего кроме бортов и звезд на небе не рассмотрел. Обзор был также ограничен валяющимися тушами тварей, а между ними бродили белокожие (были видно подбородки из-под щлемов, а некоторые их вообще сняли) высокие воины в чёрных доспехах, один из которых, заметив, что я за ними наблюдаю, подошёл ко мне, наклонившись. Лёгкая добрая улыбка появилась на его лице, когда он наступил на мой хвост, и давил, наблюдая за моей реакцией.”Больно, погань, слезь!!!” — хотелось крикнуть, а лучше вцепиться когтями в его лицо, стирая гадскую улыбку. И видя, как мне больно, он ещё сильнее давил, перенося весь свой вес на давящую ногу, и всё шире становилась его ангельская улыбка. В хвосте что-то хрустнуло. Затем он неожиданно сильными руками он приподнял меня, оперев спиной на борт. А затем этот садист начал наносить удары сапогами куда придётся, что закончилось несколькими ударами в солнечное сплетение (или где оно должно быть). Садист с улыбкой смотрел, как я задыхаюсь, как я пытаюсь через боль носом вдохнуть такой вдруг ставший желанным воздух. Заметив, что ещё кто-то возится на палубе, он переключился на них, оставив меня в покое.

И всё же я мог теперь наблюдать за тем, что твориться вокруг.

“Мой” корабль без усилий скользил по волнам среди нескольких десятков кораблей поменьше, несколько огромных треугольных парусов наполнял ветер, волны разбивались о золоченый нос с установленной там скульптурой прекрасной девушки, чья фигура была сделана так искусно, что казалось, что она ещё шевелится, поворачивает голову, чтобы окинуть взглядом бесконечные морские пространства... Я еще никогда не видел такого огромного корабля, (я тут вообще кораблей не видел) не меньше замковой башни, с мощным корпусом. На его палубе возвышались башни из темного дерева, отделанного переливающимся золотом и серебром. Стояло несколько крупных баллист, у которых дежурили их расчёты. Тёмные паруса легко хлопали, а команды несуетливо раскладывали пленных на палубах.

Туман ещё держался, когда вдалеке показался тёмный силуэт горы, напоминающей айсберг из твердой скалы или целый остров. размеры его поражали. Вдоль огромной стены, к которой мы подбирались, зияли провалы пещероподобных доков огромного города-корабля, куда и стремились возвращающиеся корабли, высаживавшие десант. Подойдя ближе, увидел как облачённые в чёрное воины формировали в доках охрану и выстраивались в линию. Такие же как и напавшие, корсары в плащах из кожи кракена, подчёркивающих их внешний вид демонов из бездны, стояли обок с мрачными типами, похожими на палачей, чьи лица были скрыты, а двуручные палаши — дречи — готовы отрубить всё лишнее буйным пленникам. В клетках, недалеко от них, боевые гидры топтались и фыркали. Постоянный шлейф дыма окутывал зверей, а каждая из их голов отрывивала целые сгустки пламени, пока их шеи скручивались и мотались туда-сюда. Шкуры зверей имели в темноте тёмный, скальный цвет, навевая мысли, что они были столь же прочны.

Плеск за бортом привлёк моё внимание, и там я заметил то, на что не обращал внимание ранее. Нас сопровождали и в воде. Над водой показались спинные плавники животного, до отворачивания бледные, словно существо привыкло жить там, куда не доходят солнечные лучи. Перед нами поднялась вверх пара длинных, слабо светящихся щупалец. Огромные мерзкие чёрные глаза, на короткий миг показавшиеся из воды явно искали

добычу. Чуть ниже этих двух глаз были мириады других, маленьких, голубоватых, излучающих странное свечение. Тело у чудовища было бледное, почти прозрачное, как плавники. Под самой кожей виднелись толстые синие и лиловые вены, бока были испещрены рубцами. Я с дрожью заметил в них злобный разум и бесконечную ненависть. Чуть дальше над водой порой поднимались вытянутые туши морских змеев, дальних сородичей той змеюки, которую я встретил в пещерах. Они держались поодаль, видимо опасаясь твари, расположившейся у огромной плавучей горы.

Но никто из моих захватчиков не обращал на них внимания, будто бы для них это была привычная деталь пейзажа. И появившаяся робкая надежда, что сейчас его захватчиков потопят и сожрут глубинные монстры, начала так же быстро таять, как и появилась.

Я тоскливо посмотрел на морские просторы, в которых ещё можно было найти свободу (и лёгкую смерть), ожидая, что вновь круто изменившаяся судьба снова не несёт ничего хорошего.

В доках встречающие приводили в чувство тех, кто ещё не очухался. Тех, кто стремился показать свои силу и освободиться, как минотавры, или впадающих в буйство без устали били. Бичи надсмотрщиков без устали хлестали обезумевших звероловцов, приучая к покорности. Вполне возможно что там была не простая плеть, так как лёгкий чёрный шлейф поднимался после каждого удара, и судя по крикам, переходящим в сип, они причиняли ужасную боль.

Пленников вели многочисленными коридорами, расположенными внутри огромного корабля, которыми он был пронизан и среди бесконечных палуб, складов, коридоров, лестниц стояли бесконечные ряды клеток с пленниками этих морских корсаров.

Одно из таких зашипело на них, проходящих мимо, и длинная, запачканная грязью иглообразная шерсть волнообразно встопорщилась, поджалась короткие и мускулистые передние лапы. Единственный глаз целый засветился, вперившись в тех, кого проводили мимо него, тогда как второй затёк гноем. Оно бросалось с визгом, щелкая слюнявой пастью, готовясь вцепиться выдающимися вперед резцами. Лишь в последний момент прыжка, когда, казалось, что от челюстей существа не уйти, железная цепь вокруг шеи с лязгом оборвала его движение. Разочарованно давясь слюной и задыхаясь, оно зашаталось и пища рухнуло вниз.

Из тех, кого он видел ранее, он признал “родственников” крыс и мутантов, как две капли похожих на тех, что сидели на цепи в остойниках, завров и сцинков, клыкастика, но раза в три больше, чем тот, которого он сожрал в лесу. Здесь также были представители полулюдей-полузмей — у которых вместо ног были мощные хвосты. Большое количество людей было плотно набито в клетки, в которых никто не убирал и жуткое зловоние распространялось от них вокруг.

Но гораздо больше было тех, кого я не видел и даже представить не мог, что существуют подобные существа. Крылатые и бескрылые, покрытые слизью и сухие, когтистые, зубастые, в природной броне и без неё, мускулистые и мясистые, тонкотелые и жирные, безглазые и усеянные странными наростами, имеющие длинные шеи и те, у кого было непонятно где вообще голова, многоголовые и с всевозможными наростами, с лапами и копытами, шипастые и волосатые — тут было на что посмотреть. И если бы я сам теперь не оказался на их месте, то с удовольствием прогулялся вдоль клеток, рассматривая диковинных и странных существ.

Похоже на то, что эти охотники собирали всех существ, которых вообще была

возможность поймать. А это на самом деле не корабль, а какой-то зоопарк или плавучая тюрьма.

Их привели к частично пустым клеткам на одной из внутренних палуб, куда всех и запихнули. Толстые металлические прутья, через которые с трудом можно было протиснуть руку, с трёх сторон, а их потолок, пол и одна из стен — из самого настоящего камня. Почему-то именно это больше всего поразило меня. Корабль, в котором есть каменные стены! А как же плавучесть и всё такое?

Из удобств была небольшая щель у одной из решёток, куда можно было справлять естественные надобности. Над этим отверстием в потолке тоже было оно, откуда стекали фекалии сверху, из других ярусов, где видать также содержали невольников. Поэтому в плотно забитых клетках стояла мерзопакостнейшая вонь, к которой я немного привык, конечно, пока бродил со стадом звероловов, и конечно и сейчас от них воняло неслабо, но сейчас было совсем непросто. Те, у кого ещё сохранялись мозги, старался держаться подальше от таких решёток, ну а у кого их не было или Хаос выжрал им мозги, или обратил их в труху (не знаю, что он с ними делает, что на определённом уровне они становятся такими тупыми) и не заморачивались подходить к уборному месту, накладывая кучи на том месте, где он в данный момент находился. Да, тусклый свет проникал также через эти отверстия, а ещё иногда проходящие отряды морских налётчиков несли светильники, на свету которых можно было рассмотреть чуть больше подробностей.

Оторванность от стада, скученность, голод — наиболее подходящие условия, чтобы показать соседям свою раздраженность и силу. Кто-то кого-то толкнул — сверкнули зубы, когти и стали выяснять, кто тут главнее. Дрались на ощупь, потому как глаза ещё не привыкли к этому рассеянному свету и доставалось и тем, кто совершенно не желал принимать участие в этом дележе.

Я тоже не собирался, стараясь боком протиснуться подальше, но хриплый лязгающий голос Белоглазого прозвучал совсем рядом:

— Помоги!

Эх, да что же такое! Помочь — порвут же меня. А не поможешь — порвут Белоглазого, а потом установят свои порядки и прихлопнут меня опять же. Наверняка. Я в стаде выжил во многом потому, что был полезен, добывал еду. А тут что я добуду? Лишний рот. Потому выбор очевиден.

Оружие мне было не нужно, развязанные перед входом в их клетушку руки были уже вооружены тем, что ему досталось от появления в этом мире — крепкие когти, которые стали сильнее после того, как сожрал странные специи или камни, казалось что светились в темноте. Крепкие костяные пластины на костяшках пальцев могли поспорить в некоторыми защитными перчатками в плане защищённости. Зубы — хоть до конца с одной стороны и не восстановились после памятной первой встречи с ящеролодами, но клыки были целы и мсо они могли рвать как ножи. А глаза были более приспособлены бродить по туннелям без света, чем у лесных тварей. Хвост вот только не работал, переломленный пополам, тащась за мною странной верёвочкой, на которую так и норовили наступить. И хоть голод вновь начал терзать моё тело, драка в таких условиях давала определённые преимущества.

Пока Белоглазый с Тупым и ещё кем-то примкнувшим к ним, всюю полосовались и кусались с козлоголовыми, я ударил сбоку, ударами кулаков под рога и в челюсти оглушая, прокусывая лапы, дробя мелкие кости и превращая их шкуры в лохмотья.

Любая драка кажется бесконечной, хотя на самом деле проходит лишь малая толика

времени. Так и тут — сколько прошло на самом деле времени было непонятно, когда хрипло дыша, на ногах остались псиноголовые и я, а наши противники лежали в лужах вонючей крови, подыхая или жалобно бляя, склонив головы с прижатыми ушами, признавая поражение и наше господство.

Белоглазый, облизывая окровавленную пасть, примерял роль лидера, рыча на оставшихся в нашей клетке зверолодов, а я пытался на ощупь и внимательно всматриваясь определить, кто же из убитых был больше всего похож на животное...

Не успел я приступить к еде, как из клетки напротив до него донеслось:

— Очередная смерть, Морр. Посмотри, господин мой, да прими жертву ежесущную, и очисти осквернённое, водитель снов и ушедших, владыка Иных Мест! Во тьме обретаясь, взываю к тебе: не оставь одиноким во мраке, не покинь в часы скорби, будь мне поддержкой и утешением, приди на подмогу, протяни свою длань!...

— Эй, ты кто такой? Человек?

— Ох, щупальца Маннана, — надтреснутым старческим голосом отозвались из сумрака. — Если мне не изменяет память, то в ту клетку посадили толпу животных Хаоса, мерзких зверолодов!

— Выбирай выражения, кто бы ты ни был! А то они могут обидеться по любому поводу и если уж не смогут тебя сейчас достать, то заплуют издалека. Не сдохнешь, так замучаешься отмываться.

Меж прутьев клетки, откуда доносился голос, показалось человеческое лицо. Точно, старик — клочковатая борода, тёмные провалы глазных впадин, огромные залысины.

— Ох, молот Зигмара, будь я проклят! Говорящая на тилейском тварь!

— А вот сейчас уже я могу обидеться, старикан. Как думаешь, если я подговорю оставшихся козлоногих покидаться в человека дерьмом, откажутся они от такого развлечения?

— Не надо, не надо, клянусь весами Верены, я просто очень сильно удивился! Хотя где ещё подобное можно встретить, как не на Ковчеге наггароти!

— Стой, старик. Ты кто такой и что за наггароти и что за ковчег?

Старик захихикал.

— Кто я такой? Да уже, пожалуй, никто. Раб. Как и ты, и все кто тут сидит.

— Я — не раб!

— Если не раб — то мясо.

— С чего бы?

— Потому что ты в руках наггароти. А у них просто — ты или раб, или мясо.

— Рррр, человек, не зли меня. Ты кто такой и откуда? До того, как стал рабом.

— Хейм... — он запнулся. — Хейм Фундель, из Багны, что рядом с Лабрианом.

— Что за Багна? Что за Лабрин?

— Как какой? Он один, земля Риеки, на берегу Уледзиндхата — Дымного моря, в северных землях Свободного союза племён.

— Что за Риеэки? Что за море? Что за племена?

— Эй, парень-парень, стой! Тьфу, парень... Уж больно много вопросов. Ты-то сам кто? На человека явно не тянешь, хотя в такой темноте и можно спутать... И как зовут тебя? Что ты вообще знаешь об окружающем мире?

— Кто я — не знаю, а нелюбимые тобой зверолоды дали мне прозвище Голодное Брюхо. — отвечал я пытаюсь отделить копыто твари от тела. — А знаю только то, что есть

зверолюды, живущие в лесах, которые воюют с ящерицами и людьми. Есть крысы, что живут под землёй среди мутантов и воюют с ящерицами. Что у ящериц и зверей есть те, кто могут творить разные странные штуки, управляя насекомыми, огнём и всякое такое. И... И всё, пожалуй.

— Судя по звукам, у них были основания на то, чтобы тебя так назвать... Что же, приятно познакомиться, Голодное Брюхо. Нам будет о чём поговорить.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Дарлотрил Искатель, предводитель друкайев Чёрного Ковчега, один из посвященных Братства Малекита, принимал вернувшегося из налёта Сохирса Тёмного Тесака, предводителя налётчиков, и угощал его вином.

Сохирс пил медленно, трудно; мутное вино стекало по подобному мрамору подбородку, тяжелыми каплями шлепалось на пластины доспеха, скатывалось вниз, впитываясь в тёмную ткань. Каждая капля этого напитка могла быть отравлена, и на то были определенные причины.

— Итак, ещё раз — мы нашли потрепанных скотов, которым ящерики устроили взбучку. Мы увидели, где они стали лагерем. Ты возглавил воинов, взяв тех, кого хотел. И при этом ты захватил всего около трёхсот голов? И при этом всего нескольких минотавров?! Позволь узнать, почему ты не захватил горгона? Где их Предводитель Зверей? Где шаманы? Подношение их в качестве жертв на алтаре Каина могло бы дать нам редкостную возможность стать немного ближе к нашему Королю, дать силы постичь новые высоты в деле постижения Сил этого мира. Ответь мне, друкай.

Дарлотрил с презрением следил за тем, как капля пота выступила на лбу Сохирса.

“Как он мог вообще достигнуть подобных высот?” — спрашивал он самого себя, дав себе зарок непременно избавиться от подобного труса в своих рядах. Не сразу. Трусами легче управлять.

— Могучий повелитель, мы совершили налёт, не потеряв ни единого воина. Разве жизнь друкаев не важна для Малекита, да воссоединимся мы вновь под его знаменами! Шаманы и горгон ещё довольно сильны. Ящерики вряд ли смогут их захватить, а мы пока сможем подождать, пока они сделают друг друга слабее и тогда захватим даже сланна у ящериц. К тому же, последователи Морати не ценят сильных жертв, им гораздо приятнее считать их по количеству голов...

— Мерзость... Мы вернёмся сюда только через несколько лет, и уже кто-то другой захватит наших жертв. Другой! Не мы!

— ...К тому же мы можем всегда сделать из количества — качество.

Дарлотрил не задал вопроса, но по слегка изогнувшейся брови можно было различить появившийся интерес.

— Мы набрали хорошую добычу. Но клетки переполнены, скотдохнет без пользы. Путь к убежищу долог... Мы могли бы сейчас провести некоторые игры, не откладывая. А победителей, наиболее сильных и яростных уже принесём в жертву. Не думаю, что последователи Кхейна будут возражать против подобного...

Секундное молчание и Дарлотрил решил.

— Не лишено здравого смысла. Но в следующий раз, Тёмный Тесак, будь более исполнителен. — с угрозой произнёс он. — А для игр нам могут пригодиться ещё немного

низших. А сейчас начнём готовиться к ним. Ты можешь идти, друкаи.

Сохирс с поклоном попятился на выход, звеня подвешенными на жертвенные крючья колокольчиками.

“Долбаный кхайнит, тебя так легко заинтересовать! Хотя, я наверное, слишком уж переиграл. А жестоким я умею быть.”

— Лапы и клыки у тебя, смотрю, ловкие и умелые, а разум туп — почему? Потому, думаю, что мысли мудрых были недоступны тебе ранее. Ты даже не знаешь простых основ. А теперь запоминай... Все живое на земле делится на пять частей: пернатые раз, — Хейм Фундель отстукивал длинным ногтем по металлической решётке, — поросшие шерстью — два, покрытые раковиной и панцирем — три, чешуйчатые — четыре, безволосые — пять. — Он голосом сделал паузу, подчёркивая важность того, что сказал. — Высший вид пернатых — феникс, поросших шерстью — единорог, покрытых раковиной и панцирем — фимир, чешуйчатых — дракон, безволосых — эльфы, гномы и мы, люди. А ты, — Хейм Фундель вытянул руку через решётку вперед, выставив указательный палец, нацелил его в меня, — ты не относишься ко всем, потому как Измененные Хаосом не относятся к природе и чужды ей.

— Никакой я не Измененный Хаосом! Я тебе не тупая скотина!...

— Но порой очень очень похож своими высказываниями! — рассердился старик. — Никакого понятия о человеческих взаимоотношениях, одно варварство, клянусь бородой Таала! Да будет тебе известно, что в основе наших нравственных правил лежат пять видов человеческих взаимоотношений. На первом месте — крепко держи это в своей пустой голове! — стоят отношения между государем и его подданными, на втором — между отцом и сыном, на третьем — между старшим братом и младшим, на четвертом между супругами и на пятом — между друзьями. А раз ты этого не знаешь, ничего не понимаешь в почтительности, то ты — Изменённый Хаосом!

— Эй, старик, ты ушёл не в тот лес! Давай вернёмся к основам и не будем скакать от темы к теме, нигде толком не задерживаясь, а? Ещё раз, что за мир-то тут такой беспокойный?

Наша со стариком беседа всё никак не могла войти в нормальное русло. Может от печалей плена, может от старости, его вечно сбивало куда-то не туда и постоянные смены настроения тоже не добавляли нашей беседе продуктивности.

— Кхм... Мда. Ну что же. Мир наш, с одной стороны вовсе и не наш. Да, вот так вот онс получилось. Наш мир носил название “Обречённое место” или просто Мир. Так учат нас древние фолианты, которых уже почти нигде не найти... — Он откашлялся и начал рассказывать, будто читал по книге. Видно, не раз ему приходилось делать подобное. — “Однажды туда прибыли Древние, на своих кораблях, которые могли перемещаться по всем мирам. Мир был холодным, огромным и пустым. Жизнь была простой, варварской, без языка, знаний и цивилизации. Они всё изменили. Но единственное что мы о Них знаем, так это имя — Древние.”

— Эй, дед, а можно ещё ближе к тому миру, где мы находимся, а?

— Да тихо ты уже! Нельзя рассказать об одном, не рассказав о другом! — он успокоился и продолжил. — “Они обладали силой, способной двигать мир дальше или ближе к жару вечного солнца. Это первое, что они сделали, оживив наш холодный, безжизненный мир. Но это вывело из равновесия другие миры, потому что всё взаимосвязано. Таким образом оказалось нарушено равновесие, существовавшее в мире. И были ими построены Врата, что позволяли им перемещаться между своими мирами. Сотни тысяч лет они меняли мир, но те изменения, что они внесли, нарушили гармонию и наступила катастрофа.” Дальше дословно

подзабыл... В общем, гигантские врата из овеществленной магии рухнули, Хаос прорвался в мир и вместе с ним легионы ужаснейших демонических существ и там творились такой страх, что кусок из волшебных врат оказался на небе, оставшись там второй луной.

Пока старик вещал, во всех соседних камерах стало тише. Не выли за спиной зверолоуды, не звякали цепями из полупустой клетки справа, не болтали люди на непонятных наречиях, как будто бы они все понимали о чём он говорит. И я бы не стремился перебивать Хейма Фунделя, если бы отряды чёрных воинов, или как их называл Хейм, наггаритов, не начали показались в конце коридора, проводя кормёжку. И это вроде неплохо, но как бы в нашей клетке вновь не поднялась буча, а потому хотел узнать больше практической информации. Сам я был не настолько уж голоден — обглоданная вонючая кость валялась рядом. Пусть на вкус и пакостно, но лучше чем мучиться. Хотя в животе сейчас бурлило, переваривая звериное мясо.

— А всё же...

— Вокруг того солнца крутились братья того мира — так называемые “Пять сыновей Азуриана”: Хариба, Дейамол, Тигр, наш Мир, Вердре. И ещё пять, называемые “Советники” Лократия, Ишарна, Лукия, Воэлия, Обскурия. Они...

— Уважаемый Хейм, мне интересно послушать всё, что вы рассказываете, но давайте пропустим момент сотворения и всё что было тогда и вы уже расскажете, что твориться здесь?! — уже чуть ли не взвыл я. Мне очень хотелось узнать больше об этом мире, чем что-то о том, что было когда-то и что можно было бы узнать потом.

Старик помолчал, потом похихикал и спустя какое-то время продолжил:

— Хорошо-хорошо. Попробую кратко... Как бы это... Как бы это кратко... Ааа, ладно, как получится. В результате всего того, что происходило в мире, дули Ветра магии. Порой они дули особенно сильно и возникали Шторма магии. И был ряд основных народов. И порой Штормы захватывают с поверхностей всё, что попадётся ему и возникают аномалии... Возникают дыры в другие миры, возможно в те миры, куда вели Врата Древних и закидывает всё туда. Особенно сильный шторм возник где-то в промежутке между 2000 и 2300 годами по имперскому календарю...

— Почему такой большой разрыв?

— Ооо, это очень интересная тема! Когда преподобный Фер...

— Стой, старик, прости что перебил! Продолжай рассказывать то, что рассказывал, а о годах поговорим чуть позже.

— Кхм... Одним из таких миров оказался тот мир, в котором мы находимся. Жил ли тут кто-то до появления тех, кого выкинуло Штормами — неизвестно. Своя флора и фауна была, это точно. Этот мир называют все по разному. Даже в моём государстве есть несколько вариантов: Благословенная твердь, Новый Мир, Хэпетс Вердн, Ландсбах... Вариантов множество. Попадали сюда одиночками, группами, селениями, и даже небольшими племенами. Шторм захватывал куски почв, отдельные дома с ужинающей семьёй, рошу с живущим там чудищем, кусок города или скалы, руины с живущими там монстрами — до сих пор у всех разное мнение, почему так произошло. И всех перемешало и выкинуло в самых разнообразных местах. Лесы, тайга, пустыни, болота... К примеру, чтобы ты понимал — ящеры могли оказаться по соседству с норски среди песчаных барханов, а десяток зверолоудов по соседству с торчащими из камней обломком корабля друкаев где-то на вершинах гор. Первые пару сотен лет была сплошная анархия, пока все сбивались в подобия государств. Всем было не до сохранения наследия предков, а потому многое оказалось

подзабытым. Потом наступила чередой войн за лучшие и удобные земли. Но и сейчас невозможно сказать, что происходит в той или иной области — путешественники разведывают земли, но уж больно много опасностей поджидает их на пути. Помимо опасностей самой земли, одичавших представителей разных рас, опасных монстров, есть ещё и опасность от залежей искажающего камня — той самой овеященной магии, из которой были созданы Врата. Под его влиянием живые существа умирают, а некоторые мутируют, становясь грозой всего живого. Хотя находятся те, кто специально к нему тянется, желая приобрести могущество, но не ведают они, к каким страшным последствиям это может привести.

Вот тут стало гораздо интереснее, почувствовал как уши задрожали — не те ли это камешки, которые я проглотил?

— Ящеры чешуйчатые или ящеролюды — самые древние из созданий Древних. Вот такая тавтология. Считают себя их прямыми наследниками и следуют каком-то своему плану, хотя, как считали некоторые учёные, выведены как тягловая сила и рабочие. Между собой делятся на несколько видов — сланны, завры, разордоны, коатли, сцинки, саламандпы, карнозавры, террадоны, хладнокровные или холодные, которых ещё используют как люди — лошадей, риппердактили, крогсигоры и другие...

— А вы многое о них знаете! — заметил я, пользуясь секундной остановкой. Мне нравилось говорить, чувствовать, как гортань произносит сложные звуки, которые кто-то понимает не на уровне инстинктов.

— Ну что ты, трудно не знать тех, с кем торгуешь и порой делишь границы — часть их племён живёт на восточном берегу моря Змеев, граничим мы, значит. Да и кое-что из наследия того мира порой попадает.

— А вот такие: толстое брюхо, толстые ноги, толстые маленькие руки, большая голова без шеи и здоровенные щёки...

— Это и есть сланны, жрецы их богов. Маги, волшебники, колдуны — называй как хочешь. Так вот... Они — враги всего того, что считают порождением или искажением Хаоса и соответственно стремятся это уничтожить.

— Далее — эльфы. Долгоживущие, считающие себя совершенными творениями. Могучие маги, великолепные воины, высокомерные ублюдки... эээ... Прошу прощения, вырвалось. Если живёшь сотни лет, то есть время на то, чтобы научиться делать что-то хорошо и накопить секретов. В ходе внутренних конфликтов при Малеките и морей крови, пролитых ими за тысячи лет, поделились на три крупных части. Высшие, или азур, как они себя называют. Считают себя защитниками мира, в то время как все остальные — стремятся помешать им в этом. Тёмные, наггароти или друкаи — ненавидят весь мир, а особенно азур. Кровожадны и раскрепощены, демоновы извращенцы... Много заигрывают с Хаосом... Если ты не друкаи, то значит или раб, или должен стать мёртвым. Из-за них появилась нежить. Лесные или асраи — изоляционисты, которым плевать что происходит в мире. Любят своих заблудших братьев так, что готовы ради любви их тихо прирезать и похоронить у корней своих священных деревьев. Всех остальных считают низшими расами. Порой им удаётся оживить деревья и даже целые леса, но никто не слышал, удалось ли им это совершить в этом мире.

Гномы — упрямые, обидчивые, жадные коротышки, выдающиеся воины и кузнецы. Делают отличное оружие, усиленное рунами и живущие в глубине гор, где добывают свои сокровища. Порой даже любят путешествовать. было дело, даже видел их корабль.

Незабываемое зрелище.

Собственно, мы... я — человек, то есть мы, люди. Ты-то нет, ты тот, другой. Ладно, дойдём ещё. Люди, населяющие свои королевства и дикую природу, преодолели все виды опасностей и трудностей и обладают большим разнообразием физических и культурных черт, причём гораздо более выраженным, чем у прочих рас. Есть имперцы, тилейцы, эсталийцы, арабийцы, жители герцогств, северяне, всевозможные жители Пустошей, стригане, кочевники ещё есть... эээ... по слухам торговцев можно судить, что с востока ещё есть Кхин, сформированный из скопища восточных племён, свободные земли, из которых происхожу и я. Но есть и минус — на нас сильнее действует Хаос, а потому люди сражаются

Нежить... Ненавидящие живых и друг друга. В мире не всегда удаётся просто так умереть. Если жрецы разных богов и тёмных культов, некроманты в жажде власти не захватят твою душу, то если тело не уничтожено, они могут оживить его, сделав своей марионеткой. Убитые на полях сражений могут стихийно восстать под влиянием Ветров Магии. А бывают и те, кто сознательно пытается победить свою смертность, и находят различные пути, чтобы перейти этот порог. Но за всё приходится платить и появляются вампиры, сохраняющие свою личность, но навечно проклятые мучающей их вечной жажды крови, силы и власти. При этом, их тоже немало видов. Вампиры, начиная от Ламий, до стриган-правителей и отколовшихся графов Империи, и пиратских капитанов. Упыри, скелеты, мертвия, призраки, зомби, утопленники, рыцари крови, могильные стражи, Чёрные Храмовники, лютоволки, баньши и многие другие служат им в их армиях, поднятых из мест упокоения. — горячечно рассказывал Хейм, глаза которого в темноте начали заметно блестеть.

Отдельно стоят территории, на которых оказались следы народа благословенной Земли, Нехекхары, а ныне земли Мертвецов, оживлённые злой волей нечестивого некроманта Нагаша, уничтожившего свою страну ради власти. Ооо, великий Нагаш погиб, но некоторые из оживших царей, героев и воинов этой страны из древних времён, оживлённые им и его противниками уже против него, и зачастую чьи души оказались заключены в статуи, оказались на вечной службе, к которой они готовились ещё при жизни. Вот только они не узнают того, что произошло с их землями и пытаются вести тот же образ жизни, что и в своей прошлой, настоящей жизни, и часто впадают в ярость, стремясь убить всех, кто, по их мнению, повинен в падении их древних государств и запустению земель.

Тут нас прервали, закинув внутрь клетки какую-то морскую гадость с большим количеством щупалец, расплзшуюся по полу безобразной кляксой. Это, судя по всему, должно было служить и едой и питьём. Одновременно из клеток вытаскивали сдохших или полусдохших обитателей, утаскивая их по коридору далее.

— Отпустите... Отпустите... — закричал Хейм. — Я нормальный! Я ещё могу послужить!

Его, слабо барахтающегося, вытаскивали из тесной и вонючей клетки. В момент, когда подтащили ближе, я рассмотрел его лучше через те лохмотья, что осталось от его одежды — выпирающие рёбра, руки и ноги, тонкие, как будто бы на них и вовсе не осталось мяса. разбухшие мослы коленей. И только глаза горели огнём жизни. Он пытался вырваться из рук друкаев, но пальцы лишь бессильно скользили с холодной брони.

— Старик! Хейм! — крикнул ему я. — А что с тем миром? С миром, с которого когда-то все сюда попали?

— То обречённый мир... Хрр... Ему не выжить. Здесь ещё есть надежда.

Его уволокли и новая порция вопросов осталась без ответа, помимо тех, что накопились до этого дня. Ну вот чего стоило этим наггароти немного подождать? Старик бы и сам помер. Так нет же, обход устроили... Конечно, полученная информация это лучше, чем ничего, но мало. Чертовски мало! И хоть он и рассказал об основных расах, почему-то ничего не рассказал о крысах, да и о зверолодах... А сколько ещё пропустил? А упомянутые драконы, фениксы, единороги, фимиры... Мне эти названия ни о чём не говорят. А было бы неплохо узнать, к встречи с какими ещё тварями придётся встретиться...

Потянулись часы и дни ожидания неизвестно чего. Первое время было особенно тяжело. Не с кем общаться, нечего делать, кроме как рассматривать окружающее пространство, которого было с гулькин нос. Тоннель метра три высотой и четыре шириной, да незамеченный ранее желобок с текущей водой, которая немного смывала нечистоты и мусор.

Раз в день закидывали странную еду, по виду — морских обитателей. Очередность того, кто будет есть в первую очередь, установилась довольно быстро. Моя очередь, как сторонника Белоглазого, ставшего вожаком, была в числе первых, но еды всё равно не хватало. Это приводило к тому, что голодные драки происходили постоянно среди тех, кто не примкнул вовремя к победителям или не погиб в драке за господство. Но шум и визг от постоянных драк происходил не только у нас. Как раз у нас ещё стоял порядок. Но вот особенно сильны были разборки в тех клетках, куда добавляли новеньких. Порой они, более свежие, попавшие в плен с воли, занимали господствующее положение. А порой и “старые” обитатели объединялись и толпой били новичков, указывая им их новое положение и ставя на низ пищевой цепочки.

Некоторые твари содержались в отдельных клетках, и лишь звон цепей, удерживающий их, показывал, что они не пустые. И стоны, которые эти существа издавали. Что особенно сильно мешало. Порой даже сводила с ума невозможность заткнуть эти стоны-вой-скулёж. В груди копилось глухое раздражение на вонь, противную еду, на компанию зверолодов, с которыми невозможно было поговорить и с которыми приходилось делить еду и чьё мясо было весьма противным на вкус. На тех людей, которые были напротив, но не отвечали на мои вопросы и разговаривали на непонятном наречии. И ненависть к друкаям/наггароти, что засунули меня в эти условия.

У меня зажила шкура, хвост постепенно пришёл в норму, но начал облазить мех. По телу начала расползаться сыпь и не понимал, что с этим можно было сделать.

Через неделю потерял возможность понимать где день, а где ночь. Сон воспринимался как избавление от этого странного обитания, ожидался как милость, которую непонятно было как заслужить.

Главное занятие, которым я стал заниматься, это, привалившись к прохладным прутьям решётки смотреть, что происходит в зоне освещённости, чтобы не пропустить того, как время от времени очередную партию невольников вооруженные до зубов друкаи уводят в недра корабля.

Невозможно было представить, что я нахожусь внутри плывущего по морю, или океану судна. Этот гигантский корабль не раскачивался, не скрипели какие-нибудь снасти, не пахло деревянными частями. Лишь камень, вонь, металл решёток.

Не помню, когда меня первый раз вывели из клетки. Думаю, что месяц всё же прошёл, к тому времени.

Очередной отряд шёл по переполненным камерам, вытаскивая сдохших и почти сдохших обитателей. Так я думал. И удивился, когда в нашей обители они потащили меня и одного унгора.

— Это что же, я так плохо выгляжу?! — моё сердце замерло от того, что сейчас меня просто прикончат где-то, а может пустят на корм каким-нибудь чудищам. Вот кто их знает, в чём наша цель? Может нас тут и маринуют как деликатес для отборных тварей, которым надо подавать мясо в обрамлении “изысканного” букета фекалий.

Но этот отряд набирал не только подышающих, он весьма выборочно, под руководством офицера в вычурно украшенной броне, с отделанным золотыми накладками оружием, выбирал из камер только по ему видимым причинам отдельных существ и заковывая в цепи, либо связывая, уводили. Меня связали. То есть посчитали не таким опасным? Я вам ещё покажу, уроды.

Набрав пару дюжин разнообразных особей, нас повели куда-то наверх по вымощенным камнем внутренним дорожкам под арочными сводами в зал, явного рабы-люди в ошейника окатили каждого несколькими ведрами воды. Стоя мокрым, со стекающей по облезшей шерсти и меху, которые намкнув облепили тощие тела, мы ожидали развития ситуации. Явно ни на что хорошее надеяться не стоило, но гнить заживо в их камерах — не такое уж и приятное дело. Всё что угодно может оказаться лучше.

Вокруг толпы друкаев, что на любой поворот корпуса не туда, куда указывали хлестали плетями. И помимо них, полным-полно настороженных воинов с блестящими копьями, которые только и ждут, чтобы дёрнулся...

Оставляя мокрые следы, вывели здоровенное помещение, где уже находилось немало всевозможных тварей. Вокруг была суета, и главным образом уже не от пленников, а от их хозяев. Откуда-то глухо доносились стоны и крики, как будто кричали синхронно одно и то же тысячью голосами, если такое вообще возможно. Покалывая наконечниками копий и ударами хлыстов прогнали куда-то трехголового змея. Рабы под конвоем тащили по полу окровавленные тела людей в доспехах, которые скрежетали на каждой неровности, а другие тут же старались замывать следы тянущейся за ними крови. Но даже замыв её, запах никуда не девался, отчего многие существа раздували ноздри, стали чаще дышать, глаза стали наливаться красным...

Небольшая сортировка и вот уже я оказываюсь не в паре с унгором, а в толпе человекоподобных существ с продолговатыми головами, горящими или отблескивающим красным глазами, пегим, коричневым или чёрным окрасом меха, единичными предметами доспехов и набором острых резцов. То есть типичных крысолюдов. На моё появление кто-то из них агрессивно зашипел, постаравшись вытянуться повыше, кто-то прижал уши и опустил нос пониже. А я им обрадовался — старые знакомые! Может с ними найду общий язык?

— Привет-привет вам, тощие! Как поживаете? Откуда будете? — обнажил клыки я в приветствии.

Пёстрые и коричневые опустили ещё пониже. Пара крепких и жилистых чёрных крыс вышла вперёд.

— Мы твоя не знать! Мы из Скорви! Великий клан! Склонись, светлый, пока твоя цела! — заскрипел-зашипел один, демонстрируя выжженное на груди неизвестное мне тавро, изображавшее что-то из стилизованных костей.

Я выпрямился ещё выше, и вытянув руки вдоль тела, повернул их ладонями в сторону крыс. С такого положения ударом снизу я мог своими когтями вскрыть им брюхо от паха до горла одним ударом.

— Меня прозвали Голодное Брюхо! Ты думаешь, что меня так прозвали на пустом месте? Меня так прозвали, потому что я могу заживо проглотить такого как ты!

Один явно заколебался и запах, чёткий запах того, что он боится, разнесся вокруг.

— Вы видите у меня знак клана? Нет! Потому что его нет! Я так силён, что сам возглавляю клан! Вы слышали, чтобы главу клана прижигали как скот?

— Нет... нет, Голодное Брюхо, не слышали... — запищали некоторые пёстрые подобострастно.

Ещё одно несоответствие пришло в голову.

— К тому же я один из вас светлый. — привёл я дополнительный аргумент.

Толпа крысолюдов ещё сильнее заколебалась и их носы опустились гораздо ниже. Маленькая стая. Моя маленькая стая крыс.

Второй чёрный, пытавшийся хвастовством о своём клане подмять меня, попытался продолжить:

— Меня зовут...

— Меня уже не волнует, как тебя зовут! Ты упустил свой шанс. Теперь я дам тебе новое имя — ты пока будешь просто... Крыса!

Он попытался что-то сказать. А я решил додавить:

— Просто кивни. Говорить пока тебе не разрешаю.

Он кивнул.

— Отлично. Итак, ты — я указал на ещё одного крыса, чей клочковатый мех был не менее черного цвета, чем у его собрата и по своим статям был таким же крепким. — ты будешь Вторым. То есть вторым тут после меня. Моим главным помощником.

— Да-да, буду, я буду главным после тебя! — засуетился Второй, поднимая нос выше.

— Итак, теперь о том, зачем нас собрали. Кто знает?

— А ты разве не знаешь, Голодное Брюхо? — протянул Крыса, смотря исподлобья.

— Я знаю ВСЁ! Всё, что мне требуется знать. А сейчас я проверяю вас. — Размахнувшись, отвесил оплёуху ладонью. Крыс не упал, но тут же склонился и зашатался, потирая место удара. — Это за то, что раскрыл пасть, когда я тебе не разрешил. В следующий раз что-нибудь оторву.

— Драки и грызня, Голодное Брюхо, — подкатился один из пёстрых, подметая пол своим похожим на толстого червяка хвостом. — Тёмные человеки смотрят на смерти и радуются...

— Молодец, я буду тебя звать Крепкий Хвост! — погладил я его по заросшему крепкому лбу, отчего он осел ещё ниже..

— Я слышал-слышал, что кто победит всех-всех, может вступить в их войско и ему дадут много-много еды! — с другого боку подбежал другой крыс, с большими торчащими наружу желтыми резцами.

— А тебя я буду звать Желтозуб! — отметил я его. — Вы всё верно знаете. Ну-ка, а скажите мне, как проходят драки и грызня?

Крысы начали галдеть.

— Молчать! Вот ты, говори. — ткнул я наугад.

— Я Тукч Ядро, Голодное Брюхо, я знаю-знаю, как они проходят! Они выпускают биться героев, сильных-сильных воинов, один на один, а если есть стая — то стаю против стаи.

— И ты молодец, Тукч. — задрожавший от похвалы крыс поднял свою исцарапанную морду выше.

— И когда начинаются схватки?

— Уже-уже — затыкали они пальцами в окружающих нас наггароти, — уже ведут!

Отряд воинов взял нас кольцо, прикрывшись щитами, словно ожидали нападения и покалывая наконечниками копий, повели в очередной туннель, впрочем, вскоре закончившийся. Пока шли, попытался сосчитать количество крыс, но постоянно сбивался. Где-то пара дюжин.

Крыс удалось подчинить без драки, отлично! А то, что я с ними могу ещё и говорить, отлично вдвойне!

Вот интересно, я понимаю и крысячий... крысиный... крысолюдский язык, а ещё и один из человеческих. Почему так? При этом вообще не понимаю выкрики друкиев и тех же зверолодов. Было бы неплохо — съел чьи-нибудь мозги и выучил язык. А быть может это возможно?

Путь окончился у ворот, по виду как будто вырезанных из кости. У темной площадки перед ними гудел поток сырого ветра, который сейчас почти не ощущался, а пронизывало до костей ожидание предстоящей схватки.

Амфитеатр арены не поражал воображение размером, но вот украшений тут было наклепано превеликое множество. Но не на украшениях и не на зрителях, сидящих и лежащих у столов, остановился мой взгляд. Посыпанная песком сцена, размером с сотню метров. Подсознательно ожидал чего-то более внушительного. Ещё тут были ещё одни ворота на арену, расположенные напротив тех, из которых мы вышли, и мощная стальная решётка, отделяющей зрительские места от сцены. Решётка была значительно мощнее той, что была в наших камерах.

А напротив, у ворот, галдела толпа зелёных коротышек, визгливо выясняя отношения и колошматя друг-друга короткими дубинками. Сутулые, сгорбленные спины, крючковатые пальцы, лопухие головы с большими глазами и носом выдающихся размеров, большая пасть с торчащими мелкими и кривыми зубками.

— Гоблинятина! — зашипели крысы, стоящие по сторонам и позади.

Они посматривали на меня, ожидали моего решения, из их пастей начал капать слюна. А я ждал, что быть может тут будет какое-то объявление, может тут есть кто-то, что объяснит правила? А может оно уже было и мы просто пропустили всё. Или тут так не принято. Пока они заняты разборками между собой, было бы очень удобно на них напасть, к тому же они превосходили по численности, на первый взгляд.

— Вперед-вперёд! Бей их! — приказал я, побежав в сторону гоблинов, взрыхливая когтями песок. В своей суете, гоблины не замечали нас, пока мы не пересекли середину амфитеатра.

— Ой-ой! — раздался крик тех, кто отвлекся от своей кучи-малы и выяснению отношений и заметил нас. Другие тоже посмотрели, и часть рванула к решётке и воротам, колотя по ней и вопя, часть брызнула в стороны, и часть крыс рванула за ними. Конечно же,

ворота не открылись и в ответ на пiski и вопли из-за решётки раздался смех тех, кто собрался посмотреть на развлечение. Уроды, добраться бы до вас. Но если мы не разберёмся с гоблинами, то не думаю что они, объединившись не нападут на нас. А потому надо бить первым и искать пути спасения отсюда, чтобы расквитаться с пленителями.

Разогнавшись, бежа первым, я влетел в толпу тех, кто не успел разбежаться, с раздавшимся хрустом костей гоблина, в которого лепился. Его тщедушное тельце отлетело в сторону, а принялся размахивать когтями направо и налево, полосуюя врагов и пуская им кровь фонтанами.

Крысы не отступали от меня, своими мощными резцами перекусывая руки, вырывая куски меня и тут же жуя,

Справа, один из гоблинов в прыжке оглушил своей дубинкой Второго и только мой хвост, рассёкший лицо гоблина, спас того от ещё одного удара.

— Быстрее! Быстрее! — кричал я, видя, что несмотря на первые успехи, гоблинов всё же больше и они стараются пользоваться этим.

— Второй! Желтозуб! Крепкий Хвост! Займитесь вон теми! — указал я тем крысам кого знал, на группу гоблинов, что кидалась камнями, которые кое-где валялись у решётки. А сам схватив одного коротышку за ноги, принялся этой орущей дубиной колошматить не отдельных гоблинов, а тех, кто стоял хотя бы вдвоём-втроём. Наверняка ругающийся гoblin, которому не повезло оказаться в моих руках оказался замечательным оружием (лучше чем ничего) позволяя издали избивать врагов и одним ударом сбивать с ног нескольких, позволяя держаться подальше от их примитивного оружия, и не давая им разбежаться. На сбитых с ног гоблинов тут же накидывались крысы, добивая.

Поднятая пыль из-под ног летела в моё лицо, застилала глаза. Гoblin был не таким уж и лёгким, отчего начал немного запыхиваться.

— Ещё немного! — в азарте продолжал орать я.

— Убить врагов! Всех на мясо! — подвывали крысы.

Я крутился волчком, влетая в самую гущу, и это меня и спасло. Толчок в спину и вспышка боли. Резко разворачиваюсь, махом сбивая с ног того, кто на меня напал. Мелькнул чёрный мех, розовые пятки.

— Ах ты крыса! — яростно я кинулся к встающему. — Убить меня вздумал!

Крыса, ощерившись, попыталась подобрать копьё, но удар гoblinской головой (а именно развернувшись в его сторону лицом) разорвал ему щёку и откинул назад. Крыса повернулась вправо, пытаясь уклониться от мычащей дубины и забыв про своё копьё. Второй удар был не менее удачен и пришёлся прямо по лбу, но дубина моя от этого удара уже погибла сама. Выпустив шмякнувшееся с глухим звуком на песок тело гоблина, и ударил оглушённого Крыса.

Вернее попытался, так как он сумел уклониться и укусить меня за бок.

— Сволочь! — обрушил я удар кулаком на его череп.

— Гад! — нанёс второй удар. Под кулаком хрустнуло и чёрный крысюк осел на землю.

— Совсем-совсем мёртвый-мёртвый. — радостно скалился Второй, пиная труп Крысы. — Предатель! Съесть-съесть его гнилое сердце. Достать, Голодное Брюхо?

— Бери себе, — “милостиво” разрешил я. Какую гадость я не ел, но вот питаться мясом тех, кто говорил, думал, было как-то не очень приятно. Не знаю, что будет в дальнейшем, но пока я не стал как они, и не спешил таким же стать. — я люблю мясо посвежее и послаще, понимаешь? — Плотноядно улыбнулся я.

— Да-да... — испуганно закивал Второй. Что уж он там себе придумал меня не волновало.

Крысы жрали мясо, снимали с тел лохмотья и куски шкур, в которые те были завернуты и напяливая на себя.

— Жрите-жрите, набирайтесь сил... — задумчиво и немного устало протянул я, задумавшись о том, что такие бы воины мнегодились. Даже на постоянной основе, несмотря на предательство. Сколько можно бегать одному? Да ещё со всякими скотами... Эти не на много лучше, но так хотя бы понимают. Осталось придумать, как ещё бежать всем вместе с этого чудо-корабля и уплыть от сопровождающих его монстров.

А с зрительских мест раздавались жидкие аплодисменты, летел какой-то мусор. Возможно мы не оправдали ожидания друкаев, так быстро справившись с зеленокожими, но вот на мне это было плевать. Надеюсь, что стимулировать нас они не будут.

Подобрал с песка кривое копьё гоблинов и вонючую шкуру, которую немного успел оттереть песком, желая проверить, разрешат утащить в камеру или нет.

Нет, при выходе хлестанули плетью и рука сама разжалась уронив оружие. Крысы за спиной тут же все побросали набранный оружейный хлам: дубинки, копья да камни. Шипя от боли, подумал что надо было вперед крыс пустить — должны же они приносить пользу.

Но при этом они не обыскивали, если вдруг сунул что-то за пазуху, как например каменный нож, который пронёс Желтозуб и который я у него отобрал. Вернее просто посмотрел так на него, когда он в новой для меня клетки осматривал свою добычу, что он сам его мне поднёс. Каменная пластина длиной в несколько мальцев, с аккуратно отбитыми краями, сформировавшая неровную режущую кромку. Камень не крошился от надавливания и был довольно крепок, особенно если учитывать то, что один конец был перемотан сыромятным ремешком и завязан узелком, плотно охватывая камень. Пригодится на что-нибудь. А пока можно спрятать за пояс, а поверх накинуть шкуру.

Новая клетка практически ничем не отличалась от прежней, если не брать во внимание соседей по камерам. Крысы хотели расползтись по углам, но я не дал. И теперь они сидели, суетливо оглядываясь и порой меняясь местами, а их хвосты скользили друг по другу.

— Есть что сказать по прошедшему бою? — задал я первый вопрос.

— 3-зелёные коротышки были без вождя, — отрывая, сказал Второй, — а у нас был ты!

— Постоянные враги были не такие сильные, как ты, Голодное Брюхо!

— Да-да, сильный, храбрый, умный! Великий воин! Смерть гоблинов! — запищали на разные голоса крысы, а я поморщился. Пожалуй, не нужны мне подобострастные восхваления. Не моё это.

— Достаточно! Да, я такой! Но потому что я такой и есть, отныне запрещаю вам меня хвалить, ясно?

— Ясно-ясно, вождь... — недоуменно закивали крысы, переглядываясь. Похоже, в их среде такое отношение главных к себе не было принято.

— Второй верно сказал, мы победили, потому как у них не было вождя. А у вас был я, который подумал за вас. Что ещё?

— Они дрались... Мерзкие зеленки дрались между собой, когда мы напали. — пропищал ещё кто-то.

— И это верно. Потому вам отныне запрещаю драться между собой, чтобы не произошло то же самое, только наоборот. Ясно?

— Ясно-ясно... — закивали крысы.

— Второй, что там с потерями? Сколько мы потеряли?

— Худому Кчу вспороли-резали кишки копьем и он остался-остался там. Хута закусали и он издох. Жручу дубинами голову разбили. Трех потеряли насмерть. Великая победа!

— Убить толпу коротышек вы считаете великой победой? Вот когда мы выйдем против такого же количества завров и победим, потеряв троих, вот тогда это будет великая победа!

Они застыли, поражённые моим размахом.

— Ну что, а теперь будем разговаривать. А то у меня поднакопилось вопросов.

Первыми передо мной уселись “старые” знакомые: Второй, Тукч Ядро, Крепкий Хвост, Желтозуб. За ними в порядке своей иерархии уселись остальные.

— Что вы знаете о мире?

И пожалел, что спросил. Потому как начали отвечать сразу, все и то, чего мне было не нужно. Надо было задать вопрос более предметно, более точно.

— Стойте. Говорить будете по очереди. Если кто-то что-то не рассказал, то подымите хвост или свою лапу — это будет означать, что вы хотите что-то добавить.

Немного подумал, подобрал под себя ноги, обвил пояс хвостом.

— Как вы оказались здесь?

— Мы плыли на своём корабле, когда подло-вонючие на нас напали в тумане и всех-всех захватили.

— Крысы строят корабли?

— Мы не строим корабли! Лучше-лучше! Мы их захватываем! — поднял выше нос Тукч Ядро.

— И много вас там было на корабле?

— Семь когтей! Семь сотен! — продолжал Тукч Ядро.

— И много вас всего в клане?

Крысолюды переглянулись, но промолчали.

— Тукч, отвечай.

Хвост крысы нервно извивался на полу.

— Никто не знает точно, Голодное Брюхо. Время Раздора и Потерь... — извиняющимся тоном произнёс он, пригибаясь. Ответ, судя по всему, должен был всё пояснить. Остальные дружно, как болванчики, закивали своими вытянутыми головами.

Надо было построить вопрос таким образом, чтобы не дать им понять, что я вообще не в курсе, что это за время такое. Может это имеет отношение к тому, как Хейм рассказывал, когда всех сюда выкинуло? В смысле, в этот мир.

— Значит клан Скорви — морской клан? Пиратствуете?

— Да-да, именно так. А ещё возим всякое-всякое всяким, торгуем за блестяще-полезные вещи.

— Блестящие?

— Зооолото! — вспыхнули глаза у крыс.

— И много у вас кораблей?

Крысы опять оказались в замешательстве.

— Тонут, бьют, захватывают... Разно-разно кораблей.

— Где ваше логово?

Они замялись, но ответил Второй:

— Рикеввер... Мы из Рикеввера, Шатхарб, море Утопленных Человеков... Но есть и другие логова, я не знаю всех...

— Что, так море и называется? — удивился я.

Тукч Ядро, поглядывая на Второго, вставил:

— Мы так зовём... Все называют море Утопленников.

— Многие тонут?

— Море опасно-опасно... На берегах груды гниющих кораблей и раздутых покойников!

— Тукч, давно плаваешь?

— Плавают они, Голодное Брюхо, — он с презрением указал на сидящих позади пегих крыс, — а мы бегаем по волнам! — гордо добавил он, а затем хвастливо продолжил — Девять лет!

— Много-много! — цокнул языком я. — Как вы называете эту землю, эту сушу?

Он пожал плечами.

— Суша, мир, камни... Сложный-сложный вопрос.

— Как назывался ваш прошлый дом, из которого вы появились?

— Гниииль! Гниющий мир! — хором пропищали несколько крыс.

— Гниль это хорошо? — задал я новый вопрос.

— Всё сгниет, рано или поздно! — с уверенностью ответил Крепкий Хвост, а остальные закивали. — Рогатая Крыса так завещала! Мы живём, чтобы пожирать, осквернять и разлагать!

— Расскажи мне о Рогатой Крысе. Я хочу проверить, что ты о ней знаешь. — указав хвостом на него, ответил я.

Крепкий Хвост замороженно уставился на мой хвост. Вообще, заметил, что мой хвост служит предметом наблюдения крысолюдов. Чуть толще чем у них, так же без меха, мой был покрыт довольно твёрдыми маленькими пластинками, которые придавали ему крепости и он мне неплохо порой помогал в бою. Завидуют?

— Рогатая голодная-голодная, самая голодная из всех крыс. Она может укусить и съесть бога человеков, если захочет. Если не дать ей крови и мяса — то она съест и нас, своих детей. Проглотить мир — хочет-хочет, а мы помогаем. Всё должно сгнить! Умная, злобная, хитрая, жестокая, страшная! Всегда иди на звук колокола и молись, чтобы Рогатая тебя не заметила! Убивай-грызи других и она сделает тебя сильнее! Не трогай человеков, что служат ей, их съедят потом. Слушай Провидцев, что говорят с ней и выполняй-выполняй. Вот что я знаю...

Интересное у них божество. Надеюсь, что я не попадаю по внешности в число её последователей. То, что я услышал о Рогатой Крысе, мне совершенно не нравилось. Обратить весь мир в гниль — в чём радость? Понимаю ещё — сожрать или подчинить всех. Мне бы самому выбрать себе, или вообще не выбирать никого из богов. Хотя, надо ещё увидеть, что они дают. Если, конечно, они вообще существуют.

— Когда началось время Раздора и Потерь?

— Сотни-сотни лет назад! Вторая большая-большая война с чумными монахами! Долгая долгая... Мы сжигали их логова, но корабль утянуло Штормом! Грохот, молнии, страшно! А потом новые земли, где никого! А потом стали находить других крыс и человеков. Осколки кланов! Дичают, забывают-забывают всё. Крыс — подчинить, чумных и тех, кто за них — убить, человеков, зелёнок, зверьё и коротышек — убить и съесть, высоких вонючек, эльфянтину — убить и съесть, если получится или убежать. Нас всё больше — и их всё больше. Но почти победили!

— Как часто рожают ваши самки?

— Разные-разные они. Пять-десять детёнышей в год одна!

— Оружие в лапы во сколько взял?

— Острый нож в год! И без него загрыз кобо зелёнку тогда же!

— Как-то мало ты рассказал.

— Мы мало что знаем. Всё знают лишь Владыки и Провидцы... — задёргал поцарапанным носом Желтозуб.

— Это точно. Расскажите о Владыках и Провидцах.

— Провидцы — голос Рогатой! Она с ними говорит и доносит волю, даёт силы! Они могучие колдуны! Владыки — правят и ведут кланы в бой, завоеывая и покоряя!

— Хм. Чёрно-зелёные камешки, что странно пахнут...

— Гнилой камень! Камень искажения! — на разные голоса начали кричать курсы. Видно, об этом они знали немало.

— Второй, рассказывай.

— Это камень, посланный Рогатой, чтобы он помог захватить мир! Оно даёт силу, если достоин! Оно даёт ужасные раны, если не достоин...

— Желтозуб?

— Нельзя-нельзя прикасаться часто! Можно умереть! Одать Владыке или Провидцу! Не делать порошок, не дышать им, нельзя дышать им, чтобы видеть всякое-всякое интересное цветное! Нельзя-нельзя! Клан сделает оружие, и мы убьём врагов!

— Оружие из камня?

— В нём великая сила! Стукнешь по нему — а он гнилым огнём сожжёт корабль!

Что же за гадость я сожрал?

— Много кланов существует?

— Много-много! Воинских кланов много-много!

— Почему все в кланах? Почему нет одного клана, в который бы входили все?

— Воля Рогатой... Кланов были слишком сильны, Голодное Брюхо, кто-то прячется хорошо, когда проиграют... Кто-то уходит от большого клана, делая свой.

— Как часто кланы воюют? — вновь перескочил я на другую тему.

— Часто-часто! Если Рогатая не явится и не запретит!

— То есть Рогатую вы видели?

— Не сами, нет! Страшно-страшно! Но есть те, кто видел тех, кто видел её.

Надо было прерваться, чтобы обдумать услышанное. Но решил задать ещё вопрос.

— Кто или что самое страшное, кроме Рогатой Крысы?

— Чёрный Голод! — уверенно ответили крысы.

— Это когда постоянно хочется есть?

— Мы сильнее и быстрее людей, но надо есть, когда тратишь много сил. Не поешь — уснешь и не проснёшься, а тебя съест тот, кто не уснул.

Всё, перерыв. Надо чтобы в голове уложилось всё то, что узнал.

Я теперь был ближе к арене и чаще видел тех, кого гнали туда на бои и несли останки поверженных обратно. Нет, шансов тут выжить немного. Надо рвать когти.

Часто параллельно с делами думал о возможности восстания. Тут же тысячи и тысячи монстров! Наверняка их больше чем друкаев. Да тут подавляющему большинству и оружия не надо! Да даже некоторые люди могут натворить дел! Начал обдумывать, как бы устроить восстание... Выбить решётку? Не получится. Запоры какие-то непонятные на ней, не вскрыть. Самому, по крайней мере. Да и вскрыешь, куда бежать в этом лабиринте ходов? Думать, надо думать.

Несколько дней нас не трогали. За это время я ввёл небольшое нововведение, а именно — все стали ходить по нужде в один угол. Питание, самой собой, шло по старшинству. Но

теперь хотя бы следил, чтобы до всех доходила еда, пусть и немного. Сыпь на теле не проходила, и что делать с ней не понимал. У многих крыс была такая и на неё они совсем не обращали внимания. Нужен знахарь какой-нибудь, среди крыс такого не оказалось.

На следующий бой им также не выдали оружия, предлагая сражаться когтями и зубами. В этот раз я услышал объявление, кто-то что-то объявлял, но друхир, наречие друкиев ни я, ни крысы не понимали, а потому и оценить не могли. Зато оценили новых противников, которыми оказались сцинки, которых было чуть более дюжины. И, что самое ужасное, с ними был один завр. В первый момент я оцепенел при виде него и главное, что мелькнуло в голове, это чтобы мой страх, моё опасение не почувствовали крысы. Потому выпрямил спину, презрительно сплюнул на песок арены (из-за резко пересохшей пасти это тоже оказалось непросто) и произнёс первое, что пришло в голову:

— Большая шкура у зверя — новый плащ у охотника.

— Кровью пахнет... — принялся Второй.

Точно, кровью пахло почти везде на арене и на площадках перед ней. Но то была уже стоялая кровь, пролитая раньше и давно. А тут кровью пахло так, как будто бы кто-то недалеко истекал кровью.

Ну ладно, не совсем истекал, но был близок к этому. Завр в ходе своего пленения видимо сильно сопротивлялся и его неплохо так отделали. Присмотревшись, разглядел на его чешуе всевозможные пятна, которые не совсем синхронно располагались, в отличии от неброского узора татуировки. Может поэтому они не атаковали, а сцинки стояли за слегка покачивающимся завром, не подняв свои гребни, которые были лишь чуть желтоватого цвета.

Вот кого атаковать тут в первую очередь? Кинуться и толпой добить завра? А если он быстро не заgnётся? И тогда эти синекожие нас просто со спин порвут. Зубки-то у них тоже есть, как и коготки...

Не успел додумать до конца, как в середину арены ударила молния, выбив целый фонтан песка и оставив метровую воронку. Намёк на то, что зрители хотят зрелища.

Ящеры не шевелились, продемонстрировали готовность ко всему. А вот нам, мне в частности, умирать не хотелось, а потому отдав несколько распоряжений, побежал в бой. Цель была в том, чтобы окружив более малочисленных ящеров (совсем немного, но меньших по числу), выбить сперва сцинков, а завра задрать, но уворачиваться от его ударов. Я помнил его силу, и помнил, что он был медленнее меня, и скорее всего и прочих крыс. Да, задиравшим будет нехорошо, но никто же не требовал от них убить его.

Всё прошло неплохо. Сцинки без копий и дротиков серьёзно уступали быстрым и ловким крысам. Сцинки сжались в толпу у ног завра, мешая и ему и себе. Бросок вперёд и кто-нибудь из крыс цеплял за лапу сцинка и его быстро разрывали, кидаясь к другому. Когда осталось всего несколько сцинков, которых невозможно было достать из-за завра, кинулись по команде и на того, облепив его сплошной массой, кусая и царапая, повиснув гроздьями на конечностях, сжимая ему пасть, метаясь в старые раны и нащупывая мягкие места. Решающий удар довелось нанести мне. Пока штук пять крыс повисли на его лапе, а я через его подмышку сломал ребро и вырвал сердце. И даже со смертельной раной он сдох не сразу, не желая падать на смокшийся от крови песок.

В этом столкновении мы потеряли пятерых. Всех завр, когда мы его уже облепили. Он ломал хребты, выпускал кишки своими когтями, прокусывал черепа... Сильная зверюга. Почти все были ранены, а потому ещё почти две недели нас не трогали, пока не пришли в

себя.

На третий бой выпустили пауков, немного напоминавших кислотников, только плюющихся не кислотой, а чем-то похожим на клей, метров с двух, обездвиживающих и весьма сильно кусающихся. А узнал об этом я тогда, когда по моему примеру все крысы разбежались и зацепившись за решётки, поднялись выше. Пауки заметались по середине арены, не видя и не зная, где их пища, пока я думал как их достать. А наггароти поступили просто — долбанули молнией в первого попавшегося, скидывая его вниз, на песок.

Не повезло Крепкому Хвосту, которого сбили молнией с прутьев и он погиб зря, заплёванный и разорванный пауками. Я даже урчание пауков услышал, когда они откусывали от него здоровенные куски мяса. Но зря весьма относительно, так как им пришлось подбежать к решёткам поближе. И уже тут, вслед за мной, крысы прыгали на спину поедающих Крепкого Хвоста пауков, чем либо раздавливали их, либо обездвиживая и давая возможность остальным ломать, выдёргивать им лапы и вскрывать брюшки, что они не выносили и немного подёргавшись, дохли.

В клетке становилось больше места и никто из крыс не вспоминал убитых товарищей. Порой я расспрашивал их о кланах, о том, где они успели побывать, что увидеть, в каких стычках участвовали и прочие мелкие подробности о мире, который я совсем не знал или не помнил. Крысы не удивлялись моим вопросам. Возможно считали, что у каждого должны быть свои странности. А может и не замечали до тех пор, пока я был у них основной боевой силой и помогал им выигрывать бои, давая возможность прожить ещё немного.

Через какое-то время правила игры (если вообще была какая-то игра) изменились. Узнал я об этом, не зная наречия друкаев очень просто. Они пришли за мной.

Отряд тёмных, подсвечивая себе светильниками, заглянули в камеру через решётки.

Если бы я понимал их язык, то услышал бы такое:

— Старый склад, третий переход, пятый уровень, камера две тысячи сто тринадцать, крысы. Светлый, крупнее остальных... Вон тот, который светлый, в центре сидит! Берите его и тащите, сами знаете куда.

Пока они бурчали-пели на своём языке, я оценил и возгордился! Теперь целый отряд конвоировал меня одного! Связав руки, выставив копыя и взяв наизготовку несколько маленьких многозарядных арбалетов, они повели меня к арене, на которой я уже сражался. Шагая, я присматривался к дороге, к клеткам, пытаюсь запомнить, кто где сидит, к воинам, конвоирующим меня. А ведь не такие уж они и высокие. Если я перестану сутулиться, то может буду даже и чуть выше. Ага, если некоторые из этих бойцов ещё снимут каблуки, так точно.

Переход, потом заплесневевший переход, сырой ветерок, по ступеням вверх и отдающий плесенью ветерок. Многовато у них тут плесени. Совсем с сыростью не борятся...

Посередине арены стояла необычная клетка. Она выглядело как богато украшенное сооружение из чёрно-серых полос железа, соединённых вместе, или, возможно, куча костей, сросшихся так, что образовывали клетку.

Раскрыли невидимые на общем фоне ворота и меня завели внутрь. Довольно просторно..

Без всякого порядка в течении следующего часа заводили всё новых и новых представителей крысиного племени или тех, кто хоть немного смахивал на крысу. А почему стаю мою сюда не привели? Тут что, теперь каждый сам за себя должен сражаться?

Представители крысиного племени, все как один, покрытые шрамами, мускулистые и

жилистые, черношерстные, нервно теребили хвостами, дёргали носами, принюхиваясь к соседям и разминали свои чувствительные кисти, ощерив резцы и шевеля вибриссами, у кого они были.

Но были и те, кого бы я отнёс к представителям псевдокрыс. Пара шрамированных мутантов-крысоогров, с частично ампутированными лапами, вместо которых были вставлены ржавые лезвия. Пара же больших и видимо разумных крысоволков, с пушистыми хвостами, которыми они хлестали по тощим бокам и скалящих клыки больше друг на друга, чем смотря на окружающих. И ещё одна тварь, которую я бы отнёс к крысоограм, но там было ещё что-то относящееся к ящерам. Завроогр? Крысозавроогр? Крысоогрозавр? Увидеть бы этих огров и понять, это у них такая неразборчивая любвеобильность или над ними кто-то так издевается? Таких смешивающих убивать на месте надо, однозначно.

С лязгом захлопнулись ворота за последним вошедшим. Взметнулись хлысты тёмных и пара сотен рабов кинулась к лебёдкам. Их мышцы вздулись, лебёдки закрипели, шевельнулись шестерни, натянулись цепи и клетка, дёрнулась, начала подниматься над ареной, остановившись метрах в шести над уровнем арены и медленно поплыла в сторону, оказываясь над головами зрителей, которые сквозь полосы могли рассмотреть все подробности схватки. Находящиеся внутри пригнулись, расставив лапы и пытаясь сохранить равновесие. Один из крысолюдов, наступил на хвост другой, за что тут же был оттолкнут в сторону и влетел в стоящего крысоогра, который в свою очередь толкнул его ещё на нескольких неуверенно стоящих на лапах и упавших от толчка, и в итоге не оказался у одного из крысоволков, который и так-то был агрессивен, а уж тут, от стресса, от непонимания что вообще происходит, не нашёл ничего лучше, как вцепиться ему в бок своими острыми зубами. Тот не остался в долгу и принялся молотить по горбатой спине когтями.

В клетке сразу в нескольких местах образовалась куча-мала из клубков крыс, рвущих друг-друга. Они двигались так быстро, что когти, зубы, мелькающие хвосты, летящий мех сплелись в сплошной калейдоскоп. Получившие раны и потерявшие боевой запал пытались отползти подальше, цепляясь за полосы железа.

А вниз, ничем не сдерживаемая, лилась кровь сражающихся, небольшим морозящим дождём падая на развлекающихся внизу эльфов.

Я вжался спиной в решётку, стоя настороже. Хоть бы меня сейчас туда не втянули! Чем больше они убьют сейчас, тем целее я буду в дальнейшем. Самое плохое, что здоровенный мутант, крысозаврогр, видимо думал так же. Потому как не вмешивался в драку, а лишь весело скалясь, посматривал в ту сторону, раздувая свои зелёные ноздри.

Один из крысоогров не удержался от порыва, и несколькими скачками приблизился к сваре и немедленно включился в это дело, нанося без разбору своим приращенным клинком. Но вот один из крысолюдов, стоящих в стороне, бросился к нему, кусая за ноги. Когда крысоогр развернулся, он отпрыгнул назад, уходя от выпада клинком. Правда не учёл, что это клетка, а не просторное поле, и столкнулся спиной к спине другой крысой, сражающейся с крысоволком. Крысоогр не преминул воспользоваться этим и следующим ударом пронзил сразу двоих. Лезвие первой прошло через кишки, тогда как второй оно вошло в спину, вылезая кончиком из-под ребёр груди. Вторая крыса не долго провисела на клинке, дергаясь, она сползла с него, чтобы тут же оказаться разодранной крысоволком.

Насадив крысу на лезвие, крысоогр смотрел как она извивается и не желает подышать. Казалось, это зрелище доставляет ему невероятное удовольствие. Крысолюд дергался, царапал лезвие, тянулся, чтобы укусить, пытался слезть с лезвия. Но крысоогр, пользуясь своей силой, просто приподнял его над полом, придерживаясь одной рукой, чтобы не упасть в этом неустойчивом месте. И крыса стала насаживаться глубже. Вот она уже у условной рукояти, ей лапы разжимают лезвие бессильно обвисают вдоль тела...

И вот уже крысоогр раскрыл свою пасть, чтобы откусить кусочек от своей добычи, как внезапно “ожившая” крыса вцепилась ему в морду клыками, и они сцепившись таким образом, заметались по клетке, толкая и сбивая всех, раскачивая клетку.

Мне всё же пришлось принять участие, когда один из крысоволков оказался возле меня

и не придумал ничего лучше, чем кинуться. Тупая скотина!

Тут некуда было отпрыгнуть или уклониться, а потому пришлось принять его тело на выставленное предплечье, которое тут же прокусили его острые зубы. Его маленькие глазки из под тяжёлого нависшего лба светились торжеством, а из горла доносилось хриплое рычание, которое прервалось лишь тогда, когда я достал из-за пояса, прикрытого шкурой, каменный нож и не вонзил этой твари в глаз по самое переплетение, давя на него, пока кончиком лезвия не достал до мозга и мутант не разжал челюсти.

Менее минуты ушло всё, но дальнейшие события отпечатались калейдоскопом событий.

Мозг, разум не участвовали в этой борьбе, отступив перед слепой тягой к жизни.

Боль жгучей лавой сжигала в схватке мое тело, она затуманивала мозг, и в глазах все расплывалось.

Я вишу на потолке, чтобы меня не достали, и моя кровь капает на крыс, а я пытаюсь вылизать рану и остановить кровь.

Одну крысу задирают сразу несколько её собратьев. Удар в спину от одного крысолюда, обернувшись к нему, отмахивается когтями, но получает новый удар в спину от другой крысы, опять оборачивается и опять удар. А на спине через порванную в клочья шкуру показали бело-розовые кости позвоночника.

По приказу друкаев, рабы крутят несколько лебёдок и клетка резко наклоняется, и все летят в одну общую кучу — живые и порванные тела мертвых, где начинается невообразимая кровавая резня. Потом клетка выравнивается и наклоняется в другую сторону и все катятся, ломая кости, в другую сторону.

Крысозавроогр подмигивает одного из крысолюдов, а потом резко обхватывает его тело и сжимают своими ручищами так, что глаза крысолюда выпирают из орбит, кости хрустят, вывалившийся язык синееет.

Второй крысоогр казался больше погруженным в себя. Он не смотрел на то, что творится в центре. Даже когда к его ногам подкатывались тела, он не шевелился. Его безумный взгляд уставился на левую лапу, совмещённую с тесаком. И вот он уже зубами пытается что-то там зацепить сначала осторожно, но из места стыка плоти и железа идёт кровь, боль нарастает и вот уже крысоогр кусает лезвие, его глаза налились кровью. Крысоогр словно хотел откусить себе запястье, но до этого не дошло.

— Скалмааа! — взревел он кинувшись к помеси крысы и ящерицы.

Крысогрозавр сцепился с крысоогром и мощь столкнулась с ещё большей мощью. Каким бы крысоогр не был сильным, а крысогрозавр оказался ещё сильнее. Он медленно ломал врага. Его мышцы вспучились, а потом он резким движением выдернул казалось вросшее лезвие и воткнул это лезвие в толстую шею крысоогра. Затем, уперевшись ногами в грудную клетку мутанта, он винтообразным движением открутил тому голову так, что она осталась держаться лишь на лоскутах кожи.

Выжившие твари давились, глотали, жрали плоть, пытаясь сделать всё, чтобы вернуть силы и зарастить раны, шипя на окружающих, будто бы они собирались отобрать их добычу. Как будто рядом не валялись трупы тех, кто уже проиграл.

Я боком обхожу выживших, добираясь к “своему” трупу крысолюда. Передо мной было мясо, и я был голоден. Мясо вонючее, под блохастой шкурой. Но это была жизнь для меня. А за жизнь я был готов сражаться. Хочется пить, а кроме крови ничего нет.

Вот уже несколько выживших черношерстных насытились и все подозрительно смотрят на грозного зеленоватого мутанта. А я пытаюсь телодвижениями общаться с остальными,

давая знаками понять, что было бы неплохо разделаться с этой угрозой для нас всех. Я уже знал, видел, мой опыт подсказывал, что каким бы сильным монстр ни был, толпой его можно забить. А крысозавроогр весело нам подмигивает, глядя на наше беспокойство, заглатывая целиком оторванную лапу.

Крысозавроогр идёт на выживших. Один из черношерстных, с обнажившимися лицевыми костями, что не мешали ему жрать бывшего своего собрата, пытается зайти за спину мутанту, но оказывается перехвачен. Скручивая раненого, он смотрел на нас троих, оставшихся. Вцепившись ладонью в скальп визжащего крысолюда, он треснул его головой об железные переплетения, и череп черношерстного трескается, обнажая содержимое черепной коробки.

А крысозавроогр делает следующий шаг.

Мы, не сговариваясь, по трупам рвём на него.

Мы нападали на Крысозвра втроем, ибо понимали, что сойтись с ним один на один значит умереть. Мы бились с маниакальной яростью и ненавистью, с расчетливой точностью, что появляется, когда бьёшься за свою жизнь, с мастерством, копившимся всю нелёгкую и полную смертей жизнь. Когти, клыки и резцы впивались в шкуру мощной твари. Мои руки били с такой скоростью, какой я не ожидал от себя, они мелькали как быстрые размытые ленты, которыми я бил, рвал, вырывал клочьями плоть. Мозг отключил сигналы боли, от получаемых в ответ ударов.

Мы метались по клетке, давя тела тех, кому не повезло и не желая попасть в их число. Временные союзники, объединенные общей угрозой. Вымазанные в своей и чужой крови, слушая завывания толпы, беснующейся снизу, которой мы показывали всё то, что они так жаждали видеть в своих самых кровожадных фантазиях.

Один из тросов не выдержал метаний наших туш и с треском оборвался, отчего опять дружно упали, и одна из крыс оказалась под мутантом, тут же им раздавленная. От рывка клетки не выдержал запор ворот, и одна створка раскрылась на высоте, проносясь метрах в пяти — шести над следящими за массовым поединком друкаями.

Нас осталось двое против него.

— Вы падаль! Вы мясо! Еда! Вы умрёте! — шипел крысозавроогр, для которого эта схватка тоже далась нелегко. Он не отбивался, не защищался, а нападал. Мощный удар — и мой временный союзник падает, захлебываясь кровью, его тело конвульсивно дёргается.

А мутант, крысозавроогр поворачивается ко мне. Клянусь, он улыбался своими тонкими губами, а тонкие складочки кожи у одного глаза сомкнулись.

Это он мне подмигнул, скотина. Типа, я следующий.

У него не было больших зубов, резцов, в отличие от далёких собратьев, зато у него было великое множество мелких, загнутых внутрь, и не один ряд.

Оно прыгнуло и я втиснул руку между раскрытых челюстей, не позволяя укусить себя за шею. Но мутант оказался таким массивным, что сбил меня с ног и принялся царапать когтями грудь, оставляя глубокие борозды и молотит кулаками, ломая рёбра.

Всплыл совет откуда-то из глубин памяти, что если тебе кусают руку, не вырывайся, а поступай наоборот. Чей это был совет? Когда мне успели советовать такое? Не помню, да и не факт что это была импровизация подсознания.

А я только глубже просовывал руку ему в глотку, медленно-медленно по самое плечо. Каким бы оно живучим не было, оно всё же было живым и ему требовался воздух. Когти скользили через гортань и трахею до легких, которые я начал рвать на куски, взбалтывая

получившуюся кровавую мешанину когтями.

Он был дьявольски тяжелым, и удерживать его стало одним из самых сложных дел в моей жизни — мышцы, казалось, сейчас порвутся, кости вывернутся из суставов, а я сам полечу в распахнутые наполовину ворота, возле которых мы оказались.

И вот уже он перестал меня колотить, а отталкивает от себя, пытаюсь оторвать руку. Загнутые мелкими крючками зубы мешают этому, обрывают мою кожу. Но у меня просто не остаётся сил. Чувствую, как рука всё же движется назад, зацепил когтями как можно больше внутренностей. Хрипя и булькая окровавленными ноздрями, мутант резким рывком избавился от инородного предмета у себя во внутренностях, зашедшись в задыхающемся кашле, вырыгивая окровавленные комья. К сожалению, я видел как быстро могут зарастать его раны и подобные травмы, которые он получил в схватке, могли стать для него не смертельными.

Но был ещё шанс.

Скосив глаза, я увидел, что время пришло, и разжал пальцы, удерживающие меня у наклонённой решётки, и прыгнул, толчком ног толкая и спихивая крысозвароогра от себя в сторону распахнутой створки, куда оон, взмахнув лапами и вывалился, угодив на головы зрителей, отчего там разразился страшный переполох и зашуршали вынимаемые из ножен гхлайсы и лакелуи, защёлкали многозарядные арбалеты — уритены, пошёл гул двуручных дречей, рубящих незваного гостя.

А я, проглотив то, что было в руке, похромал к знакомому хвосту, торчащему из кучи тел. Вытащил тушу недоеденного крысоловца из-под наваленных тел и собирался есть, пока клетка медленно опускалась.

ИНТЕРЛЮДИЯ 2 (или короткий взгляд с другой стороны на последующие минуты)

Сохирс обнимал выглядящей юной нимфеткой ведьмочку, ласкал её и медленно тянул вино.

Игры выдались неплохими. Разгрузили переполненные камеры, развлекли скучающих воинов, охраняющих этот зверинец и унижающих тем самым собственное достоинство.

Но не ведьмочка, которая была, возможно, была постарше самого Сохирса (эти женщины вечно скрывают свой возраст — только по летописям можно отслеживать кто когда засветился), он сейчас наблюдал за Дарлотрилом, который в свою очередь невесело смотрел за ложей, в которой расположился глава Теней Ковчега.

Тот развалился в одной из лож, среди подушек, мелькающих прелестей ведьм, измазанных льющейся сверху кровью, обнимая одну нагую прелестницу и прихлебывая излюбленный напиток Теней — забродившую кровь. Именно глава Теней смотрелся господином Ковчега. Чуткий слух Сохирса доносил ему всё, что там говорилось.

— Хочешь попробовать? — Выглядящий мальчиком многосотлетний воин протянул подружке кубок.

— Фууу, это не вкусно.

— А что бы тебе было вкусно попробовать?

Та задумчиво смотрела на животное, которое осталось в живых после массовой бойни, одержав неожиданную победу.

— Я хочу крови вон того. Можно?

— Можно. Погладим опасную зверушку. — улыбнулся её собеседник.

Несколько команд окружающих ложу безмолвно застывшим вокруг слугам и вот уже окровавленную и рычащую зверушку тащат к ним. Вместе с ней тащилась по песку часть тела одного из монстров, убитых в клетке и которую тот пытался без помощи своих рук заглотить.

— Голодное животное...

Пинок отбрасывает мясо, а ведьма пытается прикоснуться к меху подрагивающей твари. Подошедший Сохирс в последний момент успел перехватить ведьмино запястье, когда зубы твари щёлкнули в миллиметрах от её белой кожи, забрызгав её кровавой слюной.

— Ах ты паскуда! Выкормыш светлых! Мерзкий мутант, рождённый в гнилой утробе! Я тебе устрою сейчас мгновения блаженства! — взъярилась подружка главы Теней.

Она выхватила у воина кинжал, но подошедший неторопливой, раскачивающейся походкой Дарлотрил подал ей плеть.

— Крыску не убивайте пока, жизненных сил в ней оказалось немало, пригодится для ритуала.

— Мало что из-за тебя проиграла, так ты ещё хотел испортить мою кожу! Пролить мою кровь! Кровь друкии! Непокорная тварь, которая осмеливается показывать клыки своему хозяину, платит за обучение хорошим манерам для начала своей исполосованной шкурой, — пропела она, с удовольствием приступая к исполнению обязанностей палача. С видимым наслаждением она наносила удары по и так своей израненной жертве, удерживаемой воинами, будто удовлетворяя свою дикую страсть. Гибкая плеть в процессе распалась на несколько длинных гибких жгутов с краями, острыми, как бритва. Когда она прервалась, обессилев, убрав в сторону окровавленную плеть, вся спина победителя бойни, выжившего в клетке представляла собой кровавое месиво.

— Морана видит, как тебе будет плохо!

Не зная, как ещё отомстить и видя перед собой главу Ковчеха, который наблюдал с улыбкой за истязаниями, она ярилась но понимала, что придётся оставить в живых эту тварь.

— Вот что я с тобой сделаю! — крикнула она.

Тут дело уже не в крысе, она уже просто хотела показать себя во всей красе.

По её приказу подошёл один из человеческих рабов.

Кинжал ведьмочки кратко блеснул, когда она опустила его в молниеносном ударе, что поразил грудину раба. Склонившись над рухнувшим телом, она не остановилась. Ещё три удара и развернувшийся порез распростёрся сверху донизу, лишь слегка удерживаемая костями. Она перевернула кинжал и нанесла удар рукоятью. Грудина раскололась, и она взялась руками за края грудной клетки. С силой она рванула, и грудная клетка раскрылась наружу. Это приятное для неё зрелище напоминало распростёртые крылья в небесах.

— Так гораздо красивее. — улыбнулась она, оглядывая стоящих вокруг друкиев. — Во имя Эллинилла!

Дарлотрил едва заметно поморщился. Все жертвы должны быть посвящены лишь Малекиту и Кхейну!

А пребывающий на грани яви и бессознательного крыс шипел на крысином, сбиваясь на тилейский, который среди них никто не понимал.

— Я ещё попробую вашу кровь на вкус...

Определённо в этих эльфийках что-то было... Цистерна злобы, море жестокости, океан высокомерия! Я плохо помню окончание резни в клетке, но вот ту эльфийку запомнил, да. Отобрала моё мясо, избила до полусмерти...

Я вновь покачивался в маленькой клетке, в которой невозможно было прилечь над ареной. Какое бы положение я не принял, тело болело. Особенно спина, с которой было непонятно что, оборванная зубами крысозавроогра рука и сломанные им же рёбра. Его смерть меня немного примеряла с тем, что я вишу здесь. Но вот когда касался спиной прутьев — всё тело пронзало болью. Слава всем богам, что самое плохое было позади. Кожа зарастала довольно быстро, спасибо частично проглоченному крысоволку. Но при каждом вздохе в груди отдавало болью, а кожа левой руки была покрыта тоненькой и розовой кожицей, без всяких следов светлого меха, как у правой. Смотрится так, будто бы мне её пришили.

И при этом опять хочется жрать...

Приняв неудобное положение, я день за днём наблюдал за тем, как друкаи внизу проводят своё время — обнимаются с со своими женщинами, пьют, едят, смотрят за почти непрекращающейся резнёй на арене и порой режут пленников сами. При этом вспоминал вкус крови крысозавроогра и думал, что таких питательных следовало бы разводить на еду, а не в качестве воинов. Он определённо был довольно вкусен. Попытался вспомнить вкус жареного мяса и не смог. Вот это пугало — как бы я не превратился в тварину, что одержима лишь кровью и мясом окружающих.

С высоты своей клетки увидел, как зверолюди из тех, с кем меня схватили, сражаются и гибнут. Узнал по старым знакомым. Сперва Белоглазого выставили против Тупого и первый псоглавец победил. Потом победителя кинули против нескольких упырей-стригоев, которых он уже победить не смог.

Я уже думал, что так и подохну в этой новой своей тюрьме, когда меня вернули к крысам. Видимо были на меня ещё какие-то виды, помимо просто тупого умерщвления от голода и жажды.

Благодаря тому, что меня вернули в клетку когда я ещё был вполне в сознании и при этом зол и голоден (тут одно цеплялось за другое), мне удалось подавить небольшой бунт, который хотели начать несколько новых крыс, занимавших главенствующее положение во время моего отсутствия. Кого слегка придушив хвостом, кого отделав кулаками (костьяшки на кулаках славно выбивали зубы и при этом им самим было хоть бы хны).

При этом для остальных моё возвращение тоже было не особо радостным, потому что им пришлось значительно урезать свой паёк — основную часть стал забирать себе я, набивая пустой желудок. Теперь они удостоверились в правдивости моего прозвища, данного мне когда-то.

А всё оставшееся время, проведённое помимо насаждения дисциплины и уважения ко мне и быстрого проглатывания еды, я провёл обдумывая создавшееся положение. А оно было плачевным, на самом деле. В этот раз я несказанно рисковал и победил, выжил лишь чудом. К сожалению, рассчитывать на удачу постоянно нельзя и требуется брать ситуацию в свои руки.

И самым оптимальным было бы отказаться от гостеприимства друкаев и уйти так, чтобы не доставлять им хлопот... Нет, надо уйти так, чтобы при этом доставить им как можно больше хлопот. Единственная проблема — я в клетке, не совсем пока здоров и нахожусь посреди огромного корабля с экипажем, который будет категорически против того, чтобы я покинул преждевременно.

Решив, что надо решать проблемы по мере их поступления, я решил решать проблему по частям — для начала надо было прийти в нору. Благо что тело обладало хорошими свойствами по заживлению ран.

Через какое-то время нас вытащили на драку с зверолодами. Конкретнее — с толпой унгоров и браев, немного превосходящих нас по численности. Момент был рискованным, но тут я решил первым делом прибить одного конкретного козлоногого, надеясь, что без руководства будет проще расправиться с рогатыми и лысыми тварями. Найти вожака было просто — он у них не прячется за спины, а ведёт своё стадо, каким бы оно большим не было, впереди.

Несколько крыс кинулись ему в ноги, а пока он остановился разобраться с ними я проделал небольшой трюк — разбежавшись, прыгнул вытянув руки и схватив свирепого (а другой вожаком не станет) унгора за рога и рванув в сторону. С хрустом его позвонки сломались и волосатое тело упало вслед за мной, едва успел увернуться. Может он был ещё жив, только парализован, но дела это уже не играло.

Почетание перед более сильным, тем, кто победил вожака, было сильно у зверолодов. А такая быстрая расправа над ним ошеломила их и подорвала боевой дух. Не было той ярости в глазах, готовности умереть, но разорвать врага, благодаря которой их боялись.

Единственной проблемой стали впавшие в бешенство от запаха крови твари, когда крысы стали рвать паникующее стадо, не чуявшие боли и ставшие просто обалденно сильными.

Из-за таких треть стаи оказались ранены и покалечены.

Ну а я нашёл возможный вариант, возможную возможность (если так можно сказать) того, как вырваться из плена. А сбежать я был готов в любое время — неизвестно против какой твари поставят в следующий раз.

Перед осуществлением всё же решил поделиться с выжившими Желтозубым и Тукчем Ядро. Мало ли что они подскажут. Второго не было, его прибили новенькие.

— Опасно-опасно! — взвыли они оба.

— Тогда предложите что-нибудь! — разозлился я. — Да, риск высок! Но есть ли вариант кроме моря? Да и чем мы в начале рискуем?

Крысы замолчали. Я думаю, что признали мою правоту, но мало ли что было в их лобастых головах.

В основе моего плана лежала надежда на соседей. Особенно до тех, до кого можно было частично дотянуться.

Новичкам, разделавшимися с Вторым, мой бы план точно не понравился, а потому не стал и делиться.

По ощущениям стояло раннее утро, когда мы вытянули из угла одного из бывших узурпаторов и я, не откладывая дело, вскрыл когтями ему горло. Хрип, воздух с сипением выходит из его горла, а на сжатые ковшиками ладони крыс льётся кровь, которую они тут же выплескивают наружу, за пределы клетки. Некоторым, кто хотел лакать дармовое угощение, как им казалось, пришлось отвесить подзатыльник.

Кровь не требовалось выплескивать далеко, хотя, конечно же — чем дальше, тем лучше. Красная жидкость серыми и черными пятнами ложилась на камни, отблескивала в слабом сумеречном свете.

Почти сразу же последовала реакция в клетке, куда крысы метились, зазвенели цепи, раздалось ворчание, сменившееся возбуждённым рыком и кто-то с шумом начал вдыхать воздух. Цепи зазвенели громче, звук недовольства в рыке звучал всё явственнее. А потом они загремели так, что казалось весь корабль сейчас сбежится на шум. Шум, правда, быстро прекратился и вскоре в тусклом свете появилось страхолюдная морда, а прутья той клетки обвили то ли многочисленные руки, то ли ещё более многочисленные щупальца.

— Кроооовь... — выдохнуло существо, и вместе с этим выдохом прутья его камеры начали деформироваться, раздвигаясь. Медленно-медленно, но для тех, кто смотрит, вполне заметно. И вот уже в коридор через разрыв вышагивает-вышагивает гротескная человеческо-осминожная фигура, массой под две тонны и высотой метра под два с половиной. Первым делом она вылизала следы крови в коридоре, а потом её тёмный взгляд обратился на нас.

А у нас у решётки, но так что не дотянешься — тело мертвого крыса со вскрытым горлом.

Тварь приблизилась, попыталось дотянуться щупальцем... От греха подальше, мы подтянули тело к себе, что вызвало звуковое неудовольствие с той стороны решётки. Часть крыс громко стучала зубами от страха и не понимала, зачем привлекать к себе внимание подобного существа.

Страхолюдина вцепилась в решётку, приникла к ней телом и вот уже прутья начинают стонать, деформируясь. Когда проход оказался достаточным, чтобы проникнуть внутрь, существо так и поступило. Тут уже мы вытолкали труп ей к ногам, и по моей команде:

— Всем на выход!

Все рванули из клетки. Никто не хотел задерживаться в клетке с этим кошмаром. Причём бежали чуть ли не по потолку.

В образовавшемся проёме, конечно же образовался затор, который с трудом рассосался, но судя по хрусту и визгу, раздавшемуся позади, монстр захотел обеспечить определённый запас еды.

Итак, мы в коридоре, хоть и задыхаемся от пережитого ужаса и хочется уноситься во всю мощь подальше. Можно ещё кого-нибудь убить, взбудоражив местных. Можно попытаться тихо прорваться вверх. Можно вообще просто посмотреть, как с этой стороны как открываются клетки.

Пока я повёл тех, кто был рядом и не свалил в темноту, за собой в ту сторону, где был выход на другой уровень.

Мы тут уже ходили несколько раз и были немного в курсе об обычных порядках. Пара друкаев в качестве караула у раскрытых настежь ворот оказались погребены под грудой крысиных тел, не успев пикнуть и вот уже у меня в руках абордажная сабля, у желтозубого многозарядный арбалет- уритен, остальные разобрали кто-что. Трупы закинули в стоявший рядом оружейный ящик, откуда предварительно всё выгребли.

Крысолюды вдохновились, кошмар, выползший из камеры, уже не беспокоил — ведь было оружие и куча места, куда можно было убежать. От пролитой крови кружило голову и чувство окрыленности охватило крыс. Война! Война! Кровь пролита! Вперёд! Вперёд!

Но у меня были другие планы.

Спрятавшись в темноте у ворот, мы ждали. Идут несколько тёмных на другой уровень —

пропустить. Идёт один — бесшумный крысы крутят руки и оглядываясь и прислушиваясь, не поднята ли где тревога, тащат в темноту, где отрываются на пленнике. С тела срываю широкий серебряный браслет на левую руку. Кто-то срывает пояс, кто-то пытается снять панцирь. Дождавшись, как казалось, удобного момента, цепочкой по стене крысы во главе со мной крадутся выше.

Запах ведьмы и вот уже красивая тварь, что не учуяла опасности, в когтях и резцах крыс. Не жалко. Лишь запах крови... Его не замаскировать.

Запах... Пахнет едой — кухня, или что тут, рядом. Столовая, трапезная, пиршественная.

Коридор за коридором, прячась от врагов, если их было хотя бы несколько и убивая одиночек мы шли, сначала в сторону от запаха, а потом вернулись. Время утекало сквозь пальцы. Скоро вновь должны были проснуться расслабляющиеся хозяева этой плавающей крепости и надо было успеть.

Шел я медленно, можно сказать, еле ноги переставлял, аккуратно ступая и ожидая того момента, когда из какого-нибудь проёма покажется враг... Я прошел уже коридоры, ведущие к темницам, в которых я содержался с зверюдами, и коридор к арене.

Полукруглая арка и перед нами кухня — печи, горы котлов, тесаков, ножей и несколько растерянных людей в ошейниках, начищающие котлы. У них была возможность сильно нашуметь, но парализованные и удивленные они не знали что предпринять, а мы не дали им времени, скрутив и заткнув рты.

Быстро разбежались, обыскивая помещение. Это кухня явно не для командования, а для простых бойцов, а может кого и рангом пониже, так как набор продуктов в мешках был ничем не выдающийся. Вряд ли командование тут любит лакомиться крупами, хлебом грубого помола да вяленным мясом.

Наконец отыскали то, что искали, с помощью кухонных рабочих. Я устроил сложную пантомиму — показывал на мешки с едой и пытался изобразить удивление. Пленники лишь кривили рожи, не понимая, что за страшное существо перед ними беснуется.

— Да говорите уже, падлы! — не выдержал в бессильной злобе.

— Да что же говорить-то, господин? — дрожа, откликнулся один паренёк. не без труда, но вполне понятно было его речь.

— Кладовая, склад, трюм! Где хранится запас продуктов корабля? — быстро спросил я. Время! Время!

— Вон там, господин, короткий лаз. А вон тот — к цистернам с водой.

Взвалив пленников на плечи, по узенькому ходу пробрались в ещё один коридор, довольно короткий и что самое замечательное — никем не охраняемый. Эдакий чёрный ход в кладовую, куда повара и поварёнки бегали по сто раз на дню. Типа — и зачем же отвлекать уважаемых друкаев охраной такого места? Нам же лучше.

Это было огромное помещение, целая пещера, заполненная рядами бочек разного калибра, ящиками и ящечками, бункерами, наполненные крупами и мукой. В полотняных мешках, обработанных чем-то, хранились связки колбас, окороков, копченых тушек птиц и зайцев.

Пробираясь, одна крыса нашла в одном из бочонков кран и открыла его и начала с наслаждением глотать жидкость, льющуюся оттуда. Подойдя, принюхался и со всех сил пнул крысу. Пьяница! Из бочки лилось вино.

Но потом не удержался и сам попробовал. Вкусное, холодное, яркое! Отлично!

Каждый из крыс подошёл и влил в себя немного вина. Их красноватые глаза заблестели

ярче.

Кто-то из крыс забрался в бункер и нагадил туда, прикопав результат.

В эту здоровенную кладовую вели разные ходы. Видимо от разных кухонь. Но был ещё ход, который вел в одно не менее, а пожалуй и ещё большее помещение. Пленник, понимающий меня, а я его, сказал что это трюм.

В гулком помещении стояло не менее огромное количество ящиков из разных материалов. Из толстого массивного дерева, обитые железными полосами, просто с металлическими уголками, из камня, похожие на саркофаги, заполненные до потолка штабеля брёвен...

Во многих крышки оказались никак не закрыты. Чего тут не оказалось — коридоры ящиков с тканью, кожами, какими-то камнями, стога напиханных в сундуки пахучих трав, ряды с какими-то разноцветными банками с не менее разноцветным содержимым...

В отдельном углу стояли ряды сундуков, в которых были сложены плотно-плотно мечи, копья, алебарды, сабли, шипастые обсидиановые и бронзовые дубины ящериц. Панцири, шлемы, латные юбки, кольчуги, забрала и груды другого снаряжения. Видимо, это всё то, что они награбили или сняли со своих пленников, скидывая сюда.

Стой, награбили... Может есть ещё что-то?

В центре зала обнаружили под пологом, сложенные прямо на полу, груды слитков серебра. Трудно было даже примерно оценить вес металла. Золота пока не нашли, но учитывая размеры зала, тут могло обнаружиться что угодно. Да и куда оно тут нужно? Вынести нереально, купить-обменять на них ничего невозможно.

Ни одного звука из коридоров не доносилось и было не понятно, какой эффект вызвала наша пропажа и вообще — считают ли нас пропавшими или думают что нас разорвал тот кошмар... Интересно было бы взглянуть. Но решил никого не посылать туда, а пока переждать здесь.

— Эй, мышелюбы, вшивые пожиратели приплода! Быстро наверх!

По выступам штабелей брусьев ценной древесины (а иначе зачем её им вообще запасать) забрались на самый верх, где устроили себе логово.

А с высоты открывался вид на этот трюм, чьи границы полностью не были видны.

Да тут целую армию можно спрятать!

Крысы, сытые немного пьяные, оказавшиеся в практически родной стихии, радовались. Мой авторитет взлетел до небес!

В принципе, я был всем доволен, и мало что теперь причиняло мне беспокойство. Перспектива близкой смерти от монстров на арене отодвинута, я спрятался и рядом есть еда. То, что тут придётся просидеть несколько месяцев взаперти, может быть, была бы неприятна при других обстоятельствах, но теперь, после того, как чуть не разорвали на арене монстры и пленители мучительной смертью, я относился к ней спокойно. Я решил терпеливо перенести свое нынешнее заключение.

А потому велел сделать кое-какие приготовления, пока нас не обнаружили. Половина крыс отправилась набрать воды в бочки, которые можно было освободить из-под вина. Паре — выбрать небольшие бочонки с вином, которые можно было бы затащить наверх, а всем оставшимся и мне — набрать в соседнем зале еды, желательно не оставив следов.

Глава 9.1

Мы тихо сидели наверху. Первый день я был напряжён и сосредоточен, ожидая вражеских патрулей и колдунов. На второй день я проснулся, видя огни десятков друкаев. Вот! Сейчас придётся бежать! И прикидывал примерные пути отступления, когда оказалось, что пришедшие тёмные всего лишь принесли очередную порцию награбленного, которое они распихивали по сундукам, по полкам. Спустились вниз проверить что принесли. В принципе ничего необычного — человеческая одежда да простые товары. Возможно какой-то торговец уже никогда не попадёт в свой пункт назначения.

На третий день отпустил пару крыс на разведку, да за водой. Походили, понюхали — тишина и спокойствие. Спустился сам, набрали ещё еды. После последних недель существования и стресса требовалось много еды, которая поглощалась в больших количествах.

А потом наступила скука. Постоянно лежать было скучно. На какое-то время решил заняться обустройством нашего логова: из самых дальних углов вытащили тюки с мягкой тканью, разорвали на куски и получил в своё распоряжение замечательную постель. Оценив комфорт, один бочонок с водой потратил на помывку, слив воду между брусьями, чтобы снизу проходящие не задавались вопросом — чего это вода в трюме. Заставил помыться и крыс, чтобы по камерной вони не учуяли.

Сыт, чист, выспавшийся! Жизнь налаживается! Но скучно лежать, когда вокруг столько всего, а врагов на горизонте не видать. Стая получила распоряжения и все разбежались в разные стороны исследовать местность.

Сам первым делом покрутился у груд серебра. Рядом с первой были найдены ещё несколько. Эх, наверняка это большая ценность в мире. Вот бы был среди крыс какой-нибудь маг, чтобы мог перенести нас со всем здешним барахлом куда-нибудь в обитаемые земли! Можно было бы развернуться, как по рассказам Желтозубого и Тукча, с другими крысами, устраиваются кланы крыс под различными городами. Таскали бы еду, смотрели за жизнью снаружи с безопасного расстояния, через посредников покупали всё необходимое. Эх, мечты.

Если только какого-нибудь наггаритского колдуна захватить. Забрался к пленникам-поварятам. Нет, на их языке не говорят, ими командуют повара, а вот старший повар — уже что-то понимает на друхари. Выследить и захватить его, что ли?

На вопрос, как они думают — ищут ли их, оба неуверенно пожали плечами, сказав, что порой рабы и так пропадали. Их сами же эльфы могли прирезать, просто проверив на первом же остроту заточки своего клинка или нового заклинания.

Спустился дальше бродить по рядам, раздумывая о том, сколько тут сидеть и куда потом деваться.

Прошёлся по рядам с разноцветными склянками. Провел час, рассматривая плавающие в них хаотично частицы. Некоторые из банок начинали слегка светиться от прикосновения, но никакого эффекта от этого не ощутил, а вскрывать, а уж тем более пробовать не рискнул — кто знает, что там такое. Можно было бы позвать кого из крыс и приказать попробовать, но их и так мало, чтобы так разбрасываться — банок многие сотни, а крыс — полтора десятка.

Крадясь вдоль стен, шёл и шёл вдоль полок и стен, ничем не примечательных и

довольно однообразных, пору раз спрятавшись за стеллажами от людей-рабов, что-то таскающих/ переключивающих/перекатывающих с места на место. Вело меня вперёд любопытство, а также желание найти проход на верхние палубы. Ну или найти какую-нибудь дыру в борту, чтобы увидеть море и, возможно, берега, куда можно было бы юркнуть и бежать.

Не сразу обратил внимание на изменение обстановки, в которой оказался, больше поглощённый на отслеживание признаков находящихся поблизости живых.

Во-первых, я стоял в коротком коридоре, ведущим в очередной зал. Из коридора мне открывался вид на необычную обстановку в этом зале, а именно на открывшееся моему взгляду убранство. Мне не хватит слов, чтобы описать всю красоту этого подземного зала. Стены зала были покрыты материалом, похожим на дубовую кору, потолок — переплетение костяных ветвей, застывшая в мраморе трава. Стоящие статуи эльфов, признаю, редкой красоты. Но красоты высокомерной и жестокой. Во-вторых, обоняние улавливало необычное сочетание запахов свежей травы, морской свежести, корицы, имбиря и тления. Корица!.. Мне уже как-то попадался этот запах в одной пещере. При этом воздух здесь был сухой и очень теплый, так что ни о какой влаге и сырости, с которой можно было столкнуться в других залах и коридорах этого плавучего замка, не могло быть и речи.

Далее — весь зал заставлен каменными гробами-саркофагами. Почему я так решил? Вряд ли кто-то бы стал изображать на каменных ящиках спящих с оружием тёмных, под которыми были изображены более мелкие рисунки того, как эти самые эльфы всех сильно-сильно побеждают и угнетают, а в конце концов они оказываются в каком-то войске, которое ведёт в сражение какой-то рогатый (?) друкай.

Это всё я уже рассмотрел в ходе осмотра этих саркофагов. В зале, в нишах стен их стояло гд-то до трёхсот, так что побродить пришлось. А точно ли там мертвецы друкаев? Может это у них тут хранилище какое-нибудь? А запах тлена — ну это просто вещи долго пролежали, вот и испортились. Я бы уже прошёл мимо, но вот этот запах, отдающий лёгкими нотками корицы, который витал в воздухе...

Надо проверить.

Принюхался внимательнее и ведомый ощущениями, пошёл на наиболее яркий запах.

Каменный гроб, довольно высокий и массивный. На каменной плите, помимо рисунков и какой-то вязи, возможно описывающих биографию того, кто тут лежит, было как бы выступающее из плиты каменное изображение спящего тёмного. Ну наверняка там труп. Но интересно, что там так пахнет-то, потому не отступаем, а проверяем.

Мне и в голову не могло прийти, что тут могут быть какие-нибудь ловушки. Всё же глубокий тыл, если можно было так сказать, а не вражеская территория. Потому навалившись телом, неожиданно легко сдвинул в сторону каменную плиту и осторожно заглянул внутрь, откуда продолжало всё так же тянуть запахом тлена и корицы.

Скелет, обтянутые желтой пергаментной кожей, в стальных доспехах, отливающих глубинной темнотой с украшенной вязью гравировкой, и с двумя традиционными друкайскими мечами в богатых ножнах. Я не мог различить, насколько хорошо сохранились клинки, но, думаю, они были точно такими же, как в тот момент, когда упокоились в подземелье вместе со своим хозяином.

Но даже не мечи приковывали взгляд, а лежащая в этой усыпальнице самая настоящая корона, держащаяся на черепе и выглядящая как тонкий золотой обод, из которого вырастали маленькие золотые лепестки. Но золото сейчас было не главным. В короне

находились камни — целых тринадцать штук. И каждый размером с мой коготь. И камушки эти светились насыщенным тёмно-красным цветом. Клянусь всеми местными богами и демонами, но такой красоты я ещё не встречал в этом мире.

Ничем, кроме остатками выпитого вина в крови, не мог бы объяснить дальнейшее случившееся. Осторожно, чтобы не повредить, придерживая череп за обрамляющие его сохранившиеся чёрные волосы приподнял и снял корону. Примерил. Ничего необычного, но не на мою нестандартную голову, съезжает. И от неё не тянет необычным запахом. В отличие от других предметов, в которые предварительно на всякий случай слегка потыкал абордажной саблей, ожидая того, что может молнией шарахнет... Но ничего, спокойно всё.

Клинки, короткий изогнутый и более длинный прямой. Немного вытянул лезвия из ножен, с лёгким шорохом скользнувшие по ним. Тёмные лезвия переливалось почти так же, как и мои когти. По крайней мере, мне показалось, что есть у них что-то такое общее. Поискал как их отстегнуть, а потом плюнул и снял весь пояс из темной кожи, жесткий и слегка покоробившийся.

Вторым из предметов было кольцо, вернее перстень, который тоже стянул с тонкого застывшего пальца, не уступающий в изяществе короне усопшего. Основа перстня — переплетенные между собой нити золота и кости, а вставлен — какой-то чёрный камень. не разбираюсь в драгоценных камнях, но он по-видимому из них. И не удивлюсь, если камень обладает местной магией — от тусклого света на его гранях играл весь радужный спектр, собравшийся вокруг маленького чёрного облачка.

Сунул его в кармашек на поясе и сдвинулся к последнему предмету, который привлёк моё внимание.

Тонкая золотая цепочка с костяной подвеской, изображающей прямоугольный щит, с мелкой выгравированной вязью и перьями. Эту я сразу натянул себе на шею, но пока снимал, то слегка свернул шею труп, но надеюсь что он там в своём загробном мире и не вернётся, чтобы мне отомстить — вещи-то наверняка полезные, а пылятся тут без дела.

Были ещё доспехи, но выковыривать из них скелет было немного рискованно — мало ли кто мог явиться, и хоть меня не было видно от входа, всякое могло случиться. Оглядел вновь ряды саркофагов, даже не представляя какие богатства могли содержаться в них, вместе с трупами местных господ.

Из любопытства сдвинул крышку гроба, от которого не пахло ничем, кроме тяжёлого запаха гниения. Скорченное в предсмертной муке тело воина, выраженного в простой воинский наряд. Исказившееся от страданий лицо, которое не могло скрыть ещё идущее гниение плоти. Поспешно сдвинул крышку на место и поспешил на выход. И так уже долго брожу. Надо идти и привести сюда стаю чтобы обнести эту... погребальную комнату, или как там правильно назвать. Корону решил оставить, хоть и хотелось взять — но лучше оставить руки свободными.

Я уходил, сумрак дремал, мертвецы спали вечным сном в своих могилах, и лишь я, уже не обращая внимания на ни на что, чуть ли не бегом мчался назад.

Как оказалось, торопился я не зря, еле успев прошмыгнуть в трюм. Вокруг ходило множество воинов, оцепивших выходы/входы. Обнаружили крысиный помёт в крупе, всё же? Или кто-то попался? Или узнали ещё как-то что ходячий кошмар сожрал не всех? Или мы не при чём, а они устроили внеплановую ревизию?

Быстро добежав к сложенному лесу, молнией вскарабкался наверх. Там уже сидело большинство крыс, слегка паникуя. На моё появление отреагировали положительно, видно,

что ждали, что я вернусь и помогу им выбраться. Вот только куда выбираться я не знал.

Сели в круг и начали тихо рассказывать, кто в каких ходах-выходах успел побывать и что видел. били интересные варианты, но туда сейчас не попасть из-за спящих друкаев. И никто не знал причин, почему тёмные подняли тревогу.

Поделились и я своим открытием о саркофагах. Тукч заявил:

— Осторожно — осторожно надо... В гробницах могут попадаться очень страшные, но полезные-полезные вещи! А ещё блестящие-блестящие, драгоценные!

Достал свои трофеи. Крысы с завистью смотрели на талисман, на кольцо. Приказал одной крысе надеть его. Пегий трясся, зажмурился, но команду выполнил. Ничего не произошло.

Потом он осмелел, начал крутить кольцо, рассматривая его и в какой-то момент от него пошёл дым. Мы порскнули в стороны, стараясь не дышать, а пегий не обратил на это никакого внимания, лишь потом с удивлением взглянув на нас. Видя, что он ещё живой, приблизились. Снял кольцо — дым исчез. Надел, покрутил, сжал лапу — он вновь появился. Да и не дым вроде, а какой-то тёмный туман, выделяющийся о тодежды, появляющийся у меха и скрывающий фигуру крысы.

Отобрал кольцо, сжал-разжал, сжал разжал кулак и действительно, лёгкая дымка появилась над кожей. Крысы цокали, удивляясь находке и завидовали ещё больше. Талисман не знали как проверить, но более авторитетные Желтозубый и Тукч заявили, что там наверняка какая-то защита, потому как такие штуку (ну может не совсем такие, но похожие) порой можно было встретить на трупах, а самые могучие колдуны крысолюдов даже могли смастерить нечто подобное.

Хотели вытянуть и рассмотреть клинки, но вернул всех к тому, что эльфы могут нас учуять и надо бы найти выход отсюда. Они сели и стали смотреть на меня, пока я дам какую-нибудь “мудрую” команду. Но в голову ничего не приходило, кроме двух идей — сидеть тихо и надеяться, что нас не найдут, а второй вариант — тихо спуститься вниз, попробовать найти неохраняемый выход или прорваться, но там надежда на спасение как-то была низка. Чтобы занять чем-то нервничающих крыс, приказал пройтись вдоль по верху нашей горы дерева, осмотреть стены и потолок, до которого было совсем невысоко. Все разошлись, оставив меня наедине с мыслями, давая возможность спокойно всё обдумать.

Неожиданно, не прошло и двадцати минут, как прибежал Тукч Ядро и позвал кое-что показать.

Они нашли в потолке отверстие! А если точнее — то нечто, больше похожее на дымоход, так как он был весь в саже, которая отслаивалась кусками от камней, но при этом всё ещё мазалась.

Не зря крысы со мной делились легендой, что Чёрные КовчегИ это настоящие замки, которые с помощью магии спустили на воду, спасая от гигантского наводнения, затопившего в былые века целые страны, если не континенты.

Отверстие вело куда-то в полную темноту и я решил:

— Желтозуб — остаёшься тут за главного. Тукч и ты, ты, и вот ты — ткнул в нескольких крыс, выбравших в качестве вооружения короткие клинки и минимум доспехов, либо простую ткань — идёте со мной. Желтозуб — если увидишь, что друкаи лезут сюда — отправляйся за нами.

Забравшись на спины вставших друг к другу и сцепившихся двух крыс, чтобы они могли меня удерживать, полнялся, цепляясь, выше. Один булыжник, за который я цеплялся,

вывернулся из кладки и упал на бошку ниже находящейся крысе, набив ей шишку, но в целом всё было нормально. Мы лезли в темноту на ощупь. Тут не было никакого света — ни лишайников, ни каких-нибудь факелов, отверстий в потолке, вообще ничего. Поднимаясь, увидел какой-то боковой ход, относительно освещенный. Свернул туда. Бурые гранитные стены, низкие потолки (в основном приходилось идти скрючившись, но никаких неудобств идти на четырёх конечностях ни у кого не было), узкие проходы. Мертвая тишина, разбуженная звуками наших движений. Никакого мусора, чистота и относительный порядок, если не считать мелких выпавших камушков из стен. Видимо, тут редко кто бывает, если вообще появляется. Ещё несколько поворотов и развилок, пока в потолке не показался свет.

Не просто свет. Нет! Мы увидели облака! Я так давно их не видел, что вначале и не понял, что мы выбрались куда-то на поверхность корабля. Не смог удержаться от того, чтобы не полезть выше. Карабкался и ожидал, что сверху кто-нибудь заглянет в эту трубу, или кинет что-нибудь.

Добрался. Выдохнув, быстро поднялся, оглянулся и спрятался обратно. Вроде никого. Выглянул ещё раз, на пару секунд задержавшись.

Вечер. Небо, насколько видно, от горизонта до горизонта было низким, свинцовым и хмурым. Неподалёку площадка, пустая. Вокруг какие-то башенки.

Надо узнать, где тут что находится. Может мы стоим у какого-нибудь причала? И долгожданная, вожделенная свобода совсем рядом?

Не давая себе долгого времени на раздумья, придерживая клинки, выполз наверх. И только успели все выбраться и отправиться на обследование первой башенки, как без всяких громких криков вокруг засвистели болты и стрелы. Кто-то из крыс завизжал от боли, закрутившись, пытаясь вытянуть выросшее оперение из спины. Побежали обратно, и уже было хотел спрятаться обратно, но успевший первым взобраться на трубу и прыгнуть пегий оказался настигнут стрелами и его труп застрял в лазе и пока пытались его протолкнуть, ещё один крыс упал, с попавшими в него стрелами. В трубу вонзилась молния, разворотив её кусок.

Выхода не было. Вокруг не видно никого, на кого можно было бы кинуться с клинками наголо. Лишь пустая полоса горизонта, которую очерчивали границы корабля.

— За мной, Ядро, и молись своей Рогатой! — крикнул я (скрывать уже поздно) сжимая-разжимая кулак с кольцом и низко-низко пригнувшись, отталкиваясь изо всех сил когтями ног то ли от крыши, то ли скалы, то ли от верхней палубы Ковчега, побежал к горизонту, разбежавшись и со всей силой оттолкнулся, прыгнув туда, за черту горизонта. К хмурому, темнеющему небу и мрачным водам океана.

Глава 9.2

Прыжок. Простое слово, а сколько за ним кроется. Тот момент, когда на какое-то время уверяешь себя в руки судьбе. Страх, сжимающий сердце, которое уходит в пятки и разум, что в панике и восторге одновременно.

Хорошо, что не видел, с какой высоты предстоит прыгать. Огромные волны, бьющиеся о борт корабля сверху показались маленькими пенными бурунами. Под ногами и вокруг всё замелькало, но усилием воли отбросил все страхи, выпрямился и так, вытянувшись, и вошёл в волну.

Удар о поверхность воды оказался сравнимым с пинком лошади или ударом людоящера-завра — из моих легких разом выбило весь воздух, а ноги онемели. Как бы не подготовился, а такого не ожидал. Меня окутал кокон из пузырей, волнами швыряло во все стороны и когда рванул вверх, вдохнуть воздух, только чудом не ударило о чудовищно обросший кораллами и моллюсками борт Ковчег. Если бы прыгнул чуть ближе, то сейчас моё тело просто бы размазало по этим окаменелостям. Яростное течение переворачивало тело вверх ногами, вертело вперед и назад. Свет и тьма кружились за закрытыми глазами, пока меня мотало между поверхностью и тёмными глубинами.

Я был лишь маленькой букашкой, что несло течением и собственными усилиями прочь от друкаев, прочь от рабства, прочь от всей эльфийской мерзости.

И вроде уже немного отдалился от борта, как напор воды начал утягивать меня вниз, на глубину. Со всей мочи замахал руками и ногами, борясь с течением. Двумя руками я выгребал на поверхность, пузырящуюся пеной. Нырнув очередной раз вниз, под накрывающую сверху волну, я заметил, что в глубине что-то белеет. И это “что-то” движется, становясь ближе.

И когда это открыло глаз, который был больше меня в несколько раз, я закричал и остатки воздуха покинули мои лёгкие. Не чувствуя этого, я стрелой вынырнул на поверхность, и мне казалось, что я сейчас побегу по воде, такой ужас у меня был перед созданием с глубины. Я ни видел ни щупалец, ни присосок, ни страшных зубов, но не сомневался, что весь этот комплект присутствует.

Мне казалось, что ноги мои чего-то касаются и сейчас, вот-вот меня схватят, проглотят, переварят и выплюнут и никому не будет никогда дела до моих останков. Никто даже не вспомнит про меня. И всё, что я пережил, все смерти и убийства — всё это окажется зря.

Мех свисал сосульками, а я, гребя одной рукой, пытался выхватить какой-нибудь из клинков, не чувствуя ничего и двигаясь лишь по наитию. Мне было без разницы, что подобному глубинному чудищу клинок может показаться даже не зубочисткой, а маленькой занозой.

И когда белые щупальца появились над водой, я был готов дорого продать свою жизнь.

Белые щупальца не торопились, они извивались, то погружаясь под воду, то выныривая на поверхность, переплетались с черными щупальцами и баламутили и так не спокойную воду. А может она и беспокойная от движения этого существа?

И лишь через полминуты, показавшейся вечностью, я понял — это не игра существа, их тут несколько. Набравшись храбрости, я нырнул, чтобы попытаться увидеть, что творится там на самом деле.

В глубине подо мной и правее меня огромные змеи напали на белого монстра, пытающегося их поймать своими щупальцами, а они, скользя, своими здоровенными

пастями отхватывали от него куски плоти, которую тут же глотали. И тот глаз, видимый мною ранее, был не один. Несколько более мелких глаз были вырваны, пробиты и сейчас из этих отверстий в теле монстра шла белесая муть, окрашивающаяся с тёмной кровью в молочно-бурую хмарь. И всё это в сплошном молчании, ни звука от них. Лишь грохот волн сопровождал происходящей борьбе.

Я появился уже во время этой схватки, или она только началась? И неужели я спасён? Спасён? Спасён!

Грести! Грести! Грести! Я работал руками как одержимый, и даже клинок мне не мешал, пока совсем рядом с моим телом не проскользнул чешуйчатый бок с несколькими плавниками. Это было очень неожиданно и я, перехватывая мокрую рукоятку прямого клинка нечаянно её выпустил. Лишь лезвие успело блеснуть во тьме, когда я рванул за ним, понимая, что он может ещё спасти мне жизнь. Блеснул и осветил кишащие чёрные вытянутые тела, во множестве снующие кругом. В таком множестве, что я уже и не видел из-за них ничего кругом.

Надежда на спасение угасала.

Большая волна подняла меня на свою вершину, когда наполненная мелкими зубками пасть аккуратно, и совсем безболезненно, с хлюпающим звуком втянула меня внутрь себя.

Скользя внутри твари, я понимал и не понимал одновременно, что это последние мои мгновения. Вот же я, чувствую всё! И совсем не умираю! Или умираю, но сам этого не понимаю? И что меня ждёт? Вроде не переживали — медленно растворят кислотой, задохнусь без воздуха? Но ждать смерти вот так просто не было ни капли желания.

Вокруг перекачивались лужицы едкой слизи, дохлая полурастворённая рыба, водоросли, какие-то кости, куски веревки, шматки мяса... Кожу начало прижигать, боль не конкретная в каждой из конечности, а обволакивающая, незаметно погружала меня в себя.

Сжался клубком, а потом уперевшись головой и ногами в условную “спину” и “живот”, разогнулся, насколько мог, создавая вокруг себя воздушную подушку и потянул из ножен оставшийся короткий клинок, добытый в гробнице тёмных. Не знаю, чем они отличались с утерянным клинком от обычных, но в нём тоже что-то есть непростого, как и в каждой вещице, от которой необычно пахнет для меня. И самое время проверить его необычность, если она есть.

— Решил отомстить за того одноглазого Змея?

Стараясь успокоить дыхание, от которого распирало грудь, которой после интенсивной борьбы хотелось дышать и дышать, я коротко (место мало) рубанул по условной “спине”, взрезая склизкие стенки. И вновь, и вновь! И начал методично рубить, помогая раздвигать разрез среди мышц и мелких костей, которые как сеткой опутывали её вытянутый корпус головой и спиной.

После первого удара по телу проглотившего его змея прошла судорога. После второго и последующих она уже не прекращалась, тело стало извиваться, а я пытался не поддаться его силе, которая хотела меня сломать, растворить в себе. Тварь была живуча, разрезанные стенки его плоти пытались сомкнуться, но я наносил новые и новые удары, не давая им зажить, чувствуя, как на меня бежит его кровь, которую я опасался слизывать из за его желудочного сока, который уже всюду прижигал мою кожу.

И вот скользкий в моих руках кривой клинок пробивает его мышцы насквозь, хрустит очередная косточка под моим давлением и внутрь льётся уже не кровь, а вода, а я вдохнув воздуха из его кишечника, высовываюсь наружу.

Змея кружила по вечерней тёмной поверхности океана, не понимая своим крохотным умом, что меня это только спасает, что хоть иногда, но я успеваю вдохнуть воздуха, что дарит мне новые мгновения жизни.

Клинком в одной руке, когтями правой я рвал змею, наполовину высунувшись из твари и ждал, кто же из нас не выдержит первым. Я не мог выбраться из неё, так как ноги будто бы вросли в плоть змеи и половина моего тела по бёдра осталась внутри тела, тогда как корпус торчал наружу, омываемый водами.

Дважды мы уходили глубоко под воду что заставляло меня глотать солёную воду, бился головой о и руками о тело змеи. Ноги как будто заживо разъедало кислотой. Я кашлял, хрипел и отплевывался, пока в какой-то момент сознание не покинуло меня.

ИНТЕРЛЮДИЯ 3 (на борту “Дара Марцхелина”)

Звёзды уже тускло сверкали в предутреннем небе. Лик луны ещё блестел, словно натёртая монета и её свет окрашивал в серебро рассекаемые килем корабля чернильные гребни волн моря Шатхарб или как его ещё называли — моря Утопленников, на самой границе с Бушующим океаном. Но на горизонте уже появилась широкая полоса, символизирующая о наступлении нового дня, несущего новые заботы для всех, кому удалось пережить очередную ночь в путешествии.

Одномачтовая галера «Дар Марцхелина» сменила галс с востока на юг, лавируя против восточного ветра и стремясь скорее пройти беспокойные воды и прийти в безопасные гавани юго-восточной части моря. Ветер шумел в снастях и хлопал подолами плащей вахтенной смены, не забывая развеять флаг свободного города Эллары на юте.

Матросы, начинающие новый трудный день, ловили рыбу неводом с небольшой шлюпкой, идущей за кораблем и матерясь сквозь зубы на упрямого капитана, не дающего отдохнуть.

Заснувший штурман не заметил как сидящий в вороньем гнезде окликом привлёк внимание матросов к чему-то покачивающемуся на волнах. Не проснулся он и от их крика, когда они отплыли от корабля и доплыли до находки.

Очнулся он лишь тогда, когда они полезли через борт, стуча баграми, которыми вытягивали сеть и грязно ругаясь, начали звать на помощь. Кто-то побежал будить спящих, кто-то отправился за капитаном.

Сам штурман выглянул за борт, решив узнать причину беспокойства и сморщив нос. За бортом ощутимо витал запах гниения. А на волнах, удерживаемый баграми, плавала часть бадуха, большого морского змея, которые в основном водились на севере, но и у побережья от Трикии до Сайвага встречались довольно часто. Поймать такого сильного зверя — сложная работа, но вполне под силу слаженной команде, которая за это получит много ценных ингредиентов на продажу, если среди них есть мастер сохранения, и просто вкусного мяса.

Сейчас вокруг шлюпки и останков змея плавало много мелких и довольно крупных рыб, пирующих у туши, что говорило о том, что подход он уже не один час назад. Но не это привлекло внимание штурмана.

Из плавающей туши зверя, почти у самой воды, торчало бледное тело человека, не подающее признаков жизни. Штурман протёр глаза. Картинка не изменилась. Что за чёрт?!

Пришёл припухший от сна капитан и на какое-то время обалдев от увиденного, как и все сбежавшиеся вокруг посмотреть на находку рыбаков, принялся отдавать распоряжения. Общими усилиями, с помощью грузовой лебёдки вытащили кусок змея на настил палубы. Видно, что кто-то крупный успел им перекусить и матросы шептали отвращающие зло молитвы своим покровителям, чтобы это существо никогда не добралось до их корабля.

— Дайте мне фонари! — заорал капитан Дор и любопытные матросы, у которых на борту было так мало развлечений, кинулись со всех ног выполнять его распоряжение, доливая масло в фонари и разжигая их.

А потом принялись разрезать змея, доставая из него этого... это.

Потому как если посмотреть вплотную, то сразу становилось ясно, что такое не могло быть человеком, хотя нечто общее во внешнем виде сохранялось. Немного вытянутая голова, торчащие верхние и нижние острые клыки, мускулистое тело с впалым животом и с длинным тонким хвостом, довольно длинными руками, с когтистыми пальцами-крючьями. После освобождения от мышц змея показались ноги, стопы которых можно было бы назвать лапами. Всё его тело было голым, безволосым, покрыто множеством ран, царапин, язв и язвочек, шрамов, а уши обгрызаны видимо мелкими рыбами. На шее у этого существа висел какой-то талисман (который тут же был снят Знающим), на запястье серебряный браслет, а на одном из пальцев — перстень, что говорило о том, что это явно разумное существо. На поясе болтались лохмотья какой-то одежды, которую можно было только выбросить.

Знающий, как человек опытный, стаскивая драгоценности нарушил тишину:

— А он ещё тёпленький. И скажу больше — он ещё не сдох.

Капитан Дор, шумно сплюнул на изгвазданную палубу.

— Есть мысли, что за тварь мы на этот раз выловили?

— Нет, такого я ещё не видел.

— Нет бы сдох, меньше проблем.

— Не скажи, капитан, может и хорошо, что не сдох. Выкинуть за борт мы его всегда успеем, а так он нам может принести пользы.

— Предлагаешь сдать в Коллегию?

— Ну до Коллегии ещё добратся надо, и не факт, что они дадут хорошую цену. А вот если доберёмся до Рикевра, то есть там у меня знакомые, которые изучают всякие мутации. Но и в любом порту Наследников мы сможем его продать, я найду людей.

— Смотри, Труви, под твою ответственность.

Он немного помолчал, пока моряки тащили цепи, в которые собрались заковать неизвестного мутанта, валяющегося без сознания.

— Как ты думаешь, кто он такой?

— Может быть зверолюд?

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы зверолюды плавали по морям?

— Нет!

— Вот-то же.

— Но это ни о чём не говорит. Помнишь то судно, которое мы встретили в ночь Вемингенской святой?

— Ааа, ты об этих...

— Ага.

— Да то другое.

— Да то же самое! — возмутился Труви Знающий, единственный на корабле, кто мог

работать с разными магическими вещичками. — Сколько у меня не было выходов в море, то ещё ни разу не бывало, чтобы что-то необычное не встретилось. Да сам вспомни, мы даже корабль коротышек видели.

— Точно, было. Долбаные психи.

— А уже если он откуда-нибудь с севера? Или откуда-нибудь с юга, если есть там что-то. Или из каких-нибудь Пустошей? Мало ли там Хаоса, чтобы мутировать... Люди меняются под влиянием его, сам знаешь. А если не человек в основе, то тем более. Но вот эти побрякушки... Я думаю, что до того момента, как мы его куда продадим, надо самим попробовать его разговорить.

— Ты думаешь оно может разговаривать?

— Ну ты чего, Дор? Оно украшения ради красоты нацепило? Да ещё непростые. Если знает хоть один из людских языков, разговорю.

— Ладно! Уболтал, тролль тебя задери! Но будь осторожнее, мало ли что за тварь мы выловили. Когда будешь его очухивать, возьми кого из ребят или меня зови.

— Как скажешь, капитан. — отмахнулся Труви знающий, старый его друг по делу.

Штурман, всё это время находившийся недалеко, слышал каждое слово. И ему понравились слова капитана, что они продадут найдёныша. Глядишь, лишний бочонок пива обломится на “призовые”. И это его примеряло и к запаху гниения, и к вечной ругани капитана.

На радостях он достоял смену, всё время которой размышлял о том, что за мутант им попался. Он с со сладостным восторгом думал о том, какой он мог быть опасный и как здорово, что капитан решил его сковать. Потом он подумал и начал молиться Маннану, Повелителю Морей, о благополучном возвращении в родные кабаки... То есть о благополучном возвращении в родные гавани. Навестил вредного кока, который выдал ему порцию похлёбки из змея, жаркое из змея и сухарь (подобным он однажды чуть не покалечился, уронив его острой гранью себе на босую ногу) Уже перекусив, повалился на палубе. А потом, решив что лучшее развлечение это понаблюдать за их найдёнышем, отправился в трюм, где увидел, как мрачный и спокойный Знающий Труви о чём-то беседует с прижавшийся к стене тварью, а Эвбер с Жозе весело хлещут её плетью. “Так им, этим нелюдям проклятым!” — удовлетворённо думал штурман. “Будь моя воля, всех бы вас извёл со свету!” Он уже хотел подойти, чтобы сменить наверняка уставших парней, не только ведь они должны развлекаться, как произошло то, что заставило его побледнеть, позеленеть и паникуя, натыкаясь на складированные части такелажа, чуть не свернув фонарь и крепко ударившись о бугель, выскочить вверх и в панике застыть, чуть не разорвавшись, куда бежать — к капитану, предупредить друзей, за оружием или к колоколу. “Тварь! Отродье Хаоса! Оно освободилось!” И вместе с этой мыслью его взор упал на трос, которым была привязана тянущаяся за судном шлюпка, которую они использовали для рыбалки. “Или..” — успел подумать он. Что “или”, он додумать не успел, потому как сутуло сторбившееся тело мутанта с окровавленной клыкастой мордой и недобрыми глазами появилось перед ним. И это было последнее, что увидел в своей жизни любопытный штурман “Дара Марцхелина”.

Над головой клубились чёрные тучи. Разряды молний на весь горизонт неожиданно вспыхивали во тьме, освещая пейзаж жутким мерцанием. Дождь стегал меня по лицу, затрудняя зрение. Ветер плевался в лицо холодными морскими брызгами, а горло жгло от солёной морской воды. Волны тащили меня к скалистому обрывистому берегу. Там, возле скал, обезумевшая стихия ревела яростно и непокорно. Гремела, грохотала, стонала... Я прыгал по хребтам волн, то и дело срываясь вниз. В пропасть. В самую тьму. Которая ближе и ближе.

Всё вокруг взрывается, затапливая светом.

Резким вдохом втягиваю в себя воздух, ошалело уставившись на деревянный потолок. Мне приснилось. Это мне всё приснилось. Расслабленно закрыл глаза, расслабив уже напрягшиеся и налившиеся болью мышцы.

Поток воды ударом детского кулака привёл меня в чувство.

— Давай очухивайся, ё-моё! Тут говорить желают, а он разлётся. Расслабляется, морда, пока другие пашут.

Пока произносились эти слова, я откатился в сторону от говорившего.

Чёткая речь на тилейском явно говорила о том, что для говорившего это родной язык. Почему-то именно это стало важным для меня в первую очередь. Перевернулся, но сразу встать не смог из-за пары железных цепей, которыми я был пристёгнут за руку и ногу к толстым доскам. Повернув голову, наконец увидел того, кто решил меня облить водой.

Три человека, выряженные в выцветшие на солнце штаны и рубахи. Двое с дубинами и кнутами, босые и нечесаные, в то время как третий с коротким толстым ножом на поясе и синей жилетке, в белой бандане, удерживающей его седоватые волосы смотрелся более авторитетно.

— Воду ещё таскай, вытирай её ещё потом...

— Хватит бухтеть, Жозе. — бросил “авторитетный”, рассматривая меня, а я — его. Пол качало, штормило и было непонятно, то ли качка за бортом, то ли меня просто качает. То, что я нахожусь на борту, было само собой разумеющимся, судя по окружающей обстановке: закуток вытянутого пространства с низким потолком, заставленный мотками веревок, бочками, ящиками, а стены — прошпаклёванные доски и поперечные брусья — шпангоуты.

“Авторитетный” что-то пробулькал, смотря на меня. Он что, заклинание какое использует? Вжался в стену, желаю быть подальше, если что-то сейчас произойдёт. Наверняка за спиной борт, а уж его дырявить вряд ли станут, в отличии от меня. Взгляд брошенный вниз, и я обратил внимание на свои ноги — о боги, что с ними произошло? Вся шерсть исчезла, всё в ранах, кожа до пояса цвета мяса, живот чуть ли не к позвоночнику прилип, все конечности, как показалось, усохли.

Видя, что ничего не происходит, “авторитетный” что-то пророкотал, а затем гортанно рыкнул. Чего это он?

— Понимаешь меня? — была его следующая фраза.

— Да, — решил не скрываться я, — понимаю.

— Ну наконец-то, а то я уж думал, что ты не всё-таки не совсем разумен. — холодно произнёс он. — Кто ты такой?

— Я... Я Хейм. — Почему-то представиться Голодным Брюхом перед людьми ему

показалось не очень удачной идеей, подумают ещё что-нибудь не то. А из человеческих имен он помнил только одно. — А вы кто такие и какого демона вы меня приковали?

— Эвбер. — глянул “авторитетный” на одного из подручных и тот понимающе кивнул, отложив дубину и распустив кнут, быстро и хлестко нанёс удар, отозвавшийся болью в плече. Сволочи! Я же им ничего не успел сделать плохого! Или успел?

— Сначала я задаю вопросы. Надеюсь, что у тебя хватит мозгов понять, что ты не в том положении, чтобы уходить от ответов или врать. Я знаю, когда мне говорят правду, а когда — нет.

Действительно, “авторитетный” был не так прост — чем-то от него таким тянуло, что роднило его с шаманами звероловов. Хотя внешне он ни капли не был похож на тех тварей...

— Имя!

— Хейм.

Кивок Эвбер и новый удар. Я зашипел сквозь зубы. Больно.

— Меня ещё зовут Голодным Брюхом.

— Зверолод?

— Нет, таким появился.

— Слышал я, что порой рожденных с отклонениями уносят в леса, к зверям, но в первый раз вижу нечто подобное в жизни. — покачал тот головой.

— Кто тебе дал такое прозвище, Голодное Брюхо? — взглянул он на мой забурчавший живот.

— Зверолоуди...

— Но вот видишь. Отродье Хаоса, как бы оно ни маскировалось, всегда можно вывести на чистую воду при помощи простых вопросов и грубой силы. Ума-то у них маловато. Как говорила моя бабушка, — это уже всё он обращался к своим спутникам — И злой дух, и злой человек признают одно — силу. На тварей эта поговорка тоже распространяется.

Он достал из сумочки на боку мой талисман, снятый с высохшего трупа на Ковчеге.

— Откуда у тебя это? — спокойно и мрачно продолжил он.

— А что это? — вопросом на вопрос ответил я.

Он вздохнул.

— Достаточно дорогая вещь... Жозе.

— О, гля как могу! — названный Жозе размахнулся, и нанёс свой удар, рассекая кожу. По телу пробежала дрожь, но я стерпел, стиснув зубы, оценивая длину цепи и расстояние до висящих на поясе у разговаривающего со мной ключей.

Перед глазами медленно опускалась кровавая пелена.

— Напоминаю, ты на борту судна, где в том числе от меня зависит твоё дальнейшее положение...

Жозе продолжал наносить удары. Видимо хотели сразу мне таким образом “вправить мозги”.

— ...и потому от твоих искренних ответов зависит, как ты будешь жить какое-то время, а как будешь умирать.

Эти слова ударили поддых. То есть никто от меня и не скрывает, что вряд ли я выйду отсюда живым? Так ради чего тогда жалеть себя, идя им на уступки, рассказывая всё.

Он вжался в стену ещё сильнее.

А потом рванулся вперёд, на говоруна, который ожидал окончания экзекуции.

Расстояния, чтобы хвостом обвить его горло, хватило с лихвой, а затем телом рвануть назад, притягивая в свои объятия упирающегося и открывшего рот от удивления и нехватки воздуха человека. Уронить на пол и быстро-быстро когтями расплосовать его нежную кожу, перегрызть горло, чтобы он не успел ни словечка брякнуть, призывая неведомые силы.

— Э, то чо, на! А ну отпустил его!

Его подручные, Жозе с Эвбером, побросали кнуты и схватились за короткие дубинки, приближаясь.

А это отлично, что они никуда не побежали за помощью!

После того, как на арене и в клетке бился со зверьми, эти увальни казались очень медленными, будто специально поддаются мне, затягивая в какую-то ловушку.

Увернулся от одного размахнувшегося парня и со всей мочи впечатал кулак в нос другому, вколачивая хрящ в череп. И пока он упал на колени, росчерками когтей расплосовать лицо второму, а затем резануть по горлу, нанеся четыре резаные раны, вскрывая гортань. Шагах в десяти что-то брякнуло — кто-то за нами наблюдал и сейчас убегает! Ах вы, проклятые боги, чтоб вам там всем сдохнуть!

Быстро! На поясе у “авторитетного” отцепить связку с тремя ключами. Куда их? А, вот два замка. Выбрал первый попавшийся. Ну-ка... Нет. А вот если сюда? Подошло!

Отцепился я, правда, вместе с цепью. Чтобы не сильно гремела, обмотал вокруг предплечий, оставив свисать концы. Руки налились тяжестью.

Быстрее-быстрее! Пока далеко не убежал и не поднял всех на уши! А если поднял — то внезапность должна быть на моей стороне!

Запах страха, похожий на тот, что испускают крысы, витал в воздухе и подсказывал куда мне следует мчаться. И не успел я преодолеть короткую лестницу, выводящую на палубу, как увидел стоящего в растерянности толстячка а вокруг ни малейшего шевеления людей на раскаленной от солнца палубе.

— Ну и дурак, у тебя-то был шанс.

Удар утяжеленной цепями рукой разmozжил ему голову, и не давая телу осесть, подхватил его тело, борясь с сильным желанием вцепиться клыками в мясо, утащил его вниз, в закуток к телам трёх членов экипажа. Быстро вытащил у говорливого талисман, одел на шею. Нашёл и перстень, который не “включился”. Не помню, чтобы я “выключил его, а значит оно либо истощилось, либо сломалось. Выкидывать не буду, пригодиться.

Что делать? Куда теперь бежать?

Тут должно быть довольно много членов команды, а я один...

Прыгнуть за борт? — Долго без еды не протянет, особенно в море, где они, несомненно, находятся.

Убить всех? — А сил-то хватит? Это явно непростое дело.

А если пойти в одиночку на захват — то двинуться по трюму или выйти наверх и попытаться перебить всех, кто находится там?

Это сон, один сплошной кошмар, — понял я — с тех времён, как очнулся в ванной лаборатории крысоловдов в подземном городе.

Я засмеялся. Не важно что я буду делать, ведь это всего лишь сон!

Вялость коснулась моего сознания. Захотелось вытянуться тут же, лежать и не думать ни о чём, а потом проснуться в мягкой постели, наесться и жить обычной жизнью...

Боль в теле привела меня в чувство. Чёрный Голод! Если не поем, то есть шанс реально тут подохнуть. Но это мясо человеческое... Слизнул чужую кровь с морды. Неужели нет

другого варианта?!

Еда, нужна еда. Если что, то вернусь сюда, посмотрев на тела, решил я.

Да, едой ведь пахло. Не сырым мясом, не кровью, а простыми кухонными запахами. Выйдя из закутка и пройдя лестницу, откуда он стащил толстяка, двинулся далее, на усиливающиеся запахи.

В животе будто камней набили — стало даже тяжело двигаться. Пелена перед глазами стала гуще. Среди полутьмы увидел дверь в каморку, откуда тянуло чем-то варёным. Осторожно приоткрыв, увидел стоящего спиной потного здоровяка, который что-то помешивал в котле на небольшой печке.

— Кто там опять припёрся? Свали уже и запомни, что жратва будет тогда, когда буду бить в судовой колокол и не раньше, усёк!?

Не дожидаясь, пока он развернётся, со всего маху опустил рукоять тяжёлого ножа на его затылок и тем самым опрокидывая его на чан.

— Чёрт-чёрт! — начал я вытаскивать его бессознательное тело и вязать его же одеждой. И чего не убил, спрашивается? Но если он упадёт на печку, то там будет такая вонь, что все сбегутся.

А потом я начал жрать! Некоторое время я только и делал, что заглатывал вяленое мясо из близ стоящей бочки, помогая пропихивать его в горло каким-то пойлом из большой бутылки, не чувствуя вкуса и мне без разницы что это было — вино или масло. Последним куском оказалась большая рыбина, которой зачерпнул белый густой свиной жир, в два глотка отправив это в желудок.

Стало легче. И голова прояснилась.

Ладно. Продолжу значит идти по нижней палубе, она же — трюм. Увижу сильное сопротивление — сбегу. Твердо решив для себя, начал подыскивать себе оружие, что-нибудь тяжелее и длиннее боевого ножа, снятого с трупа. Дубинами тут точно орудовать не следует, в этих узких коридорах заставленных всяким барахлом. Уж лучше надеяться на когти и зубы. Но увидев что-то похожее на небольшой топор, лежащий в деревянной кадке, не смог удержаться — вещь! Лезвием можно было только рубить, но при желании — колоть рукоятью. Да, прикинул в руке, это будет не слишком удобно, но и рубящего удара этого отточенного лезвия всем должно хватить. Главное, чтобы тут завтра-воина не оказалось, усмехнулся я про себя.

В дверь постучали и не давая возможности что-то сделать (а что сделаешь — только узенькое отверстие, через которое можно разве что руку просунуть) кто-то попытался войти. Пробираться головой вперёд было для него не лучшим выбором, потому как рубящим ударом тут же раскроил его череп.

Тело вывалилось наружу и там кто-то заорал речитативом что-то паникующее.

Дверь на себя и плечом вбить одного матроса к стене, впиваясь лезвием ножа ему под ребро, тогда как второй успел выскочить через дверку, куда я ещё не ходил, получив лишь небольшой порез и продолжая орать.

А там были люди! Толпа людей! И все уставились на меня...

Но лишь некоторые из них были вооружены, а остальные сидели, будто бы у них тут собрание. Я уже хотел сбежать, как и собирался, но парочка вооруженных людей не дала мне этого сделать, атаковав меня. Идиоты с кнутами! Не обращая внимания на боль от их ударов, я несколькими быстрыми ударами расправился с ними, круша кости и вскрывая до внутренностей.

Появилось пару секунд, чтобы осмотреться.

Никакое у них не заседание — это были гребцы, сидящие с веслами в руках. Судя по вони, для них это был одновременно и работа, и дом, и туалет. И те мужики (а женщин тут заметно не было, а если и были — то уже не слишком отличались по внешнему виду от первых) не спешили бросаться на меня, они просто сидели и тупо пялились.

Но не все были такими — когда тут же из дверки напротив по узкому ходу посередине, между рядами этих гребцов, побежала подмога убитым мною людям, уже на этот раз вооруженные короткими мечами и круглыми щитами, некоторые стали высовывать им весла под ноги, цеплять их цепями, да и просто ставить подножки. В ответ их рубили без жалости, но эти бунтовщики всё равно не прекращали своё дело.

Не воспользоваться таким и не помочь внезапным союзникам я не смог, а потому зарычал пострашнее, как это делали некоторые твари на Ковчеге, и кинулся в бой.

Я рубил конечности, пинался, бил ножом в шею когда наваливался на щит, отбрасывал в распростертые объятия некоторых гребцов, которые их принимались душить и разрывать руками, а я продолжал лить кровь. Я рубил и крушил словно мясник, долго бывший в отпуске и соскучившийся по работе. Когда враги рядом кончились, то оказалось, что они забаррикадировались по ту сторону двери.

— Яйца Зигмара! — стонал кто-то из раненых людей.

Не найдя рядом ключей, да толком и не занимаясь поисками, я поднял с пола один из мечей и не жалея лезвие, стал рубить и отдиравать цепи как ломом у тех, кто испачканный в крови матросов стоял и протягивал ко мне скованные конечности.

— Никогда не видел, чтобы сечкой для капусты так дрались! — улыбаясь зубами, что росли в шахматном порядке, улыбался один.

— Я Орво: бандит, убийца и просто весёлый парень! Не трогай проблему, пока проблема не трогает тебя — это как раз про меня сказано. Ты не против нас взять в свою банду? — частил он, представляясь и указывая в сторону гребцов.

Я осмотрел его — жилистый, пониже меня, он стоял выпрямившись и смотря прямо, в отличии от остальных, смотрящих себе под ноги и которым было явно не по себе.

— А ты не боишься? — нарочито лязгнул зубами.

— Где страх, там и крах.

— Вооружайтесь! — махнул я рукой, держась наготове и стараясь не поворачиваться к ним спиной. Если люди хотят прикрыть меня своими телами от железа выжившей части команды, то зачем мне им мешать?

— Море потому велико, что и мелкими речками не гнушается... — обыскивая трупы матросов, приговаривал Орво, в поисках ключей на забывая откидывать в общую кучу всю остальную мелочёвку. Несколько его друзей принялись рвать рубахи убитых, перевязывая получивших ранения гребцов.

Не все поддержали бунтовщиков — часть продолжала сидеть, тупо смотря в одну сторону, кто-то постарался залезть под лавку, стуча там зубами от страха. Так и получилось, что нас оказалось пара десятков изможденных и кое-как вооруженных человек против оставшейся команды. Ещё кое-кто из моряков не успел убежать, но гребцы их не убили, а только слегка придушили. Вспомнив, что жив ещё и местный повар — “кок”, как обозвал его Орво, у нас оказалось трое пленных.

Орво болтал, перекрывая шум бегающих наверху людей.

— ...вообще гребцов предпочитают набирать из свободных, но как их притянешь на

тяжёлую работу, не слишком разнообразную кормёжку да редкую выпивку. Работа похвалу любит, да ведь и денежки нужны! Потому людям на берегу обещали часто одно, заманивали на борт, особенно крестьян и различных должников, и нетрезвых в портах... Кхм... Как меня... Специально подпоили, гниды, а по факту люди становились не матросами, а гребцами — рабами!

Я не дал ему долго говорить:

— Хватит уже, готовь своих людей. Мы и так задержались, а время — наш союзник.

Я больше не хотел ждать ни минуты.

Они там же сейчас оружие расхватывают, бронь одевают (если есть) прикидывают, откуда мы полезем и готовят нам встречу. А я пока против встреч с людьми (и со всякой нечистью), которые не хотят меня видеть.

— Пожалуйста, полминуты, прошу! — запричитал Орво, освобождая некоторых из гребцов, которые не очень-то по виду хотели, чтобы их освобождали. — Как говорится: думай не только о своей пользе, но и о чужом ущербе! Есть тут выкормыши падали, что мне кое-что задолжали, так может пустим их вперёд, пусть бегут на встречу с командой?

Я раздражённо махнул рукой, что Орво расценил как команду продолжать своё действие. Он пинками поднял нескольких мужчин и гоня их перед собой, мы пошли к лестнице, которую Орво с друзьями между собой называл трапом.

— Стойте, ублюдки гоблинов и собачьего помёта, сейчас у вас будет небольшое дело. Быстро-быстро перебирая ножками высовываетесь из люка и бежите во все стороны. Если нас там ждут, то вам немного не повезёт, а если не ждут — то вам же лучше. Как говорят в Канхейме — верьте в свою удачу и она вас отметит! Вперёд, шелудивые!

Надеявшиеся спастись жались, пока я не зарычал и тогда один, видимо решившись, резко ломанулся, пригнувшись и скрылся из вида. Воодушевлённые его успехом остальные побежали следом, а я подумал, что может нас и не ждали там и тогда самим надо было бежать. Но вот наверху раздались крики, зазвучали щелчки, крики, но мы уже выскочили из люка. Перепрыгивая через перекатывающихся по палубе раненых гребцов, врубился в редкий строй защитников корабля.

Размахивая во все стороны своим кухонным оружием, я резал, рубил, отсекал руки, получал уколы и порезы от толпившихся вокруг людей, пробиваясь дальше, туда где за спинами первой линии стояли арбалетчики, что подстрелили уже несколько “его” людей.

Гребцы, несмотря на всю свою ярость, после долгого пребывания в темноте были ослеплены ярким светом дня и не смогли одним рывком смять команду корабля. Но ведь на их стороне был я!

Удар сечки и противник прикрывся щитом, ответный взмах даже близко не доходит до меня — отмахивается так, лишь бы я не подходил. Да ведь они боятся! Значит надо сделать так, чтобы боялись ещё больше.

Зарывав, кинулся под щит, в ноги стоящего передо мною врага. Он потеряв равновесия, не упал, так как схватился за меня, но перебирая ногами следовал туда, куда я его толкал, тараня собой своих товарищей и расталкивая их в стороны. А за мной кинулся Орво со своими друзьями, нападая со спин, быстро рубя и молотя как придётся своих бывших угнетателей.

Оказавшись среди нескольких арбалетчиков, оттолкнул свой щит, ударив его ножом в живот напоследок и принялся резать уже стрелков. Интересно даже было посмотреть на одного бойца, что разрядив своё оружие, пытался быстро “козьей ногой” быстро взвести арбалет, пока я к нему не подобрался. Не успел, и его кровь полилась на грязные доски.

На этом организованное сопротивление прекратилось, так как кто-то уже вспорол живот капитану и он в агонии сучил ногами по палубе, пытаясь собрать слабеющими руками свои расплзающиеся кишки.

Напоследок размахнулся и направил вмазал кулаком в выпирающий живот плотного здоровяка, что пытался отвязать лодку. Когда тот со свистом выдохнул воздух, я нанес еще один удар своим кулаком, на этот раз в челюсть, отчего он зашатался, а подоспевшие гребцы растянули его по палубе.

Я стоял посреди изрубленных трупов и стонущих раненых и пытался сообразить, а что, собственно делать дальше? Свободу я отстоял — это, конечно, хорошо. Вот только я ни разу не моряк. И хорошо, что меня не тошнит и не блюю на настил. А уж как управляться со всей этой махиной... Я посмотрел на переплетение тросов... При этом мы куда-то плыли, парус раздувался от ветра, но куда именно было не узнать, так как тело капитана уже прекратило брыкаться и лицо стало молочно белым (особенно в обрамлении чёрной бороды).

Зато бывшим гребцам было хорошо. Они радовались своей свободе, не задаваясь глупыми вопросами и живя настоящим моментом и лишь со страхом поглядывая на меня, предпочитая обходить за два метра вокруг, будто бы опасаясь того, что я сейчас сам на них нападу. Но разлитого в воздухе напряжения не чувствовалось, возможно благодаря Орво, который почти сразу подошёл и протянул мне кое-что:

— Смотри, эээ... уважаемый, какая хорошая вещь. Настоящая колукзаровская сталь! Очень хороший трофей!

Я со скепсисом смотрел на горшок, который держал в руках бандит. Тёмный металл, соединённый между собой, на первый взгляд, заклёпками. Небольшой гребень по центру, два забрала — верхнее сетчатое, опускающееся на глаза и нижнее, вытянутое, защищающее челюсть.

Видя, что я не спешу брать, он зачистил:

— Отличная вещь! Как раз по тебя... под вас. Я понимаю, что есть традиции... да и без одежды биться наверняка удобнее... Но просто наши немного побаиваются. Может стоит немного накинуть одежды?

Я и сам уже немного неудобно себя чувствовал с зудящей кожей, которая без привычного меха не могла меня согреть на прохладном ветре. Один лишь изъеденный кислотой морской змеи пояс не мог меня защитить. Особенно после того как весь в поту и крови стоишь, не пытаешься никуда спрятаться.

Но и одеть только шлем и ходить с голым торсом, это было бы тем ещё зрелищем, которое говорила обо мне как о неразумной твари.

— Одежда. Пусть принесут.

Видя, как все кинулись раздевать трупы и снимать с них всё как для меня, так и для себя, сбрасывая свои лохмотья, я решил не отставать и пошёл обыскивать тело капитана. С собой у него ничего не оказалось (имеется в виду полезного для меня). А потом подумал и отцепил украшенный бронзовыми бляхами его пояс, подобрал из трофеев нож в простых ножнах, соорудил петлю на поясе, куда засунул сечку.

Обратил внимание на то, что вся сыпь прошла — кислота всё подъела, вместе с верхними слоями кожи и меха. Ну и здорово, а то она начинала уже чесаться и вообще мешать.

Пока всё это делал, мне натаскали груды одежды, частью которой я вытерся от грязи и крови.

Пока нет меха, решил одеться потеплее (Погода менялась очень быстро — лишь солнце скрывалось за тучкой — ветер выстужал всё. Тучка ушла — и вновь жара.) — широкие моряцкие шерстяные штаны, белую рубаху из парусины, черную тонкую шерстяную

шапочку, широкий плащ с рукавами и глубоким капюшоном, который корабельные аборигены носили в шторм. Но капюшон значительно затруднял обзор, а потому всё же натянул шлем. Не такой уж тяжёлый, а если открыть верхнее забрало, то и в чём-то удобный. Только слышимость упала.

Смотря на кладающие по доскам когти, кто-то притащил сапоги-бродни из кожи какой-то морской твари.

Подали моряцкую дудку, как символ капитанской власти. Слегка дунул в неё и в ушах зазвенело. Повесил рядом с талисманов в виде щита, пригодится. Новые моряки собрались неподалёку, стоя двух открытых жаровен, вооружённые подобранными арбалетами, топорами, баграми, саблями.

— Меня зовут Хейм. Хейм из Риека и я вполне разумный, но вот тело у меня такое... Необычное для вашего взгляда. Надеюсь ни у кого не возникнет вопросов относительно этого далее. Если кому-то кажется, что я похож на тварь Хаоса или на зверолода, то может выйти... Или можете всё сейчас напасть на меня и убить. Если сможете. Но мне бы этого очень не хотелось, так как мы где-то в море и из-за этого у нас есть проблемы.

Никто не вышел вперёд из стоящих полукругом бывших гребцов.

— Орво, вы свободны. Мне плевать, кто вы и откуда, чем вы занимались раньше и чем собираетесь заниматься. Но мы сейчас на корабле и нам нужно определиться с тем, кто может взять на себя управление кораблем. Орво, ты умеешь управлять кораблем?

— Да я и в луже могу утонуть! Нет, Хейме, как у нас говорят — идя на войну молись, а выходя в море — молись вдвойне! Друзья-бандиты, кто раньше командовал эдаким сараем на воде?

Все отрицательно замахали головами. Один из них, светловолосы тощий воин начал говорить, коверкая язык:

— Меня зовут Курт. Я раньше был матросом на “Беспокойной каракатице”. И вот что я хочу сказать. Сейчас есть ветер и нас куда-то несёт. Вот только нас сейчас несёт в открытый океан. Бушующий океан не зря так назван, и наш “Дар Марцхелина” не мог бы и при полном экипаже там долго продержаться. А сейчас нам будет (какое-то слово на незнакомом языке, но с интуитивно понятным значением).

Насколько я мог судить, корабль был стар, но обшивка и надстройки были новыми, также, как и светлые паруса, хлопающие над головой. Вдоль всего корабля, через равные интервалы, в деревянных ящиках были расставлены багры, копья, абордажные сабли, а на носу и корме стояли, прикреплённые на вертлюги мелкие орудия.

— Нам следует развернуть корабль и пытаться сразу же пристать к берегу, чего бы нам это не стоило. — продолжал этот Курт.

— У нас весь груз в нашем распоряжении! Мы можем разбогатеть, если доберёмся до какого-нибудь порта!

— А документы у тебя есть, а? А документы на груз? Нас там и вздёрнут же!

— Надо до пиратов податься! Продадим им, пусть и дешевле!

— Да они увидят сколько нас, заграбастают и судно и груз, а тебя притопят или определят в свою команду, и хорошо, если на то же место, из которого мы только выбрались!

— Мы можем спрятаться на берегу, прикопать груз...

— А что мы, собственно, везём?

Спор затух так же быстро, как и возник. Никто даже не вспомнил о тех, кто продолжал сидеть на вёслах. Не хотели бороться за свою свободу — значит сделали свой выбор, значит

всё устраивает.

— А для начала нам бы защитить себя... — кто-то из освобождённых, показывая рукой куда-то в море.

А там опять что-то происходило, только уже в виде ещё одного корабля, который пользуясь тем, что мы “отвлекли” экипаж и были немного заняты, быстро приближался. Немного более высокий, двухмачтовый, с двумя большими прямыми парусами и одним косым, он быстро шёл наперерез. Чёрные (и уже было видно невооружённым взглядом — облезлые) обводы корпуса, грязно-белые оборванные паруса, чёрный флаг внушали подсознательное опасение. Причём эта уверенность, будто бы он готов на всё. Явно не поздороваться спешит.

Чёрт, я ведь даже первый корабль не успел осмотреть! Откуда взять команду на второй?

— Освободить всех! Сражаться всем! Ты, — я схватил за плечо наблюдавшего за приближающимся кораблём моряка — бегом вниз и всех освободить и привести сюда! И ещё захвати повара местного, если он жив. Бегом!

Убежал, подскальзываясь на окровавленной палубе.

Бывшие гребцы суетились, не зная за что взяться и куда бежать. Поймал того, что назвался бывшим матросом.

— Курт! Умеешь обращаться с ними? — ткнул я в повисшие на вертлюгах орудия.

Он неуверенно кивнул.

— Бери людей и заряжай! По моей команде пальнёшь!

Пусть будет занят делом, а потом — а вдруг действительно зарядит и выстрелит? Я вот не знал, надо ли их сейчас прочищать и может быть они вообще сейчас уже заряжены. Может прежняя команда по нам собиралась выстрелить. Хотя, каким образом? Они так установлены, что с них можно стрелять только с борта в сторону моря. Чтобы выстрелить по палубе, надо построить какую-то выносную площадку за бортом. Хмм... В общем — даже в каком порядке что туда пихать и насколько плотно забивать — то было мне неизвестно.

А приближающийся корабль был уже настолько близко, что можно было невооружённым взглядом рассмотреть стоящих ровненько и не шелохнувшись ряды простых людей, занимавших всё свободное место. Именно простых, не бойцов. Непокрытые головы, какая-то тонкая одежда. Ни у кого не видно никакого оружия... Они смотрелись очень странно, причём странности добавляло то, что практически никто не смотрел в нашу сторону. Лишь стоящий на юте человек в тёмном одеянии и широкополой шляпе наблюдал за нами. Мне даже показалось, что мы успели встретиться глазами.

— Хоть бы пронесло... Хоть бы пронесло... Великие Боги, защитите нас... — молился седовласый старик рядом.

— К чему молитвы, старик? Чему быть — того не миновать! Бери в руки оружие и постарайся подороже продать свою жизнь! — это Орво пытается таким образом всех поддержать.

А вражеский (если нет — то зачем так спешит на встречу?) был уже совсем рядом, резко разворачиваясь, отчего корпус корабля заскрипел/застонал. Он начал заваливаться на борт и вся масса людей на его палубе начали съезжать по боту в нашу сторону, в одну кучу, абсолютно безмолвно и не пытаясь даже держаться друг за друга.

— Зомби!!! Это зомби!!! — закричали на борту.

Зомби? Кто такие? Я ещё вроде не встречал таких.

Пока они находились в куче, кто бы это ни был, лучшего момента для выстрела было не

придумать.

— Курт! Готов? Стреляй!!!

Три пушечки, повернуты на этот борт несерьёзно бухнули, вспухли облачка дыма и два небольших ядра, менее человеческого кулака размером и россыпь пуль полетела в толпу зомби. Одно ядро впилося в фальшборт, не пробив его. Второе — в лохмотья разнесло плечо одному и пару грудных клеток стоящим за ним, но по виду им было ни холодно, ни жарко от подобного. Лишь россыпь пуль разбила несколько ряд голов и пробила ряд тел, застряв в толпе.

Гребаная нежить!

Поднявшиеся из глубин корабля люди с ужасом взирали на приближающийся корабль.

— Не стойте, сучье племя! Хватайте оружие и сражайтесь за свои жизни или пополните команду того корабля! И посмертия вам не видать! — надрывался Орво. — На всех у нас одна смерть!! Дадим мертвым покой!!!

— Бей их! — заорал Орво, и воздух задрожал от боевых кличей людей, которым отступить было некуда и которые таким образом накачивали себя перед дракой, когда черная волна неживых хлынула через высокий борт судна. Они карабкались по крутому борту своего корабля, переваливались через поручень, и, оскальзываясь и спотыкаясь на телах павших ранее членах команды бросались на жидкий строй бойцов.

Зомби с собой принесли сильный запах гниения.

Да как их командир это выдерживает? Наверняка сбрендившая сволочь! Если это тоже не покойник...

Я не собирался отставать от людей, пытающихся остановить своих мёртвых собратьев по виду, практически ничем не вооружённых, но которым нечувствительность к боли и воля того, кто их вёл — была лучшим оружием. Взяв в правую руку сечку, так хорошо показавшую себя против людей, а в левую — тяжёлый длинный нож с трупа Знающего, я накинулся на зомби.

Одному я перерубил горло, другому двумя ударами отрубил руки, но им это было хоть бы хны. Сечкой прорубил ключицу и лезвие ударило в дерево. У них там что — дерево под сгнившей плотью? Я ударил его осрием ножа в лицо, убив. Труп упал на живот, и стало понятно откуда дерево — его сгнившие части уже плохо держались сухожилиями и их просто связали между собой палками, примотав веревками.

— Руби им головы! Головы руби! — кричал незнакомый боец. А я тут же оказался лицом к лицу с огромным шаркающим зомби. Вид червей, копошащихся в гниющих глазах, и стонущие-хрипящие звуки, раздававшиеся из груди неупокоенного, в сочетании с его вонью заставили меня почувствовать себя больным.

Я едва успел поднять сечку, чтобы парировать довольно быстрый удар этой твари. Меня тошнило. Через силу я заставил себя двигаться, чтобы не дать этой гадине своей вонью поразить людей. Если уж мне плохо, то каково им будет? Сечка раз за разом глубоко погрузилась в холодную плоть, с третьего удара начисто срубив склизкую руку твари. Капли гноя, что когда-то давно, возможно, был кровью, плеснули в лицо. Потребовалась вся воля, чтобы сосредоточиться на окружающих врагах, а не остановиться, не отбежать подальше что-нибудь сделать с этой вонючей гадостью.

Удар в затылок и я полетел вперёд, сбив кого-то с ног. Подобрались сзади, падлы!

Какой-то мертвяк, двигаясь более живо, чем его собратья, приблизился к группе держащих зомби баграми на расстоянии, круша им гнилые черепа и отталкивая от себя

дальше. Он приблизился и после тычка багром, желающим его отодвинуть, плоть живого мертвеца взорвалась, подобно гнилому плоду, окатив людей зловонной кровью, отчего они начали кричать и пытаться стереть её с себя. Их кожа и мышцы будто горели, чернея и сползая с обнажающихся костей, до тех пор, пока на их месте не оказалось три скелета. Клац-клац, щелкнули их челюсти и они атаковали своих бывших товарищей с тыла.

Людей теснили и с этим надо было что-то делать.

Выйдя из боя, я увидел стоящие жаровни и не придумал ничего лучше, как брать бухты канатов, рубить их на куски, как и связку парусины, поджигать и закидывать на борт вражеского корабля, откуда ещё продолжали выползать твари. Пламя там начало быстро разгораться.

Кто-то пытался ковылять ко мне, но я быстро крушил их трухлявые кости, продолжая заниматься своим делом.

Вражеский вожак забеспокоился, в разных местах, вместо разгорающегося пламени повалил дым.

Да была не была!

Вскарабкавшись по мачте, я хватаясь за свисающие снасти перепрыгнул на вражеский борт, а оттуда на палубу, внезапно для всех оказавшись нос к

— Сваливаем! — кричали и прыгали с палубы люди, но часть, сжав зубы, продолжала противостоять тварям.

Вскарабкавшись по мачте, я, хватаясь за свисающие снасти, перепрыгнул на вражеский борт, а оттуда на палубу, внезапно для всех оказавшись нос к носу с краснощеким молодым человеком в чёрной шляпе и какой-то книжкой в руке.

И где же его оружие? Или книга — и есть оружие?

Парень попытался отшатнуться, раскрывая книгу и наставляя обложку на меня, будто бы пытаясь защититься, будто бы это его самый надёжный щит.

— *Телхасууна ши...*

Что там дальше должно было прозвучать, осталось для меня неизвестным (и думаю что и слава богам, что не услышал).

Быстро попытался оттолкнуть книгу (будто из раскалённого железа сделана) и схватил правой за его за горло, не давая произнести ни звука, кроме какого-то мычания и сдавил. Сильно, до хруста. Владыка мёртвых, капитан неупокоенной команды, жестокий убийца пускал соплю, раскрыл в беззвучном крике рот. Под его ногами начала расплываться вонючая лужа. Розовые щеки стали красными, а губы почернели. Выронив книгу, он пытался оторвать мою руку от своей шеи. Напрасно, хотя мои пальцы и скользили по жирной шее. Хрипя и брыкаясь, он уходил на тот свет. Медленно. Пытаясь ему в этом помочь, левой рукой с ножом начал наносить удары ему в корпус, раз за разом помогая его душе (если она у него ещё была) через многочисленные отверстия выйти из тела.

Глаза закатились. Из раскрытого рта торчал посиневший язык, а на почерневших губах появилась пена, глаза помутнели и закатились под веки.

— Сдох, собака. — удовлетворённо произнёс я.

Осталось добить трупы и можно собирать очередные трофеи. Когда я выпрямился посмотреть, что происходит на нашем корабле, то увидел странные вещи. Тела мертвецов, будто став сразу слепыми замерли, мелко подрагивая. А затем начали оседать, заваливаться на доски. Будто бы из марионеток вытянули нити. Они падали вонючими, мерзкими грудками плоти с торчащими из общей массы костями, которые у некоторых вообще стали рассыпаться трухой. Без своего руководителя они возвращались в то состояние, в котором должны были пребывать изначально.

Вырисовывалась другая проблема — огонь. Тот пожар, который я разводил, чтобы остановить мертвецов, уверенно расползлся, уже никем и ничем не останавливаемый. Огонь пожирал сухую древесину и снасти. Перед огнём шкворчала и пузырилась пожираемая огнём гнилая плоть, ошмётки которой были утеряны мертвецами, а масса опарышей, извиваясь пыталась спастись, забиваясь в щелочки меж разошедшихся досок и ища своих хозяев. Щёлканье от взрывов их перегретых тел не прекращалось.

Обратно я уже по верху пройти не мог на свой корабль, а только перебраться через борт, как и мертвецы-абордажники.

У нас там еще были люди, я узнал Орво и начал кричать, привлекая внимание:

— Отталкивайте корабль, пока мы не поджарились! Вы что, оглохли? Быстрее, идиоты! Или будем вплавь добираться до берега!

Пока они там ошалело носились, я высматривая безопасную дорожку уже хотел перепрыгнуть борт, как обратил внимание на странную вещь.

Струйки ярко-красной крови сочились из бледного тела некроманта, в то время как его плоть усыхала. Она образовала идеально ровную лужицу вокруг его тела, и как только это произошло, кровь быстро вскипела в невидимом огне и испарилась в тонком красном паре. Это облако быстро расползлось, покрывая сморщенную плоть.

Сначала вся одежда и остатки сухого мяса испарились с костей, сделав получившийся скелет скелет ослепительно-белым. Я начал замечать, как меняются челюсти черепа где начали расти огромные зубы.

Не дожидаясь конца этого перерождения, я вернулся и начал рубить сечкой формируемые кости, отпिनывая их в огонь, где они занимались жарким и ярким огнём. Но отростал он быстрее, чем я отрубал конечности.

Слои мышц и сухожилий сгустились из тумана и обернулись вокруг костей. Кроваво-красные листы доспеха начали формироваться, а прямо на них вены прорывали себе путь. Вместо глазных яблок в глазных впадинах начало появляться что-то тёмное.

Немного паникую и не зная, что за монстр сейчас окончательно оживёт, я бросил оружие на тлеющие доски схватив за плотное и к тому же удивительно мягкое тело, сочащееся кровью, я толкнул его за собой в огонь. В самое пекло.

Кожа на плаще и сапогах начала морщиться, а я вдыхал раскалённый воздух, что грозил выжечь всю носоглотку. На последнем усилии толкнул тело в самый центр огня, я побежал прочь, успев подхватить почерневшие рукояти ножа и сечки.

А затем, закричав от пронзительной боли, когда несколько головешек угодили на открытую кожу, я прыгнул в воду между расходящимися суднами. Вынырнув, вцепился когтями в борт галеры, кроша дерево и начал подтягиваться, забираясь выше, пока не перебрался через борт. И сразу оглянулся посмотреть, что происходит на охваченном огнём вражеском корабле.

Там, яркой огненной точкой металась фигура перерождённого некроманта, который в своём посмертии попал в непростую ситуацию. Расстояние между кораблями уже было такое, что с борта на борт можно было только перелететь. Тоскливый хрипящий вой раздался с той стороны, а затем столб пламени вырвался вверх от фигуры, поднявшись выше мачты! Огненным фонтаном пламя было в небо и падало, огненными каплями засыпая всё вокруг. В том числе и галеру. А корабль мертвецов, разваливаясь и шипя, начал погружаться в воду, будто лишенный последних сил.

— Тушите огонь! — сипло орал Орво, Курт, да и все остальные. Я присоединился к этому “празднику жизни”. Но как только мы тушили один очаг, пламя разгоралась где-то ещё. И нас было слишком мало. Кто-то прыгнул за борт, не веря в спасение от мертвецов и предпочитая мизерный шанс на спасение в море, но большинство погибли. И сейчас немногие, хромая и истекая кровью ковыляли, перемазанные в растёкшемся по настилу гное распавшихся трупов, сами мало чем отличаясь от тех, с кем они сражались только что.

Вспыхнувшие паруса роняли искры и горящие куски верёвок, способствующие распространению пожара. Тушение пожара оказывалось каким-то бесполезным трудом.

Чёрный от копоти, осунувшийся Орво в обгоревшей рубахе схватил обожжёнными руками меня за край плаща.

— Нам надо уходить с корабля! Иначе поджаримся!

— А есть куда? Вокруг море!!!

— Шлюпка! — сипел он. — Привязана и ещё целая! Если поторопимся — уйдём!

— Припасы! — голод уже давал о себе знать. — Без них мы будем жрать друг дружку!

— Я предупрежу людей! Постараемся набрать чего сможем!

Пока он пытался перевязать лодку ближе к тому выходу, где был люк к обиталищу повара, я побежал туда, куда давно хотел, да всё недосуг — каюта капитана. Дверь была открыта и судя по перевёрнутым вещам, тут уже кто-то прошёлся в поисках интересных вещей и, возможно, денег. Но меня интересовало ещё кое-что.

В небольшой комнате, в которой стояла откидывающаяся кровать, письменный стол и пара шкафов с вываленным из него барахлом, было чем поживиться.

Сорвав с кровати тонкое одеяло, я махом руки скинул в него всё со стола, а затем вывернул всё из пары выдвижных ящиков. Безжалостно комкая оказавшиеся в куче бумаги, я свернул импровизированный узелок и бросился к обиталищу повара. Кока, как сказал Орво. Там уже были люди, вытаскивая разные кульки и бочонки под руководством ошпаренного здоровяка, который даже не посмотрел в мою сторону. Это хорошо, а то вдруг ещё обиделся...

Мужчины подбегали к борту, кидали вещи уже сидящему в шлюпку, раскачивающуюся волнах и кто возвращался ещё сделать ходку, прикрываясь от жара расползающегося пламени, а кто прыгал/сползал вниз. Последними подали длинные багры, кинули охапку оружия.

— Ты чего тут забыл? Ты свалил от мертвяков, спасая свою задницу, не тушил пожар. Так теперь хочешь ещё сюда попасть, спастись с нами, паскуда ты предательская?!

Задыхающийся человек пытался подняться из воды, цепляясь за борт шлюпки, а люди его отпихивали.

— Плыви, спасайся, тварь! Нам такие товарищи не нужны!

— Братцы, ну вы чего? Да меня просто толкнули! Братцы, да как же я... Спасите, ведь сдохну же!

— И дохни. Вечно ты ныл, переваливая на всех свои проблемы и желая чтобы за тебя всё делали, а ты бы приходил на всё готовенькое. Так теперь сам, своими руками делай что-то, никто тебе мешать не будет. Давай, гребь отсюда, пока веслом не от... (шум падающего в воду тела)...ли!

Я сидел, переводя дух, подставив лицо холодному ветру и мелким брызгам, смотря на всё со стороны. Я бы взял, пожалуй, этого несчастного, но уж больно все были единодушны. Да и, окинул я взглядом людей, количество мест, тюки и бочонки валяющиеся под ногами...

— Эй ты, доходяга! Видишь, ещё такие же плывут сюда? Если вы соорудите плот из обломков двух кораблей, то у вас будет шанс, что кто-то вас подберёт или вас приберёт к берегу.

Если останется от вас что-то — додумал про себя фразу я, увидев скользящие меж небольших пока волн скользящие спины подводных хищников.

Гребцы, рассевшись на скамейках, гребли подальше от пылающей галеры, чтобы ветер не забросил угольки нам.

Мачта галеры с грохотом рухнула, проламывая доски и взметая в воздух целое море искр и угольков. Впрочем, само судно затем продержалось не долго. Объятое пламенем, оно скоро оказалось утянуто под воду, оставив на поверхности воды множество вещей.

Вокруг плавали трупы людей, гнилые кости мертвецов, обугленные доски, балки, бочонки, обгорелые паруса, верёвки, моряцкие сундучки с личными вещами, шерстяные

одеяла и куртки, рассыпи раскисших сухарей, обрывки тканей и ещё уйма вещей, которые мы то и дело вытаскивали, нуждаясь во всём.

Многие из этих вещей плыли за нами ещё много миль, пока не потонули, или пока ветер и волны не разнесли всё в разные стороны.

Снял шлем, мокрую от пота шапочку, вытерев влажную морду.

Кок во все глаза на покрытом волдырями лице уставился на меня.

— Это... Это же... Это же... — челюсть его ходила ходуном.

— Эээ, кок, не начинай. Если бы не он, мы бы не выбрались с корабля.

— Если бы не он, мы бы не оказались в такой заднице, как сейчас! Команда бы отбилась от некроманта и мы бы спокойно плыли себе дальше! — вставил один из гребцов, сутулый, злобно уставившись на меня.

— Что ты сказал, утырок? Ты, баран, даже не понимаешь, что если бы что пошло у капитана не так, то мы бы сейчас все прикованные к веслам шли на корм глубинным тварям! И если ты хоть раз посмотришь на... На Хейма так... Если попытаешься что-то сделать, то я лично разберусь с тобой! — закончил он угрозой. Сутулый отвёл глаза. Видно слово Орво тут обладало значительным весом.

Я молчал, не желая сыпать угрозами. Вздумают устроить бунт и выкинуть меня — тогда и будем посмотреть.

Молодой бандит повернулся ко мне.

— Это... Кок нормальный! Вы это... помиритесь, что ли. Как говорится — не ссорься с боцманом и коком. Боцмана у нас нет, а кок есть...

В лодку нас набилось девятеро. В принципе, мы могли взять ещё кого-нибудь, но куча вытащенной провизии, пресной воды и личных вещей занимала много места. И, как я понял, из тех гребцов, что присоединились ко мне, напав на команду корабля и затем бился с мертвецами, не выжил никто. А к остальным они относились с презрением, и не собирались их спасти, если они сами дважды не помогли им.

Из куска паруса из двух весёл соорудили парус и затем люди долго спорили, куда поворачивать нос лодки, так как каждый настаивал на своём варианте где находится суша.

Набравшие силу ветра начали приносить с собой первые капли дождя. Море тоже внезапно посуровело. Но нас быстро несло в морскую даль и каждый молился своим богам, вслух и про себя, чтобы нас несло в сторону суши.

Нас начало накрывать волнами. Я остро ощутил, что ветер стал очень холодным, и во всю уже льёт дождь. И как оказалось здорово, что плащ меня прикрывал.

Знаний Курта и других хватило на то, чтобы убрать парус и развернуть шлюпку носом к волнам. Все постарались укрыться под натянутым парусом, постаравшись убрать все щели, чтобы вода не проникала внутрь. Сидя под парусиной, слушая как вода молотит по обработанной ткани, все, и я в том числе, чувствовали себя очень незащищенными и одинокими на просторах огромного моря..

Под парусиной начал накапливаться спёртый воздух и пахло отвратительной смесью: пива (и когда только успели залиться), блевотины, гнилого мяса и гноя.

Порой шлюпку сильно трясло, болтанка многократно усилилась, а потом вроде как успокаивалась. Отданные на волю волн, мы путешествовали с закрытыми глазами. Час проходил за часом. Чтобы согреться и поддерживать силы мы питались в сухомятку тем, что спасли, и как итог — надо было выбираться наружу, чтобы не плодить отходы жизнедеятельности. Так чуть не потеряли одного гребца, которого чуть не смыло волной. В

таких случаях я выглядывал наружу и... Век бы не видеть таких красот.

Даже сквозь грохот шторма мы слышали, как трещал корпус нашей посуды, не предназначенной для таких путешествий, и видел, как просачивается внутрь вода. Сколько мы ещё он сможем выдержать, прежде чем стихия разорвёт нас пополам?

— Слава Мананну, ибо он — бриз, что спасает нас от полного штиля,

Слава Мананну, ибо он — волна, что несёт нас домой,

Слава Мананну, ибо он — пища, что нас кормит,

Слава Мананну, ибо он — гнев, что топит нас...

Слова молитвы людей вызывали во мне гнев. Что за самоубийственная молитва? Ладно бы они просили их спасти, но тут-то что за покорность? Но я смолчал, уж больно единодушно они твердили эти слова.

Нас болтало по морю два дня. Два долгих дня никто толком не спал. Всех растрясло. Позеленевшие, ослабевшие от бесконечной карусели волн, мы не сразу поняли, что ветер и волны пошли на убыль. Рассвет занимался тусклый, безрадостный, но утихший дождь позволил осмотреться.

— Суша! Сушаа! Сушаааа! — заорал один и все уставились на тонкую темную полосу на горизонте. Улыбки появились на измученных лицах и сразу бросились к вёслам и сложенному парусу, устанавливая ненадёжную конструкцию. Я со всеми работал на веслах, стирая ладони, поднаравливаясь под темп других гребцов.

Мы чуть-чуть не добрались до самой суши, когда шлюпка всё же не выдержала и не затонула, практически развалившись надвое. До берега пришлось добираться вплавь, слава местным богам, что он был совсем недалеко.

Вокруг царила тишина; лишь волны с легким шорохом перекатывали мокрую гальку. Из недалеко растущего леса доносились цвыркание птиц и прочие лесные звуки.

Отфыркиваясь, дрожа от холодной воды, снял одежду и разложил её на берегу, сунув под камень оружие. Растолкал людей, валяющихся на берегу и рыча, заставил вернуться в воду, ловить уплывающее по волнам добро и нырять, доставая то, что можно было поднять.

Отличился Курт. Не заметил, как он закинул в лодку орудие, но сейчас он смог обвязать ствол на дне веревками и совместными усилиями выдернули мелкий ствол с лодки, протаскив его по дну. На кой чёрт оно нам сдалось без зарядов и пороха это отдельный вопрос, но все были бронзовому стволу рады, будто он их сможет защитить от всех опасностей.

— Это же пушка! Да многим просто взгляда на неё достаточно, чтобы не связываться с нами. — защищал её Орво, пока я раскладывал мокрые листы из узла сушится, придавливая камнями.

Остальные отдыхали, разложив свои вещи. Ослепленные непривычно ярким солнечным светом, бывшие невольники оглядывались по сторонам, разглядывая округу. Солнце сияло, обливая горячими лучами тела, успевшие промёрзнуть во время бушующего шторма. Бывшие пленники с наслаждением пили свежий морской бриз, зная, что, возможно, им уже никогда более не придется наполнить легкие чистым соленым воздухом. Я вот так точно зарёкся подходить к морю.

Людей и жилищ в округе не наблюдалось, хотя следы пребывания людей в округе были довольно многочисленные: куски досок, полусгнившие остовы нескольких перевернутых лодок, торчащие тут и там среди гальки кости и обрывки кожаной амуниции, которую таскали мелкие крабы.

Ветер изредка поднимал волны, которые накатывали на берег.

Люди разбрелись по пляжу после холодного купания, собирая по берегу сухие обломки, высохшую кору, кустики ломкой травы, стаскивая всё это в кучу для костра. Люди в основном попались тёртые, битые судьбой и потому никто не заходил за границу леса, не желая рисковать на незнакомом берегу. Покопавшись в припасах, нашли чем развести огонь и после сидели у большого костра, плавя задубевший сыр и размазывая по отпаренным в воде сухарям, с ломтём пожелтевшего солёного сала, а кок раздавал всем по порции вина из единственного уцелевшего бочонка с этим напитком. Я снял шлем, закатал за уши шапочку и сидел у костра с людьми, которые почти уже не пялились на меня. Блаженное тепло расходилось по телу и страшно хотелось спать.

— Надо установить очередность дежурства.

Все согласно кивнули. Я не собирался вмешиваться в то, что он командует. Пускай. Они друг друга знают долгое время, а я всё равно останусь чужаком.

При этом не ожидал никакого предательства от них. А смысл? По крайней мере до момента, пока они не выйдут к людям или кому-нибудь другим. Вот там в зависимости от ситуации может произойти всё что угодно. Когда я пошёл спать, сделав себе ложе у травы специально подальше, то слышал, как они свистящим шёпотом обсуждали свою и мою судьбу. При этом не один и не два человека наставляли на том, что я полезен и трогать меня не стоит. Нападать на них я тоже первым не собирался. Выжить одному в незнакомом месте, как я понял по своему опыту, гораздо тяжелее, чем в стае, группе. Пусть даже в группе людей, не считающей меня до конца своим.

Подошёл Орво:

— Хейме, ты далеко не отходи от костра, а то мало ли какие твари тут по ночам бродят.

— Я не Хейме, я Хейм. Просто Хейм из Риека.

В свете костра было видно, что он непривычно серьёзен.

— Что случилось?

— Да ничего в общем-то... Только мы не совсем понимаем где мы. Как ты понимаешь, пока мы сидели на вёслах, то с нами как-то не больно стремились поделиться новостями и мы лишь догадывались куда мы держим курс. Мы были в Троди, а потом пару дней... Что ты так смотришь? Троди, город-порт, это же земли племён, а Риек оттуда же...

— Ааа, ну да, тот Троди...

— Так вот, потом двигались на юг, но куда мы ещё заходили не поняли, потом были пару небольших штормов и наконец мы подобрали тебя. Какое-то время были без управления, потом мы спасались пару дней, — перечислял он наши приключения. — и в итоге мы, понимаешь, оказались не совсем понятно где.

— Я захватил бумаги капитана, можно прочитать завтра утром, может поймём. Там вроде бы и карта есть.

— Это здорово, здорово! Мы вот думаем, что нас снесло к югу, и мы где-то на побережье Утопцев. Это судя по погоде, — ответил он на мой немой вопрос. — и мы думаем, что углубляться в глубь территорий не следует, мы ничего не знаем о жизни там. А нужно идти по берегу — а тут выбора всего два.

Решив, что утром посмотрим бумаги и установив очередность дежурств, все пошли

лямок и приходилось многое тащить как придётся, отчего мышцы болели непередаваемо. После такого перехода да вечернего ужина запечёнными змеиными яйцами, которые нашли по пути, и тем, что тащили сами, спать хотелось ужасно.

Он уже начал клевать носом, когда запах... Какой-то странный запах начал появляться и усиливаться вокруг. Он появился с лёгким туманом, что поднимался вверх, закручиваясь и корчась, будто был живым. Пока я смотрел, он соединился в несколько форм размером с человека. Тонких, тощих, прозрачных людей в плащах, развевающимися кольцами дыма.

— Подъём! К оружию! — закричал я, стряхивая дремотное оцепенение и выхватывая оружие. — У нас гости!

Все спали не раздеваясь и положив рядом оружие, а потому вскочили все быстро. Фигуры медленно приближались. Тихий, тоскливый вой приближался вместе с ними. Душа завибрировала, захотелось убежать, спрятаться.

— Это же призраки, будь я пр... - захлебнулся ругательством сутулый.

— Чтоб я в жабу превратился, — пробормотал Орво. — Огонь! Дайте огня!

Мы начали выхватывать из костра головешки и разбрасывать вокруг. Но это были неправильные призраки, или они находились на своей земле, а потому они спокойно отреагировали на этот наш шаг. А когда молодой поджёг разлапистую ветку и ткнул ею в одну из фигур, то та просто махнула лапой и парень выронив ветку, схватился за грудь, на первый взгляд неповрежденную и застыл с искажённым от боли лицом, осев на колени.

— Как мы вообще должны сражаться с этими проклятыми душами?

— Бежим? — с надеждой прошептал сутулый, отступая. Призрак, будто услышав его, быстро переместился за наши спины. Их медлительность — просто игра, понял я. Им нравится наш страх, ужас, исходящий от некоторых.

Призрак быстро метнулся к Орво и тот попытался своей саблей его полосовать, но железо проходило через проклятого свободно. Ответный удар поверг Орво на землю, но он был покрепче и душа зависла над ним, будто вытягивая что-то. Подскочив, ударил своим оружием по ней, а когда увидел, что это бесполезно, бросил и в отчаянии ударил когтями. И это помогло! Небольшие разрывы в белеющей “теле” засияли лёгким зеленоватым оттенком, а дух отпрянул. Но другие призраки не стояли на месте и зависли над другими лежащими и я метался, пытаюсь отбить своих товарищей, отгоняя бесплотных.

Кто хотел убежать, были тут же атакованы духами, которых мои удары не убивали, а только немного ослабляли. Успев присмотреться к ним, я видел на месте лиц ухмыляющиеся гротескные маски. Патовая ситуация не в нашу пользу. Люди теряли жизненную энергию и с трудом приходили в себя, я мог устать, а призраки, судя по всему, были ещё довольно сильны.

Кто-то уже впал в отчаяние, закрыв руками лицо упав ничком, а кто-то, как сутулый, как будто сошёл с ума. Выхватив из-за пазухи кошель, он заорал:

— Это ты, я знаю! Я давно тебя ждал! Пришёл за своей долей? На... На... Получай! — он развязывал трясущимися руками кошелёк, а потом высыпал всё это в приближающуюся к нему душу. Та завывала, но не тоскливо, как раньше, а как от боли! Те места, куда попали монеты, зияли большими рваными дырами в её “теле”.

— Сука, серебро! Серебро! У кого есть?! Доставайте всё, всё что есть!!! — заорал Орво. Люди кинулись к своим баулам, а я к тому месту, куда упали монеты сутулого, копаясь в темноте в сырой земле. Что-то сверкнуло и схватив вместе с землёй несколько монет в кулак, я ударил им по выпивающему жизнь из очередного моряка призраку. Чувство, будто

ударил в плетёный щит и затылок твари разлетается на куски.

— Делай как я! Зажимаете монеты в кулаке и вот так — хоба! — свернул я ударом нос призраку, вторым раздробил пару ребёр, а третьим раздробил челюсть. С каждым ударом плотность и объёмы призрака уменьшались. Оставшиеся на ногах последовали моему примеру и вскоре битва оказалась прекращена. Некоторые духи распадались, а часть, уменьшившиеся в размерах, сбежали.

— Охереть просто... — потрясённо выдал бывший невольник. — Пфенниг... Обычный имперский пфенниг... — рассматривал он монету. — И вот так спасла нам жизни.

— Н-никогда н-не встречался с ними. — выдал, заикаясь, Орво. — Д-думал, это батя, в-в-выпив, в очередной раз б-брешет, рас-рас-рассказывая свои небылицы, а тут ты-такое...

Утром, в свете встающего солнца увидели, что половина группы за ночь стала седой.

Задерживаться никто не хотел, все начали собираться. И собирать тех, кто ещё не отошёл от внимания духов. В поселение! Там были люди, мы видели вечером издалека, там можно было отсидеться и набраться сил перед следующим переходом.

Но уже не успели.

Из леса внезапно выбежало несколько приземистых существ, похожих на тех, что разорвали Белоглазого на Ковчеге. Бледнокожие, когда-то человеческие тела, перемещающиеся на четырёх конечностях. Тощие, но довольно мускулистые, безволосые, с короткими острыми зубами, длинными грязными когтями, они рассыпались вокруг, шипя, но не приближаясь, бегая кругами, пока мы расхватывали оружие и рассматривали ошейники на их шеях.

Следом чётко, в ногу по двое вышли шесть скелетов с мечами наголо и щитами, в простых, но однообразных полудоспехах. Аккуратно разойдясь, они встали и замерли метрах в пяти.

И, наконец, последними вышли несколько лучников-людей, абсолютно одинаковых в своей форме. Один из них, высокий и беловолосый, вышел вперёд, поправив что-то на груди произнёс:

— Старший патруля, драф-сержант Гуннар Микаль. Кто вы такие и куда путь держите?

Судя по лицам, моряки уже поняли, где они очутились, а я ни сном ни духом. Хорошо что перед дорогой уже успел шлем натянуть и ни стрелки, ни этот Гуннар на меня не пялились.

— Мы потерпели кораблекрушение. Мы моряки с “Дара Марцхелина”. - нарочно или не нарочно сбиваясь, зачастил Орво, как и в первую нашу встречу. Он попытался изложить историю, где они, моряки и пассажир судна, подверглись пиратскому нападению некроманта, отбились чудом, но ужасный шторм добил повреждённый корабль и большая часть команды, выжившая в схватке с ужасной нелюдью, погибла в морских волнах. А они идут, отбиваясь от тварей, разыскивая местные власти, чтобы суметь вернуться на далёкую родину.

— А откуда вы? — скучающе, казалось, расспрашивал драф-сержант, скользя по всем своими серыми глазами. Его стрелки не расслаблялись, что уж говорить о... о другой части его отряда.

— Матейриан, Эгмаитский торговый дом! — остальные люди поспешно закивали. Они же вроде как, совсем не оттуда..

— Не знаю где это, но Старшие разберутся. Как гостям нашего государства, ставшего ими пусть и не по вашей воле, я должен зачитать вам ваши права и обязанности.

И он начал монотонно зачитывать эти правила, всё так же всех разглядывая. Там было довольно много правил, и я запомнил лишь несколько. Оружие в пределах поселений и городов должно быть в чехлах. Пользоваться им нельзя, если только нет угрозы жизни. Но и тогда суд будет решать, стоило ли его обнажать. Все равны перед законом и судом. Женщины равны в правах с мужчинами в праве на жизнь, учёбу и выбор из нескольких профессий, потому обижать и принуждать к чему-либо запрещается. Каждый имеет право на жизнь до совершения преступления. Наказание смертной казнью выдаётся по усмотрению судьи за любые преступления. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. Запрещается покидать государство без разрешения. Запрещается поклоняться ряду сущностей (“основной список из десяти имён вот, остальные покажут в городе“. Так же нельзя порочить словом государство запрещается. В случае нарушения правил, в случае вашей смерти ваши тела будут переданы на службу государству, чтобы искупить свои прегрешения перед ним.

— Независимо от согласия, в случае вашей смерти ваши останки будут использованы на благо государства. — закончил он свою речь. И уже от себя добавил, обычным, а не “казённым” голосом добавил. — Эти вольные совсем распоясались, пока мы оказались заняты нашими соседями. Но, клянусь, мы отомстим. И за вас тоже. Дальше, пройдя это село, вы выйдете на реку Юхру, а поднявшись по течению встретите город Сьял-Мавар, провинции Сайваг. Там и встанете на учёт как наши гости. Чтобы вы не заплутали, я выделю вам пару сопровождающих.

Он вытащил из-за пояса короткий жезл и что-то шепча, сделал пару взмахов, как мне показалось, выделяя нас. Два скелета вышли вперёд.

— Они же будут и защищать вас, в случае встречи с различными опасностями. К сожалению, из за последних двух войн мы не успеваем очищать все дороги. Вопросы?

— А с кем воюете, драф-сержант? — мой голос из-за шлема прозвучал, как мне показалось, слишком громко.

Тот пожал плечами, внимательно посмотрев на меня.

— Как всегда — гоблы из Собирателей скальпов с их наёмниками, твари фон Драков и имперский герцог Штейбегена. Насчёт провожающих — они не устают, потому можете передвигаться хоть бегом.

— А ещё вопрос... — драф-сержант взглянул уже недовольно. Я ткнул рукой, скрывая когти, в бледных существ. — Они живые?

— Стриги? Да, живые. Думаю, вопросов больше нет. Успешного вам пути и да не коснётся вас гнев Старших!

Он махнул рукой и по его команде весь отряд развернулся и скрылся в ближайших зарослях кустарника.

Мы остались одни. Люди пошатывались от нервного напряжения и поглядывали на двух замерших изваяниями костяков, таращащихся в никуда.

Молчание затягивалось. Все смотрели на скелетов, скелеты — в никуда. Видя, что реагировать они никак не собираются, Орво махнул рукой:

— П-пошли, что ли...

Нежить поделилась — один затрусил впереди, а другой позади, замыкая нашу процессию.

Это было больше похоже на конвой, чем на простое сопровождение. Сначала шли молча, но прошёл час, другой, а нежить шагала и не обращала ни на что внимания. Опасностей тоже никаких не было, вышли на утоптанную дорогу, которая увела нас в холмистую местность подальше от реки, а потому постепенно разговорились о произошедших событиях. Обсуждали призраков, чуть не угробивших всех и удивлялись, как я умудрялся их отгонять сперва без серебра. Говорить о том, что жрал то, чего не следует, не стал. Мне было интересно узнать о государстве, в котором мы оказались и о том, почему они назвались представителями какого-то торгового дома.

— Кхм, это Стригой, королевство неживых владык, как они себя называют — Наследники Ушорана. Уф... — пыхтел Курт, оставляя позади себя борозду в земле.

— Те ещё твари... — шёпотом продолжил старик (лет сорок ему точно было), по имени Мейнрад, который при бегстве с корабля обвинял меня во всех бедах. — Вы видите этих? — ткнул он багром впереди идущий скелет, будто мы слепые. — пародия жизни! Они оживлены с помощью могущественной некромантской магии, что запрещена в Империи и в прочих нормальных людских землях. Одна нежить управляется другой нежитью...

— Постой, старик, но ведь Гуннар был же человеком? Вампир бы не расхаживал после рассвета на улице. Я что-то такое слышал. Разве нет?

— Слишком звание у него маленькое... Как там — “драф-сержант”? Слышал что в их армии все, то ли от сотника, то ли после сотника... эээ... как их тут... Васт-лейтенант, что ли... Ааа, похрен. Все кто выше — они все точно вампиры. А видел, кто у них на поводках — стриги! То есть трупоеды! Упыри! Рты на ножках! Я слышал, что они, вампиры — или как тут говорят, Старшие, могут преступника специально кормить человеческим мясом, чтобы он превратился вот в такое, и не мёртвое, и не совсем живое творение, чтобы потом посылать их в бой.

— Зачем? Много ли они своими когтями могут сделать хорошо защищённому противнику?

— М-могут. — подключился Орво. Голова у него поседела как-то неровно, ключьями. — Они б-быстры, это раз. У них ядовитые когти, удары которых если и не убьют, то через какое-то время свалят с ног, если не обработать. Это два. У них с-с-страшный вид, который может оказать сильное влияние на боевой дух, особенно новобранцев. Это три. Они д-дешевы и не требуют платы, это четыре. Если они живут долго, и их раскармливать, то они могут перерасти в очень страшную форму, жуткую тварь, которая и тяжёлого всадника с конём один на один может уделат. Это пять. Но, вроде как трусливы порой... Я к-как-то г-гудел неделю в таверне с братьями, а у них товарищ был ветеран, дезертировавший. Так вот он много чего рассказывал.

Когда он увлечённо говорил, заикание почти пропадало. Вот только и сыпать поговорками он что-то перестал.

— А про скелеты он что говорил?

— Д-да то же, что и все... У них нет душ, как у более могущественной нежити, даже признаков ей нет, как у тех же умертвий. И-и даже нет намёка на прежнюю сущность. Они поддерживаются исключительно колдовством. Стриги да скелеты — основная пехота этого г-государства. И те и те могут воевать днём и н-ночью, в отличие от отрядов людей, которые тоже служат, но н-ночью толка мало, да и уязвимы. И вампиры, кроме высших, день не жалуют. Как с-сказал Гуннар — у скелетов есть громадный плюс — они не устают и не требуют е-еды и денег, кроме магической подпитки своих хозяев.

— Кстати, Гуннар — какой-то он светлый для этих мест, или мне кажется?

— Обычное дело, кого-то из предков северянина занесло в эти края, да так и остался, либо успел разбавить местную кровь. Вон в Союзе племён их вообще немало. Да там, правда, вообще кого только нет. В центральных землях, землях людей, да и не только там, все здорово перемешались.

— А почему вы не сказали откуда вы на самом деле?

— Злобные твари, ненавидящие род людской... — ворчал старик.

— Не упоминай здесь нигде, что судно тилейское, хоть многие из нас, освобождённых, кто откуда, но почти все из Тилеи и Империи... Слышал, что д-драф-сержант сказал по поводу того, с кем они воюют? Г-герцогство, а вернее на данный момент — курфюршество Штейнберга. Это имперский выборщик, который всё хочет присвоить ряд спорных пограничных земель рядом с торговой Тилией. Да и сами тилийцы смотрят на пустые приграничные земли Ушорана, потихоньку их заселяя и отодвигая границу. Потому о-объявят шпионом и всё, конец. Быть сперва кормом для нежити, а потом самому стать неуспокоенным? Нет уж, защити меня Зигмар от такой участи!

— Ты довольно много знаешь для гребца на галере.

— До того как о-обманом туда затянули, п-пил с одним приказчиком из Ховсбаха, что следит за новостями сы-своего правителя, вот и болтал, пока я его в к-кости обыгрывал...

— А этот... Эгмаит что-то там?

— Город Матейриан, Эгмаитский торговый дом? Это где-то далеко на востоке. Вряд ли Старшие наследников Ушорана успели с ними рассориться, потому и назвался так.

Какое-то время шли молча, но жажда информации меня вновь толкнула задавать вопросы.

— А что за повод-то у них со всеми воевать?

— Да судьба такая. — он улыбнулся. — Ты просто не видел их Старших, те ещё красавцы (шёпотом сказал он). От самого их вида корёжит, что сразу ставит крест на отношениях с людскими государствами, помимо того что они пьют кровь и практикуют тёмную магию. А ещё земли им сперва удалось занять неплохие, плодородные, что многим кажется несправделивым и их хотят выгнать в пустыни да горы, где они раньше и прятались, если верить сказаниям. Да и вон, племена орков да гоблов по соседству оказались, которые не прочь сожрать подданных, да быстро пограбить. Ну а с фон Драками... У них там какой-то древний замес, я точно не знаю, но они воюют постоянно, без продыху.

— Раз у них такая сильная армия. Сильная же? Ну вот. Тогда почему они ещё не победили?

— Ну так те тоже не просто так заняли свой кусок земель — кое-что умеют...

Он опять наклонился к моему уху, и мне пришлось повернуть к его лицу забрало, чтобы лучше расслышать (надо под уши дырки будет в какой-нибудь мастерской просверлить для

лучшей слышимости):

— Если бы ушоранские Старшие не грызлись между собой и интриговали поменьше, то всем было бы худо, а так может и слава Зигмару, что нежить рвут со всех сторон.

Дальше продолжать не стали, так как пришлось попрыгать, чтобы не отстать от скелетов, размеренно и без остановок топающих. Через какое-то время нас нагнал небольшой крестьянский обоз, с которым нам было по пути. Было тяжело всё тащить, мы отставали, но за мелкую серебряную монету накинули часть груза на крестьянскую телегу и смогли выдохнуть.

Их сопровождал всего один скелет и наша пара присоединилась к нему.

— Не страшно с нежитью ходить? — спросил я возницу, бородатого и смуглого мужчину.

Ему перевели вопрос.

— А чего бояться? Это же наша нежить. Кого надо не тронет. Грим не смог с долгами расплатиться при жизни, вот и отрабатывает теперь так.

Стриган (так называли людей, смуглокожих жителей королевства) болтал ещё, но мне переводили с пятого на десятое. “Надо учить языки” — постарался поставить себе задачу. Слишком часто я что-то не понимаю.

— Он приглашает нас в гости в городе, когда придём и отметимся у властей. У него там есть дом и сарай, все сможем разместиться.

Все решили, что это хорошее предложение, которое сэкономит средства.

То ли всех опасных тварей вывели вдоль дороги смешанные патрули нежити и людей, либо наши скелеты как-то отпугивали всех, но до города мы добрались без приключений. Сьяр-Мавар оказался средним таким городом, на несколько тысяч жителей и небольшим укрепленным каменным фортком на холме у реки. Память сразу подкинула картину того, как мы с зверолодами сжигали такие на севере, в лесах у побережья Бадухагхата, моря Змеев. Не забыв обернуть оружие тканью (одеждой оборачивали, по скудности), мы заплатили пошлину на вход и пошли искать местную власть. А найдя, нас огорошили тем, что город пока покидать запрещено для всех, кто не является жителями империи и нет специального разрешения на выезд. На вопрос когда нам разрешат покинуть город, чиновник лишь развёл руками:

— Нестабильное положение на дорогах. Всё ради вашей же безопасности. Я думаю что на год-другой мы будем вас счастливы приютить. Работа найдётся. — улыбнулся он.

Покинули мы его в полном раздрае. Хоть мне и никуда особо не надо было спешить, да и дома у меня не было, сам факт того, что кто-то хочет меня в чём-то ограничить вызывал гнев. Что уж говорить об остальных людях.

Пока искали по описанию дом пригласившего нас в гости стриганина, увидели странную сцену в центре города, у местной главной церкви, у храма Мёртвых. Кто-то краской на дверях храма намалевал отрубленную клыкастую голову, а для понятности рядом было выведено — “Смерть мёртвым!”

Но мысли у всех были заняты одним:

— Мы похожи на пленников. Покидать город и государство нельзя... Да чтоб шлюхи не обслуживали этого чинушу даже за деньги! Чего нам тут сидеть? Вот так нарвёшься на задиру какого, отмудохаешь его покрепче, а тебя убьют, вынут кости и будешь бегать до конца веков в патрулях... Можно и сбежать, но, суки, выследят же — нюх у мёртвых тварей на живых ого-го какой.

Фонсо, хозяин дома, приютивший нас, убедившись, что выдали разрешение находиться в городе вкусно накормил нас и показал места, где мы можем заночевать. Мы, конечно же, передали ему немного монет, тщательно собранные на месте боя с призраками.

Немного разоткровенничались с хозяином и он, неожиданно, подсказал нам выход.

— Раз у вас нет разрешения на выезд, присоединитесь к тем, у кого он есть.

Мысль простая, и возможно мы бы потом и сами до неё додумались, но сам факт того, что он нам первый её подсказал. Покуривая трубку и поглаживая бороду, тот продолжал:

— Выбор есть — это купцы и наёмники. Купцы вас вряд ли возьмут, что бы вы им не предложили. Вернее — могли бы взять, но очень задорого, а у вас вряд ли есть столько денег. Они вас не знают, поручиться за вас некому... Наемники — их сейчас тоже в городе нет, все отправились на границу с Собирателями скальпов и в рейд на Хезд. Но если вы немного подождёте, то скоро должны проходить через город “Белые быки Гольшарка”. Наш обоз для них предназначается. Если не опасаетесь подписать контракт, и в какой-то мере рискнуть жизнью, то они, я думаю, должны вас взять. Идут они с северной границы и потрепаны в недавних боях, а потому вакансии наверняка есть.

Все обрадовались, Орво дал денег на вино и моряки притащили пару больших кувшинов.

— Ваш друг скромничает? — посмотрели на меня, а вернее на мой закрытый шлем.

— Он дал обет. — выкрутился Орво, разливая всем вино по кружкам.

— Я спокойно отношусь к нелюдям. — глядя на меня, спокойно произнёс Фонсо.

Не стал настаивать и снял шлем и закатал шапочку.

— Кхм, такого я ещё не видел. — подавился наш хозяин дымом. — Говорят, что где-то под крупными городами водятся большие крысы, но вот чтобы такое... даа... — он глубокомысленно затянулся.

Хорошо, что разговор за вином перешёл на другие темы.

— ...А что стриги? Еще до того, как большая часть знати этой земли стала вампирами, людские владыки издевались над крестьянами и унижали их. Многие простые люди начали есть человеческую плоть, чтобы не голодать. Почти наверняка они понимали, что поступают отвратительно, но чтобы жить, они пошли на это. Убивали младших детей, чтобы кормить старших... Их потомки заплатили свою цену за их мерзость, их род был навеки проклят, облик деградировал, их пищевые пристрастия стали отвратительны. И да, стриги фактически не являются нежитью. Иногда они сражаются, когда им приказывают, чтобы добыть свежее человеческое мясо, но их вполне удовлетворяет плоть не первой свежести или даже частично разложившаяся, как у тех же зомби фон Драков...

— ...Что отличает стригоев от прочих вампиров? Конечно отношение к живым! Здесь люди добровольно пытаются выслужиться, чтобы принять кровавый поцелуй. А этого мало кто достигает...

Стриган с наслаждением пускал огромные кольца дыма в потолок, выдыхая через усы и бороду кольца едкого дыма, его голос звучал глухо:

— ...Вы знаете, что многие из стриган были и остаются кочевниками? Знаете, стригане редко показывают чужакам свои истинные чувства. Мы можем петь и веселиться, но, за этим — скрываются горечь и отчаяние. Все это обман, друзья! Мой народ — хранители Древних Традиций, — продолжил стриган. — Это не пустые слова, как вы можете подумать, а тяжкое бремя. Мы сохраняем свои секреты и секреты Старших... Наше предназначение — оберегать древнее знание и мудрость. И этот и наш прошлый мир не всегда были такими. Когда-то и прошлый мир был молод, а род людской являл собой жалкое зрелище — редкие

ростки цивилизации среди океана варварства. В те времена люди редко о чем-то задумывались. Они наслаждались жизнью, стремясь к удовлетворению любых своих желаний, даже — самых низменных. Насилие, кровь, смерть — обычные вещи в те далекие времена. Мы все знаем, что в этом нет ничего ужасного — ведь, в этом суть человеческой природы. Стригане — последние хранители этих древних ритуалов, последние наследники мудрости древних владык Стригоса. Пока мы существуем — живы и они, Старшие. И мы делаем всё, чтобы восстановить ее былое величие. И я буду счастлив, если вы присоединитесь к нам в этом деле. И пока власть над народами и всем землями не окажется в руках наследников Ушорана, не прекратятся войны и несправедливость...

На утро проснулись с большими головами — не следовало смешивать вино с самогоном и какими-то настойками. Переболев, посоветовались и решили, что не против пойти в отряд, чтобы покинуть местные земли.

Дожидались их пару дней, а потом пошли договариваться.

Отряд представлял собой роту, чуть более сотни человек. Бойцы роты выглядели хорошо, лишь немного худые, не скажешь что недавно прошли через жестокие бои — в украшенных перьями шлемах, в нагрудниках с медными декоративными элементами, были вооружены пиками да прямыми мечами. Пара десятков арбалетчиков так же выглядели неплохо в своих кожаных камзолах и красных чулках. Недалеко расположились человек сорок разнообразной степени оборванности и экипированности — видимо пополнение.

Ингберт Лосли, капитан кампании, критично нас рассмотрел и устроил целую сцену, критично хмыкая и кривя нос. Если бы мы не знали, что им нужны люди, то такое чувство, что он делает одолжение принимая нас.

Остановился возле меня.

— Шлем сними.

— У него обет, он слово дал. — встал на защиту Орво.

— Сейчас проверим. Возьми! — протянул он мне что-то. Монета, серебряная. Повертев в руках, вернул ему её. Он повел меня к разделяющим свиную тушу крестьянам. Я стоял и смотрел, ожидая, что он ещё устроит. Он дождался, пока вскрыют грудину и набрал кружку крови, поднеся её к моему забралу.

— Хочешь?

— Нет.

Я был сыт и на кровь меня не тянуло.

— Ладно, пусть тоже устраивается.

Единственно обрадовались пушке. Они ходили вокруг неё и так и эдак, презрительно морщились, но накинули нам плату на всех, что со своим оружием.

Показали телегу, куда можно было свалить вещи и уже вскоре отряд свернулся, продолжив свой путь на восток, на границу с Империей и Тилией.

Орво и Курт, да и другие, непроизвольно пялились на яркую одежду наёмников. На что ветераны, замечая их взгляды, отвечали.

— Проживете несколько кампаний, тоже так одеваться будете.

Пока мы не ушли с территории Ушорана, были моменты, которые оставили о себе впечатление.

Однажды мы видели, как несколько стриг догрызали стихийно восставшего зомби. Зомбьяк был уже не первой свежести. Одна рука уже была кем-то отгрызана, возможно ещё при жизни, ребра виднеются через порванную кожу и тускло белеют. Сама кожа грязно-серо-зеленого цвета, одно глазное яблоко отсутствует, губы давно сгнили. Он размахивал одной рукой, пытаясь зацепить юрких трупоедов, но он был слишком медленный для них. Повалив его на землю, стриги, хрипя и чавкая, запихивали в рот куски мяса, которые вырывали из распростертого и дергающегося на земле тела.

Наш отряд провожали взглядами, но никто не нападал. Патрули проходили, держа на поводках стриг, лишь изредка спрашивая разрешение на передвижение, а мы шли и шли по крупной дороге, даже целому тракту, идущему вдоль Стиосского болота, лежащему с левой стороны и откуда порой и выбирались неуспокоенные. Наш путь шёл к так называемому Халийскому перекрёстку, крупному пересечению сухопутных путей юго-западной части материка.

Но пока не вышли, видели ещё кое-что — это были старые места с сожжёнными поселениями, свежие трупы от никому не известных стычек, и везде — падальщики собирали богатый урожай, в прошлом или сейчас. Кто устраивал рейды с имперских земель, убивая всех встречных, людей в том числе, считая их прислужниками зла и чтобы было чем бахвалиться на пирах. Другие убивали конкурентов.

Ингберт Лосли не уставал повторять для новичков:

— Напоминаю для тех кто не знает — в местах массовых убийств (больше нескольких десятков) запрещается произносить имена любых некромантов вслух. Ясно? Любых! Имя Великого некроманта даже про себя не вспоминайте, чтобы не дай Мирмидия, нам не пришлось потом заниматься упокоением.

Порой на таких местах собирались ушоранские пограничники, выясняя подробности дел.

Видели даже момент, когда одного преступника поймали на месте преступления. В сумерках бледнокожий воин в лакированных чёрных доспехах, которому все вокруг подчинялись, судил вора. Это был невысокий худой мужчина средних лет со спутанными волосами, которые висели грязной сальной паклей, щеки и подбородок покрывала многодневная жесткая щетина. Но в глазах пленника продолжала жить жажда жизни. Подняв голову, мужчина открыл было рот, очевидно, чтобы просить вампира о милости. Однако, тот одним молниеносным движением ударил его латной перчаткой в лоб, заставив замолчать.

Острый коготь очень быстро вырос на его пальце и он резанул им по горлу мужчины, вскрывая ярёмную вену, из которой потекла струя крови. Сердце мужчины уже успело остановиться, поэтому кровь текла ровным спокойным потоком. Воин приник к шее жертвы, с удовольствием урча и выпивая всю кровь. Когда он напился, он отдал тело стае стриг,

сопровождавших его, разорвавших мясо и очистивших начисто костяк, который был тут же поднят на службу.

А потом мы увидели настоящих Старших и поняли, почему людям с других государств трудно было иметь с ними дела. Это был принц Стригоев, который промчался мимо на чёрном неживом скакуне со своей свитой, которых называли айалами. Обнажённые мускулистые руки удерживали поводья и его глаза сверкали, словно пара факелов. Белый мех развивался на его обнажённых руках и гриваросла по всей крупной голове, придавая животный вид. Мускулистый торс защищала изощрённо украшенная рёбристая кираса и шипованные рёбристые же наплечники. Поножи схожей конструкции защищали его ноги, и сплетённый из кожи человеческих врагов килт перехватывал в поясе. Он не был вооружён, ибо ему не требовалось иного оружия, кроме собственных силы и скорости. Традиционно, Стригои не сражались оружием — они сами были оружием, куда более смертоносным и жестоким, чем любой кинжал, меч, копье или топор.

Но и по другую сторону условной границы было своеобразно. Тела тех, кого уличали в преступлениях на имперской и тилейской стороне развешивались на столбах, устанавливаемых на площадях селений и вдоль дорог, служа постоянным напоминанием для живущих — пойдёшь против законов — умрёшь. А некоторых вешали и просто так, чтобы простолюдины не забывали, кто здесь власть и порядок. И даже не помышляли смотреть на другую сторону.

Войны на границе не было. А потери были.

— Я вам говорю, вампиры они разные бывают! Они по Линиям Крови делятся. Заткнитесь и дайте расскажу! — вещали ветераны на остановках в безопасных землях. — Зачем тебе это знать? Да чтобы ты не был таким тупым и выражением лица чуть-чуть отличался от коровьей лепёшки, в которую ты сел. Это проходят в школах, за которые умные люди платят деньги, а я тебе так рассказываю, ослиная ты моча, поэтому теперь метнись и принеси мне кружку хорошего эля. Где ты его найдёшь? Насрать, не будешь умничать и перебивать меня в следующий раз. Так вот... Каждая из Линий происходит от одного из так называемых Первых детей — первородных вампиров, созданных первой королевой вампиров: ламии, некрархи, кровавые драконы, стригои, и Карштайны. Зачем тебе знать имена первых, дурья башка? Те, кто из них выжил, остались в том мире и слава богам! И ничего, кроме легенд о многих из них до нас не дошло...

Они много рассказывали разных баек. Кроме патронов “Белых быков”, стригоев, на материке есть родичи Карштайнов — фон Драки. Те ещё твари. Лет двести назад видели кого-то из кровавых драконов, остальных (лабий и некрархов) ещё не замечали и надеялись вовсе не видеть — ни их родичи по линиям крови, ни уж тем более люди. И это хорошо. Если стригои, потомки карштайнов и кровавые драконы полагаются или полагались в основном на силу и ярость личной мощи и своих последователей, то ламии — на гипноз, а некрархи — на знания, на магию и исследования. Чем больше я узнавал, тем больше удивлялся — кого только не было... А ещё внутри этих Линий были различные виды. Вампиров оказалось великое множество. Те же ламии почти не отличались от людей — они никогда не умирали и не лежали в земле. Трансформация у них происходила у довольно мягко по сравнению с другими видами, и они продолжали дышать. Пусть они не отражались в зеркалах и ощущали потребность в крови, но сердце их все же билось.

— А как их убить-то всё-таки? — спрашивали у ветеранов.

— Голову руби, осиновый кол, серебро, святая вода, мощи святых и сжечь. Иногда

чтение особых книг.

Что за “особые книги”, они уточнить отказались.

— Скелеты... Вы думаете это костяк, которому дал по черепушке и он рассыпался в пыль, в костную муку, которой торговцы будут торговать по всей Ойкумене, выдавая за чудесное снадобье, которое спасёт от грыжи до преждевременных родов? Если вы считаете так, то вы ещё тупее, чем я думал! Да, у них нет своей воли и ими, как марионетками управляет колдун, некромант или вампир. Но тем и опаснее! Они не боятся за свои жизни, им плевать на метательное оружие и они имеют общую цель! На поле боя надо не стремиться их раскрошить! Нет! Надо оттяпать голову гидре! Найди и убей ведущего их, чего бы это не стоило! Правда, были случаи, когда их всё же всех перемалывали, прежде чем добраться до управляющего ими, но такое бывает редко. А уж как они устраивают засады... Закапываются в землю и р-р-раз! Хватить за ногу, когда ты уставший идёшь на марше и всё, нет тебя больше. А есть лишь труп, который, если хозяин скелетов рядом, может пополнить свою армию. И ещё — лучше сражаться со скелетом, чем с зомби. Он быстрее, лютее, но при этом хотя бы чище. Солдаты чаще бегут от зомби, потому как не каждый выдержит подобное зрелище.

А мы всё продолжали идти к Халийскому перекрёстку. Нам, конечно же, никто не говорил, зачем и почему командир отряда отдаёт те или иные распоряжения. В этом отряде псов войны так было принято — командир сказал сделать, значит надо делать молча. Но слухи и любопытство вещь такая... Никто не запрещает думать, почему отряд снимается с границы, где прослужил пару лет, добирает солдат и уходит в другую страну. Варианты колебались от того, что Ингберту предложили Кровавый поцелуй, но он отказался и поэтому, опасаясь за свою жизнь и душу поспешно покинул государства (что не выдерживало никакой критики), до версии о секретном задании за рубежом, выполнить которое возможно было лишь покинув пределы государства Стригоев.

Не дойдя до Халийского перекрёстка в Тилии, одного из богатейших мест, которое себе можно представить (по рассказам успешных попутешествовать солдат) в окрестностях которого располагались конторы по найму наёмных отрядов (чем вообще особенно славится Тилия), у крепости Линер нас встретили люди, которые искали отряд для небольшой намечающейся войны в Империи. Ну как войны... Для решения “небольшого недоразумения, вследствие разных взглядов на судьбу хозяйственного объекта”. Надо было помочь одной стороне, городу Канхейм, сохранить влияние и власть над небольшой речкой Реной, текущей из озера Больден. Врагами тут выступали город Ховсбах с целым рядом союзников, в виде городов Мальфиш, Шворштадт, Кельрих. Все эти города располагались на побережье озера Больден из которого и вытекала единственная река Рена, несущие свои воды в огромное Внутреннее море, или как его ещё называли — Феллсирт. И все они считали, что канхеймцы зажавшиеся сволочи, жиреющие на собирании торговой ренты и пошлин и ничего самостоятельно не производящих. Конечно же, частично это была правда, но Канхейм, входящий в десятку крупнейших городов Империи людей славился мастерством своих жителей, крепким флотом. Обе стороны активно тратили казну, нанимая всех, кого они себе могли позволить. И появление “Белых быков Гольшарка” сразу становилось понятно, если увидеть в числе врагов канхеймцев города курфюрста Штейнбегена. Послать людей на помощь своему союзнику, который бы своими действиями помог оттянуть часть сил беспокойного правителя с границы — именно это было целью стригоев, как многие и решили.

Для меня было дико, что внутри одного государства могут вестись войны. А им ничего, вполне нормально. Никто не удивлялся.

Ситуация в Империи была вообще интересная. Крупнейшее государство людей, раскинувшееся от Стиосских болот на границе с наследниками Ушорана, Лаубенгенлингской пустоши на границе с Пожирателями в Хезде и территориями фон Драков на западе, до Глермзойской пустоши на востоке, по которому проходила граница с аморфным объединением, которое называли “Грабь-рыцари” (через который порой даже приходили караваны от каганата Нул и даже из далёкого Кхина), от холодных Хауфенгенмахских степей, Гунульской пустоши и гор Тунарбилян вдоль с Пограничными княжествами и анклавом гномов Карак-Грурумма, до теплого Феллсирта на юге, по которому имеет оживлённую торговлю с Ичамом, Тилией, Келлинериусом азуर्व, землями бретонцев. Плодородные степные и лесные территории дают хорошие урожаи, а многочисленные реки, первые из которых Энцлаузен и Тринхау, способствуют развитию внутренней торговли.

Государство состоит из восемнадцати частей — провинций и городов-государств (порой превосходящие по богатству и могуществу первые), не считая вассальных и зависимых территорий, а также небольших клочков территорий азур и асраев, которых оно стремится, с переменным успехом, выселить из лесов. Из этих восемнадцати территорий выбирались десять курфюрстов, из числа которых выбирался император.

Империя была одним из главных промышленных и научных центров, где восстанавливались старые, утерянные знания и искались новые пути. Маги Коллегии считались одними из самых обученных на материке.

Во многом консолидирующее людей объединение, между тем, имело и многие проблемы. По закону, курфюрсты обязаны содержать штатные войска, количество которых было чётко оговорено и командование над которыми передавать императору и назначенным им полководцам. Помимо них, они могли содержать любые войска, которые могли себе позволить. Но они постоянно искали причины на то, чтобы не платить денег штатным войскам, всеми силами наращивая личные войска. А всё потому, что последний умер почти десять лет назад, и корона с реликвиями до сих пор лежала в Эрштетте, в резиденции последнего императора, а государство управлялось регентским советом, в который вошли те, кто его и должен был избрать. Десять лет интриг, стычек, открытых войн пока не привели ни к чему.

В ряде крупных лесов водилась разная гадость из-за которой люди не чувствовали себя в господствующем положении. Особенно лютовали банды зверолодов и эльфы, порой ни в чём им не уступающие.

Аристократы и маги, ради роста собственного могущества часто обращаются к тёмным сторонам магии и порой вовсе припадают напрямую к силам Хаоса, создают скрытые лаборатории, в которых проводят опаснейшие эксперименты над живыми существами и организуют экспедиции в Проклятые пустоши за залежами искажающего камня, чьи особенности и секреты, несмотря на запреты, не дают им покоя. И даже охотники на нечисть и рыцарские ордена, борющиеся за чистоту и порядок в рядах людей, не всегда справляются с ними.

Благодаря людской глупости, Империя разрывается на части. Слепленные высокомерием и жадной власти, люди считали себя теми, кто создан властвовать над другими созданиями, не то что своими соплеменниками. В ней мародёрствуют зверолоды,

племена орков, гоблов, вампиров, неведомые чудовища охотятся в тёмных уголках на человеческое мясо и даже знают порой грабит свои городки и вырезает людей. Поэтому уж ничего удивительного, что сопредельные государства активно вмешиваются во внутренний процесс, пытаясь поддержать своих сторонников и должников.

Со всем этим я познакомился на войне “брёвен и рогов”, как назвали по гербам двух противоборствующих сторон происходящие события.

Канхейм, крупный торговый город, мог позволить себе содержать хорошо вооруженные отряды ополчения, наёмников и даже пару батарей артиллерии. Я впервые увидел, что не магия, а наука может иметь такую мощь и это произвело на меня сильное впечатление.

Война проходила познавательной. Ни одна из сторон не стремилась навязать генеральное сражение и потому большая часть боевых действий проходила в вытаптывании сельскохозяйственных полей, манёврах, обстрелов на дальних расстояниях, стычках патрулей, осадах малых крепостей и захват таможенных пунктов, переходящих из рук в руки по многу раз.

Стандартные боевые действия примерно велись так. Кто-то узнавал, что в какой-то крепостице снизилось количество гарнизона или ветеранов в нем поменяли на необстрелянное ополчение. Генерал, назначенный правящей верхушкой города объявлял сбор войска и на следующий день войско, развернув знамёна, медленно выходило из города (особенно если брали с собой артиллерию), под прикрытием магов, следящих за тем, чтобы с неба не упало или из почвы не выползло что-то неожиданное. Тут были варианты — иногда враги узнавали об опасности и успевали пополнить гарнизон припасами и людьми до того, как подходили силы канхеймцев и начиналась медленная осада, пока не подойдут войска вражеского союза, деблокировавшие город, или пока не заканчивались припасы и гарнизон сдавался условиях разной степени почётности. Бывало, конечно, когда и канхеймцы простояв какое-то время и ничего не получив, поворачивали назад или на перехват вражеского войска, спешащего к их крепостям. Встретившись с вражеским отрядом, с ним старались сблизиться, если было преимущество в живой силе и принудить к сдаче. Задача была выполнена и войско под грохот барабанов возвращалось в город, где их ждали теплые казармы, угощение и подарки от населения и доступные особи противоположного пола. Это относилось к обеим сторонам и война шла с малым количеством потерь и с огромными финансовыми тратами.

Здесь, на стороне “брёвен” (герольдический символ города — три золотых бревна на лазурном поле) я познакомился со многими наёмными из славящимися своими наёмными отрядами Тилии — “Львы Бринии”, “Разящие стрелы” из Аспинии, “Клинки Тильфея” из Сирондолана, хоризийские всадники из отряда “Серебряных шпор”.

Были даже отряды нелюдей, которые, правда, располагались не в городе и выполняли какие-то свои задачи, не относящиеся к “честной” войне.

В Канхейме, возможно из-за близкого соседства с морем, зимой снега было мало, хотя заморозки случались каждую ночь, и поутру ветви деревьев, стальные флюгера и траву покрывал необычайно красивый иней. Большинство жилых домов из темного дерева (побогаче) и глиняных кирпичей (победнее). Крыши и у тех, и у других из — коричневой и чёрной черепицы. Резные перила, лесенки и балкончики создавали некий уют, а летом здесь было красиво из-за высаженных на улицах фруктовых деревьев. В стороне от города стоял заброшенный замок первых владык городов, ныне необитаемый из-за трудности с отоплением каменной громады, а также закрепившихся в нём фамильных призраках

прошлых владетелей, с которыми никто и не собирался бороться.

Почти два года, два спокойных года я провёл здесь, в рядах “Белых быков Гольшарка”, сражаясь против таких же имперцев из вражеского союза и вникая в жизнь местных людей, изучая обычаи и язык. Пока у обеих сторон не закончились деньги и им не пришлось заключить перемирие и нас не перекупили на другую войну.

За время службы в отряде я научился и узнал многое. Десятки ветеранов многих кампаний Империи, дезертиры армий королевств Эсталии, младшие сыновья беспринципных жителей Модрии и Вордании, копейщики из Бридгаста, авантюристы всех мастей, которых объединяла умение постоять за себя и знание, с какого конца лучше держать заточенное и закалённое железо. И я многому у них научился за прошедшее время.

Командир поощрял развитие своих бойцов. Ему нравилось, когда они проводили время таская железо и тренируясь, а не просиживали всё заработанное за бадьёй крепкого поила. И я старался этим пользоваться.

У людей, не знающие слова “честь”, учился ножевому бою и “подлым” приёмам, когда на основе лишь ловкости и силы тела можно было скрутить и спеленать врага крупнее тебя, применяя всё, что попадает под руку. Бывший лесник из леса близ Опенберга учил меня читать следы и время, когда они были сделаны. Жрец-расстрига зигмарит показывал свой традиционный для его ордена двухбойковый молот (он же рейкмолот) на длинной рукояти и с ним же, в основном, изучал имперскую речь и письмо — рейкшпиль.

Присоединившийся к кампании странствующий рыцарь Лузо де Каприньяк учил его обращению с прямым клинком и умению применять в работе с ним ловкость, хитрость и скорость. Он рассказывал о правилах рыцарских боёв и неписанных законах благородных воинов. С конным боем не заладилось — кони нервничали при моём приближении и лишь изредка, на самых спокойных представителях этого вида удавалось потренироваться. С луком тоже не задалось — искусство ловить ветер и пускать метко стрелу ускользало от меня, хоть и мог натянуть практически самый тяжёлый лук из тех, что мне давали потренироваться, но для меня было удачей, если попадал в мишень в метрах двадцати от меня. Но зато арбалет — крутая штука! С моей силой, в зависимости от вида арбалета, не требовалась ни “козья нога”, ни поясной крюк для взвода. Сожалел, что когда сбегал с Ковчега, не утащил друкайский многозарядный арбалет — смертоносная должно быть вещичка. Оставалось лишь облизываться при воспоминании о нём и надеяться, что при следующей встрече с друкаями я убью их раньше, чем они его достанут.

Но самое главное — копьё. Это великолепное оружие и я в полной мере наслаждался работой с ним. Сражаться как гоплит, поражая ударами врага сверху и из-под щита! Держать врага на расстоянии и при крепком наконечнике как шилом пробивая в слабых местах доспех! Враг сблизился? Бросай копьё и выхватывай оружие покороче, режь и руби врага вплотную!

Да, бывали ситуации, типа такого:

— Эй, парень, ты чего рычишь?! У тебя странный акцент. Тебе этого никто не говорил? А ты человек вообще? Не хочешь ли снять шлем?

Или:

— Не из того ли ты Риека, где некромантия разрешена, а?

Но я был из “Белых быков Гольшарка”, что из государства стригоев, а там по поводу некромантии и всего подобного были свои представления, что можно, а что нельзя и в отряде мне было проще. Командир проверил что я не порождение Хаоса, не оживший труп, не демон и ладно. Маги порой, когда видели мою сутулую фигуру, закутанную в плащ, вежливо просили показать висящий поверх одежды талисман и всё. А уж когда я сгрыз во

время одной попойки кружку после выпивки, выплюнув железный обод (дело было в кругу отряда), пьяные наёмники прониклись ко мне, в какой-то степени, восхищением.

Когда появились проблемы с оплатой нашей “боевой” жизни, основной темой для разговора стало то, куда нас поведёт наш командир далее. Выбор был большой — например обратно к наследникам Ушорана, которые всё так же, с переменными успехами бились на границах. Или наняться на далёкую войну в королевство Совинг, которое практически полностью оказалось уничтожено то ли разово поднявшимися из всех могил мертвецами, то ли прорывом демонов вследствие неудачных экспериментов тамошних колдунов и где требовалось зачищать территорию. Можно было обратиться к правителю Штейбегена, чьи земли страдали от налётов орков из Хезда и всё равно, что мы воевали с ним столько времени. Гномы Карак-Ногарунда искали отряд на очистку торговых путей в горах Арнагшос, но узнав предлагаемую цену, Лосли отказался иметь дела с жадными коротышками. В Инзбург тоже требовались солдаты, но он не подошёл, так как слишком далеко и из всех радостей жизни — только пыль, приносимая из глубин пустошей да волны орков, пытающихся не оставить камень на камне. Провести большой караван в горы Киб-Урбар — это ещё дольше идти и все вырученные деньги уйдут на ремонт снаряжение и пополнение припасов, так что тоже отказ. Какие-то тёмные личности пытались нанять отряд для похищения какой-то реликвии из Гламзофа, но буквально растворились в тенях, когда мы собрались их сдать городской страже.

Поэтому когда к капитану приехала девушка в богатой карете и с небольшой свитой, уединившись на какое-то время с ним, то все знали — очередной заказчик. А когда непривычно покрасневшийся капитан Лосли вышел с ней, неумело ткнулся губами в её ладонь, и чуть ли не махал ей вслед, то мы поняли — у нас новый заказчик. Что капитан в ней нашёл, для меня было непонятно. Да, стройная, изящная словно скульптура на рыночной площади города. Ну да, роскошные тёмно-рыжие волосы и гладкая, чистая словно первый снег кожа. Лицо было прикрыто лёгкой вуалью, так что судить бы тут я не взялся, но чего так расслабляться? Причём все при виде неё так воодушевились... Ну чего в ней такого? Обычная надменно-выскомерная аристократка!

Заказчица, графиня де Неамель, искала отряды для герцога де Гондре и де Розивельтер. Молодой герцог, желая начать своё правление с подвигов, собирался объявить войну своему соседу, ичамскому халифу и искал надежных людей для этого дела. Сумму, как я понял, она предложила хорошую, причём нанимала не только наш отряд, но и вообще чуть ли не половину освободившихся бойцов обеих берегов озера Больдер.

Тут же, в канхеймском порту зафрахтовали пару кораблей, пока никто не перекупил, и начали готовиться к новому походу.

— ... И там курганы монет, отчеканенных в давным-давно ушедшие эпохи, возвышались почти до самого потолка, и расползались по всему полу! Да я тебе говорю! Зуб даю! Нет, сам не видел, но мне это рассказывал надёжный человек! Нет, парень, нигде нет более богатых областей, что под контролем гномов! Но и нам будет чем поживится во дворцах Алкха и Яйфы! — мечтали о будущей добыче наёмники, причмокивая при упоминании восточных ярких вин и деликатесов.

В Эскре’Борделе нас встречали красно-белые знамёна герцога и множество штандартов мелких отрядов с подвластных ему земель и представителей союзников. На пристанях при встрече аристократы расцеловали друг друга в щёки и крепко обнимали друг друга.

— Фуу, бретонцы... — осуждающе протянул Орво. — И как у них это только

совмещается с поклонением Леди...

Разместившись на указанном месте в лагере, мы ждали, пока командиры отрядов договорятся о планах. На турнир мы опоздали, но успели на основной праздник. Повсюду бесшумно сновали пажи в ливреях и фрейлины Королевы в длинных светло-голубых, точно чистейшая вода, платьях. Они разносили угощения, выставляли бочонки с молодым вином для простых солдат. Повсюду играли менестрели, наигрывая старые баллады. Иногда им подпевали тонкими и нежными голосами фрейлины, а потом в кругу бойцов пела сама графиня де Неамель. Я обнаружил, что товарищи по отряду плачут вместе со всеми, потому что она пела о погибших городах, проигранных битвах и разлученных влюбленных. Бретония всегда славилась своей страстью к меланхолии. Я лишь качал головой и нюхал вино — не подсыпали ли бретонцы в него что-нибудь, что так ударило по мозгам товарищам.

Договорившись, молодой герцог де Гондре вышел из палатки и обнажил сверкающий меч, опустил на одно колено перед небольшим алтарём, поставив меч перед собой остриём вниз. Он был уже крепким человеком, и сила молодости дышала в нём. Герцог был великолепен в своих сверкающих доспехах, каждая пластина которых была отполирована до сияния, отделана серебром и украшена золотыми изображениями Грааля и геральдическими знаками. Стоявшие неподалёку слуги держали его шлем, копьё и щит. Даже несмотря на сверкающие доспехи было видно, что он гибкий и ловкий. Помолвившись вместе со всей коленопреклоненной толпой, он неожиданно тонким голосом провозгласил:

— Я Ремон, второй этого имени из дома Розивельтер, герцог де Гондре! Владелец здешних земель и рыцарь-защитник Бретонии! Паладин Королевы, походный лорд Северо-Востока! Потомок победителей демонических принцев! — крикнул он. Похвастаться подвигами предков везде было почётно, особенно у молодых воинов, у которых своих подвигов пока не доставало. — Я объявляю войну владельцу Ичама и Фарасана! Земли старой Презии всегда принадлежали нам и ничтожные кочевники владеют ими незаконно! Бретонцы всегда славились своей удальёю на поле боя! Враги дрожат, когда войска Бретонии выступают в поход. Благослови нас Королева!

Все опять усиленно начали молиться, а я пытался узнать, что за Королеву они просят их благословить. Саму эту королеву нигде не было видно, она была где-то в лё Шати, но вот свита из девушек, которую она прислала для вдохновения, неизменно находились рядом. Каждый, кто смотрел на девушек, поражался их тонкой красоте. К этим девушкам подходить не стал, но между делом поспрашивал товарищей. Когда-то бретонцы поклонялись Озёрной Деве (что за русалка такая, я так и не понял, но бретонцы её обожали). Но так как по понятным причинам она осталась в старом мире, бретонцам, привыкшим всё делать ради кого-то и чего-то, потребовался новый символ и отчасти покровитель. В последние десятилетия её место в чём-то занял культ Королевы, которая благословляла молодых рыцарей на странствия и подвиги, и которые посвящали большинство этих подвигов ей. Её благословения помогали бороться с чудовищами и защищали частично от чар. Девушки, которые порхали вокруг, даря всем улыбки и одаряя тёплом из сияющих глаз (не буквально) являлись в какой-то мере проводницами благословений.

Наутро, через главные ворота города, украшенные скульптурными фигурами четырёх демонических принцев, которых предки Ремона Второго победили в своих странствиях в пустыне, войско герцога и его союзников потекло наружу, следуя через толпы провожающих их жителей города, машущих геральдическими флагами.

Первыми следовали сотни конных воинов, которые выстроились поэскадронно,

развевающиеся вымпелы гордо несли на себе геральдику бесчисленных рыцарских семей. Их броня блестела в лучах солнца, а их строй был столь плотным, что казалось будто из ворот выехал непроходимый стальной лес. Были тут и те, кто был одет в старые отцовские и дедовские доспехи, но своей храбростью заработал себе место в общем строю рыцарей.

За ними следовали сотни и сотни воинов, оруженосцев и сквайров. Профессиональные и полупрофессиональные воины, обученные и подготовленные защищать свою справедливейшую страну против врагов, и оснащенные бронёй, щитом и разнообразным оружием, от луков, до секачей.

Следом шли отряды городского ополчения. Их никто не призывал в битву, но их горящие сердца вели их следом за молодым герцогом, желая показать себя и свою доблесть. Не раз бывало, что простые люди на войне зарабатывали себе возможность и право носить золотые шпоры. С ними же шли отряды лучников и арбалетчиков.

Протащили разобранные и упакованные в тяжёлые телеги метательные машины, требующиеся для осады крепостей и городов. Бретонцы традиционно не жаловали новомодную артиллерию и полагали, что сборные метательные машины являются проверенным и надёжным средством.

Последними шли толпы крестьян и преступников, которые должны были обустроить лагерь в походе и заботиться об обозе. Они сражались лишь будучи загнанными в угол или принужденные сержантами. Крестьяне взяли то оружие, которое смогли найти: те, кто прибыл с полей — косы, топоры и посохи; из города — железные или деревянные инструменты и дубинки.

Я выковыривал из глаз попавшие конфетти и старался не оглохнуть от воплей горожан:

— Не видать пощады врагу! Убейте их всех! Во имя Королевы! Возвращайтесь живыми! Прославьте своё имя в веках! Слава Деве! Смерть Королеве!

— Чего? — я обернулся в ту сторону, откуда раздался крик, но там всё так же были улыбающиеся лица и поднятые руки, машущие флагами. Это вообще что было? Или мне показалось?

Никто ни на что не обратил внимания и я не стал ничего говорить.

Войско сразу за воротами прятало оружие в чехлы, оберегая от природных сил. У кого была сменная одежда стягивали тяжёлые доспехи, сверкающие, но которые сильно нагревались под утренним солнцем, и доставали дорожную одежду и более лёгкие стёганки.

А потом начался марш. Не известно, в курсе были наши враги о начавшемся походе, но мы шли, не встречая сопротивления. За несколько дней достигли города Триней, и остановились под его стенами, строя лагерь. Бретонцы следовали вполне конкретным правилам ведения осады, правилам, которые Ремон стремился соблюдать и не собирался отклоняться и впредь. Эти правила требовали, чтобы атакующий назвал свои условия, и чтобы защитник услышал их, прежде чем начнётся кровопролитие. Несмотря на то, что город когда-то был бретонский, жители отказались открывать ворота и отчаянно ругались со стен со всеми переговорщиками герцога, желающего присоединить к своим владениям этот город.

Пришлось собирать орудия и начать обстреливать стены города, пробивая бреши. Это немного затянуло осаду, но в после, когда стены осыпались, сверкающая лавина прошла через выстроившихся живой стеной горожан, перебив большую часть из них и быстро заняв город.

Переступая через окровавленные тела защитников города, порубленные на куски

мечами рыцарей, которым они были совсем не ровня в воинской подготовке и вообще в искусстве, я пытался отогнать чувство дежавю. Всё было практически так же, как когда-то на севере, где стада звероловов штурмовали людские города. Кровь лилась щедро, непривычно серьёзные фрейлины следовали за отрядами бойцов, подавляющими всякое сопротивление в городе. Горели несколько домов, подожженные в суматохе боя и кто-то уже начал сгонять выживших и своих крестьян пинками, заставляя быстрее всё потушить, пока по жару огонь не перекинулся на соседне дома.

За убийствами последовал пир и новые порции меланхоличных песен о доблести рыцарей, а также раздача наград от герцога отличившимся воинам и наделение поместьями давно ждущих этого рыцарей, которые из ранга странствующих, становились уже владельческими рыцарями.

— Слушайте, парни. Вот есть рыцари, которые клянутся в том, что будут оберегать земли от зла, побеждать монстров, защищать слабых, совершать подвиги во имя Королевы и своих дам сердца и так далее... Так? — во время перехода к следующему городу спрашивал я сослуживцев.

— Ну и?

— А убийство половины жителей Тринейя, это к какому из подвигов относится? По какой части клятвы?

Они просто пожали плечами — война и война, что тут рассуждать. Убили и убили — сколько ещё погибнет на этой и других войнах, не счесть — чуть больше, чуть меньше...

— Ладно, а вот если благородный рыцарь, который не может обнажать оружие против девушки, встретиться на узкой тропинке с эльфийкой? Ну, к примеру, с ведьмой из друкариев. Позволит ли ему рыцарская честь с ней сражаться, а?

Все задумались, и начали разглагольствовать в меру своих способностей.

— Какие вы интересные разговоры ведете... — графиня де Неамель подобралась уж больно незаметно. Все сразу замолчали, уставившись на неё. Она выглядела и вправду чудесно, даже я должен был это признать. Светлый костюм из тонкой ткани, который казалось просвечивается на свету, давал широкий простор для фантазий. А правда, что тёмные эльфы носят кхейтаны из кожи человека под кольчугами?

— Не понимаю, о чём Вы... — протянул я, пытаюсь понять, что ей от меня надо.

— Твой талисман. — постучала она себя ноготком по пышной груди. Рядом товарищи дружно сглотнули слюну. — Он определённо старой эльфийской работы. Мы всё же соседи с высшими и я могу отличить их работу от лесных. Но это не их, а значит — тёмных. — улыбнулась она. А ты не хотел бы снять шлем? Разве тебе не жарко?

— Нет, воин всегда должен быть готов к встрече врага!

Странная. Очень странная девушка.

Ходит тихо, красивая, пахнет от неё не так, как от прочих, привлекательна для всех, ведёт себя запросто... Надо быть внимательнее с нею.

Она ушла, эдак плавно, не торопясь. А мы, отойдя от эффекта её присутствия, немного продолжили. Странствующий рыцарь де Карпиньяк вмешался в разговор.

— Эльфийка, не человеческая женщина. Неизвестно вообще сколько ей лет и какими чарами она владеет. Это уже тварь, которую надо уничтожить!

— А если эта человеческая женщина-колдунья?

— Тоже следует уничтожить! Колдуньи не должны существовать! От них всё зло!

— А если она вступит в где-нибудь в Имперскую Коллегию Магов, ей выдадут разрешение на практику? Что тогда — тоже надо уничтожить.

— Тогда нет, её же проверят.

— А если её наймёт какой-нибудь отряд и вы с ним столкнётесь в боя. Она будет поджаривать твоих товарищей?

— Эээ, бой покажет...

— То есть иногда всё же женщин убивать можно и нужно, несмотря на клятвы?

— Ты не понимаешь, это другое!

— Я понимаю то, что при желании можно обойти практически любую клятву.

— Иногда в пылу боя трудно различить через доспехи, кто перед тобой!

— А если они, как ведьмы друкаев, ходят лишь с тоненькими полосками ткани на... на бёдрах и груди, но при этом обожают пользоваться острыми кинжалами. И уж по их признакам никак не перепутать с простым воином. Что тогда?

— Это эльфы!

— Я же сказал “как”! Что если простые женщины начнут так делать?

— Они одержимы! В них вселился демон!

— То есть всё-таки сначала убей, а потом проверяй, захватил демон её тело или нет?

И в таком духе отряд спорил ещё долго. А что делать — длинные переходы с однообразными видами навевают скуку и лишь живая беседа помогает скоротать время до привала, когда можно будет ослабить ремни, перекусить и на какое-то время вытянуть натёртые ноги. А уже если рядом будет вода, то можно будет и умыться, сунуть потные ноги в прохладную воду и сидеть, замерев от удовольствия. А вечером сходить в гости к табору весёлых девушек, что за небольшую плату одарят тебя своей мимолетной любовью. Простые солдатские радости. А раненые, которым не повезло (или наоборот — очень повезло), остались сейчас в полуразрушенной крепости или шли с обозами вглубь бретонских земель.

К сожалению, большая часть их мне была недоступна. Дойти до привала, расслабиться и поесть — это да! Но даже скинуть шлем нужно было осторожно, чтобы бретонцы и их союзники меня не заметили. Мои “родичи” уже успели кое-где отметить, не всегда были осторожны и порой даже не скрывались вообще, в открытую появляясь кое-где. Больших крысолюдов, в частности, обвиняли в недавно разгоревшейся чуме в городе Лосфель, области Ишлонд что во владениях восточных разбойных рыцарей. Их обвиняли и в похищениях людей по ночам, кражах, уничтожении припасов и во многом другом. Впрочем, всевозможных баек ходило великое множество о всяких странных явлениях и верить всему

было просто невозможно. Ну и свободное время в Канхейме я искал следы гигантских крыс, но либо плохо искал, либо они хорошо прятались. Но специфический запах крыс я порой чувствовал на улицах города.

И вот поэтому я и не хотел возбуждать ненужный интерес к своей персоне. Тут было не принято проводить время не в кругу своего отряда (а то найдут ещё потом с дырой под рёбрами). А кто знает в отряде — да вроде молчат, экскурсии на меня показывать никто не водит. Поднять оба забрала и поесть без взглядов мне никто не мешает, да и это недолго — закинул в пасть кусок вяленого мяса, сухого сыра, кирпичик бисквита, запить разведённым вином и можно вновь опускать. Немного уставал от этого, но за долгое время как-то сжился с таким положением и даже порой казался сам себе каким-то голым без него.

Сложнее было с другими бытовыми моментами — хвостом обвивал себя вокруг пояса, чтобы он не торчал из-под плаща, так край кирасы (купленная за двухмесячное жалование!), которую заставляли носить вместе с наплечниками, натирала хвост до появления мозолей. Они, конечно, сразу зарастали, но хвост от этого грубел и шелушился. Из-за трудностей в походе, вдали от удобств городов, было трудно выстирать одежду и искупаться, и приходилось прям внимательно следить за тем, чтобы не подцепить блох и вшей. Не знаю, при надкусывании меня сдохли ли бы они от вкуса моей крови, но проверять этого не собирался.

У меня всегда было в такие моменты время подумать о своей судьбе. Уже сколько времени я здесь, а так и не узнал, как я оказался у крыс и если я был рождён крысолюдом, то откуда я знаю тилейский? Вопросов и предположений было много, но ответы можно было получить лишь там, где-то в уничтоженном подземном городе крыс, где-то в горах недалеко от Моря Змей и ряда уничтоженных зверолюдьми городов. Одному мне туда не попасть, убьют по дороге, как пить дать. Но даже если и стану главой наёмников (чего мне не получиться), то не увести в такую даль отряд, просто нечем будет привлечь людей идти за мной. И от этого порой опускались руки.

Пока мы проводили время за разговорами и в быту, никто не заметил того, что мы ушли из расположения дружественных войск и уходили через степи, рискуя нарваться на разнообразных врагов, куда-то в безлюдную сторону.

Ичам (или Ичамский халифат), с которым наш отряд по условиям найма оказался в состоянии войны, располагался на восточном побережье Феллсирта и владел несколькими удобными портами, крупнейшим из которых был город Фарасан. Простиралось оно довольно далеко на восток и никто точно не мог в Империи или Тилее сказать, где оно точно заканчивается. Основано государство было небольшим кочевым племенем во главе с деятельным вождём Ичамом, которое в результате Шторма попало в эти степи почти в полном составе, что и дало им определённые преимущества перед остальными группами, над которыми они тут же стали устанавливать свою власть. Земли им достались с определёнными плюсами — удобные для их традиционного животноводства, они были с большей части сторон ограничены жаркими пустынями. А где не было пустынь — были обнажённые клинки всегда готовых подраться не менее воинственных соседей. И если со временем они вырезали все успевшие сложиться племена орков, гоблинов, троллей, огров, эльфов, змей, ящеров и множество других, то вот установить свою власть над разрозненными землями бретонцев они уже просто не успели. И мало того, им пришлось ещё сдерживать их экспансию, потому как каждый подрастающий юноша, наслушавшись легенд о героических деяниях своих предков жаждал себя проявить в боях, чтобы самому стать

рыцарем и прославиться в веках! Для соседей иметь настолько боевитых ребят было сложно. Правда у Ичама был тоже свой плюс — каждый мужчина считался воином, какой бы профессией он не обладал. Поэтому в случае войны на своей территории они могли собирать поистине огромные армии, главной составляющей которых были лёгкие всадники кочевых племён, живших на границе с пустынями и пытающимися иногда освоить её богатства. Но даже так, с довольно серьёзными ресурсами, ичамцы контролировали не все территории, потому как кое-куда было соваться категорически нельзя, чтобы не беспокоить живущие или спящие там создания.

И вот сейчас мы шли туда, вглубь их территории. Чем дальше мы пылили по степям, проходя мимо редких полуоседлых поселений, тем больше вопросов у народа из отряда копилось.

— Здесь пока ещё я командир! И не вам знать, какое у нас задание и как его решать! — резко отвечал Лосли, если кто-то подходил к нему с вопросами. Раньше никто не замечал за ним подобной раздражительности и растерянно отходили подальше.

Что ещё странно — люди нас будто не замечали. А я вам скажу, что не заметить почти триста отнюдь не мелких вооруженных и одоспешенных рыл не мог лишь совсем слепой. Но он бы и услышал, потому как всё это бряканье частей амуниции, топот крепких подмёток по сухой земле, рёв выючных животных которые тянули телеги обоза, развевающиеся небольшие прапорцы, заменяющие развёрнутое знамя... Будто бы все ичамцы ослепли и оглохли разом. Явно без магии графини и двух её подружек и нескольких угрюмых слуг, составляющие свиту, не обошлось. Я не замечал никакой магии от них, но люди шептались, а я услышал, что тут просто может быть переносной артефакт, который отводил от нас взгляды. Покрутиться у повозок де Неамель не получилось, чтобы принюхаться и понять есть ли запах, похожий на тот, что был в гробницах Ковчег, где я нашёл перстень и защитный талисман.

Мы уходили всё дальше. Наткнувшись на мелкое озерцо, наполняемое из медленно сочившегося родничка, мы практически полностью его вычерпали, по приказу Лосли заливая во все ёмкости, которые к нас только были.

После этого пошли полупустынные, а затем и вовсе пустынные земли. Странное это дело, когда ты двигаешься днём, подгорая от жалящих лучей солнца, а по ночам кутаешься во все вещи, стараясь не сильно продрогнуть. По пути научились не проходить мимо сухих и ломких деревьев и подбирать засохший навоз, с помощью которых и согревались по вечерам.

А графиня и девушки ничего — не показывали никак, что их беспокоит вечерний холод. Лишь старались не показываться из своего возка днём, а если и высовывая носик, то лишь огромным балдахином. Я уже начал сбиваться, сколько мы тащимся по сухой местности, в которой нам не попадались даже курени кочевников, когда мы вышли к небольшой глинобитной крепости Хенаяди.

Вот мимо неё мы уже проходить не стали. Этиполуоседлые кочевники не ожидали, что вечером, буквально из ниоткуда перед ними появятся несколько сотен усталых и злых людей, быстро ворвавшихся в ворота и оттеснивших немногочисленную стражу в узкие улочки у маленьких глинобитных домов, куда солнце проникало с трудом, где они были окружены и вырезаны. Ещё несколько разрозненных и кровопролитных схваток и крепость оказалась в руках “Белых Быков”. Быстрый захват объяснялся тем фактом, что большинство из мужчин находилось со стадами на выпасе и в жилищах остались в основном старики, женщины и дети. Ну и в подвалах были найдены несколько пленников.

Наёмники разбрелись по крепости, выгаскивая ткани, посуду, оружие, ковры, украшения, статуэтки, и прочее, что считалось хоть немного ценным. Разглядывая эту грудку барахла, я задавался вопросом — неужели это наша основная цель? Разграбить небольшую далёкую крепость? И что с ней делать? Бретонии нужны эти отдалённые пески? Да тут почти половину месяца до границы только идти, как они её защищать собираются? Или просто отвлечь силы ичамцев? Да они и не заметят её потери! Разместив здесь гарнизон, на что они будут совершать походы?

Из подвалов выволокли тела пленников, потому как ходить они не могли. Истощённые, бледные, они были похожи на живых покойников. Один из них, в лохмотьях, на которых ещё кое-где виднелись остатки геральдических знаков, что-то шептал, крутя безумными глазами. При виде любопытствующей графини, бродящей вокруг гор разнообразного шмотья, он указывая на неё культижкой, оставшейся от руки, что-то пытался сипеть. Это было трудно сделать, так как полное отсутствие зубов и наполовину отрезанный язык серьёзно мешал говорить. Его осторожно усадили на ковры и поднесли воды.

— Офа... офесь... фы... ефи!

— Ооо, бедняжка... — как всегда тихо подошедшая девушка приподняла белую вуаль и наклонилась над израненным воином.

— Не говорите, мой брат. Не надо. Я знаю, чего вы желаете.

ДеНеамель сняла с пояса небольшой нож, которым пользовалась за едой, и, прежде чем наёмники смогли хоть что-нибудь понять, погрузила его в шею калеки прямо под челюстью, пронзив артерию. Кровь бывшего воина хлынула, словно вода.

— Леди! — потрясённо воскликнули наёмники вокруг. Остальные что-то растерянно забормотали. Графиня, не обращая на них внимания, прочла над умирающим молитву, совершая руками ритуальные движения. Когда калека окончательно испустил дух, только тогда деНеамель закончила молитву и обернулась к капитану.

— Простите меня, но его состояние было безнадежным. Это единственное, что я могла сделать для него, бедняжки.

Остальные пленники были кочевниками, видимо из какого-то враждебного племени и их предоставили самим себе. По приказу Лосли опять все отправились наполнять почти опустевшие бочки с водой и грузить припасы и редкие ценности в телеги. На ночь все улеглись где придётся, подстелив что помягче из трофеев под себя, отдыхая в более приемлемых условиях, чем под телегами и походными вещами под головой.

Когда на утро вновь раздался приказ на выдвижение, наёмники зароптали.

— Мы уже зашли слишком далеко! Война идёт совершенно в других местах! Мы идём, идём, идём и не знаем даже цели, к которой движемся! — вышел вперёд Орво, который давно выбился в группу солдатских лидеров. Его слова были поддержаны дружным гулом и бряцанием железа. — Мы захватили какую-никакую, но крепость, полную женщин и детей, которых можно было бы продать за выкуп и получить хорошие деньги, но нам приходится их оставлять и идти дальше в эту чёртову пустыню! И мне кажется, если это были ещё обжитые места, то дальше нас ожидает только худшее!

Капитан Ингберт Лосли вышел вперёд, но немногие хотели его слушать, грозя тем, что изберут себе нового командира, даже в нарушение солдатского договора, обосновывая это тем, что Лосли о них не заботится.

Бунт нарастал. Часть солдат, привлеченная шумом, встала за спиной капитана, готовая его поддержать силой. Между двумя сторонами зарождающегося конфликта вышла вперёд

графиня. Смотря на ропчущих солдат, она подняла к ним руки и заговорила:

— Воины! Мы уже зашли так далеко! До нашей цели осталось совсем чуть-чуть! Потерпите, воины! В конце похода вас ждёт великая награда и сокровище, которого вам хватит до конца жизни! Там, куда мы идём, нас ожидают скрытые от прочих глаз затерянная казна древнего монарха, которую мы поделим честно между собой! Всё золото и драгоценные камни, которые будут найдены, а их там полные сундуки, достанутся вам! Я возьму лишь несколько книг! Воины, ну разве вы не поможете мне в этом? Разве не вы самые благородные и смелые воины из всех великодушных, которые когда-либо жили на берегах Феллсирта?

И звуки её чарующего голоса волшебным образом успокоили воинов. Они разошлись, продолжая ворчать, но послушно построились и вышли вслед за ведущим их вперёд и трепещущем на конце копья прапорцем отряда, не забыв накинуть накидки от солнца. Видение сокровищ впереди, которых они скоро достигнут, давало надежду, что после этого похода можно будет остепениться, купить где-нибудь землю в тихом местечке и открыть свое небольшое дело, завести семью, порадовать (в конце-то концов) родителей. Ради этого можно было потерпеть ещё немного.

Впереди понуро брёл захваченный в крепости проводник-ичамец, с которым капитан и графиня как-то нашли общий язык, а в повозке графини ехали его дети, которых ему пообещали отпустить, когда наш отряд доберётся до цели. Племена, живущие в пустыне и успешно тут выживающие знали разные тайные тропки и тайные места, которые порой и незачем было знать людям.

Если мы к словам и не хотели относиться серьезно, то последующие дела научила нас его слушаться. Почти затянутый песками отошедший в сторонку по нужде боец, не захотевший делать свои дела на условной дороге, как было рекомендовано проводником. Неосторожно раскопанное любопытными тупицами логово могильного скорпиона, судя по панцирю, древнего и рассыпающегося, но успешно разорвавшего почти десяток человек на куски, прежде чем мы его упокоили. Не приникший к песку и не закрывшийся боец, посчитавший несерьёзной тучку песка, пролетевшей через отряд и обгладавшей его до костей. Все эти случаи научили нас не просто монотонно переставлять ноги и помогать мучающимся животным, укрытых оберегающими покрывалами, тащить повозки, которые застревали в песке. Они научили нас мгновенно реагировать на любое его движение, которое распространялось по цепочке “делай как я”.

Совсем недалеко — это она приврала.

Мы шли ещё не менее месяца. Мы шли день и ночь, сгорая на солнце и замерзая в темноте. Нас вели приказ командира, жажда наживы и чары графини. Да, мне это стало ясно как божий день. На меня они действовали слабее, но не мог ничего с этим поделать, безопаснее было идти со всеми и увидеть нашу конечную цель пути. Милую за милую отмеряли наши сапоги, и лишь изредка мы падали на песок, после тяжелого дня, наполненного пеклом и опасностями встреч с всевозможными опасностями. Лишения и урезанный паёк воды изнурили наши тела, лица обветрились. Отряд двигался, извиваясь по оставляемой проводником тропе, как пустынная гадюка, готовая напасть на врага. Воины шли налегке, скинув тяжёлое железо в обоз, который вместе с возком графини тормозил отряд. Когда останавливалась, воины падали на землю и засыпали. Когда наступало время идти дальше, мы молча поднимались и уже отупело брели вперед. Порой мы ели и пили на ходу, отправляя в рот по горсти порубленного сыра и запивая его глотком воды из кожаных фляжек, висевших на поясе.

На пути мы оставляли телеги с вещами, когда животные умирали, не выдерживая путь. Тех, кто умер в походе от ран, закапывали неглубоко в песок, завернув в их же одежду. Смысла закапывать глубоко не было, так как мы не раз видели высушенные под солнцем тела погибших людей и животных, которые движущиеся песчаные дюны то обнажали, то скрывали вместе с останками различных тварей и кусков разнообразных жилищ, от редких деревянных срубов, дико смотрящимися в песках, до монументальных каменных блоков с начертанными на них таинственными письменами.

Скрипел песок на зубах в сухой пасти. Растаявший воск, которым мы затыкали уши от сводящего с ума воя и шёпота песков и завывания/бормотания душ тех, кто не смог выбраться из песков, оказавшись здесь после Шторма или в поисках богатств, стекал по шее.

Чем дальше мы шли, тем тяжелее приходилось. Песок затягивал всё глубже нас в свои владения.

Шорх-шорх... Шорх-шорх... Песок пересыпался под подошвами сапог и не было ему ни конца, ни края...

Кто-то устало тянет полузабытую песню:

В красном зареве дней, где рассвет навсегда исчезает,

Там, в начале пути я не знал, что меня ожидает.

Сотни пройденных лиг не дороже медной монеты...

... Жарко, хочется пить. Лосли давно уже приказал выдавать воду порционно...

Песнь далеких земель, преклонись, и ты услышишь

Стук глухого дождя, ветром листья закружились,

Знай, я вернусь сюда, что бы ни случилось!

... Из-под песка высовывается костяная рука, хватая за ногу и пытаясь утянуть под песок несчастного и лишь удар сечки срубает пальцы неупокоенного...

Пламя алых плащей вновь раздуто чьей-то жестокой рукой,

Смерть на холодных мечях кричит, зовет за собой

В край безликих теней и туманных сновидений,

Мир лишенный мечты и надежды на спасение.

...лежащая полузасыпанная песком мумия, с большой флягой в руках. Подходя к ней, чтобы проверить по старой доброй наёмничьей традиции труп на предмет добра, а также драгоценной воды. Но труп давно стал прибежищем для скарабеев и черных пустынных скорпионов, которые хрустели под подошвами сапог. Те, у кого были высокие и крепкие кожаные голенища, оказались неплохо защищены.

Всё больше больших блоков из обтёсанного песчаника попадалось им на пути.

Воины продолжали шептаться. Особенно те, кто не отупел от размеренного марша и старался не заглядываться на графиню.

— Я знаю куда мы направляемся! Услышал, как капитан с графиней и проводником болтали. Земля заброшенных некрополей. Легенды говорят, что это осколок древних земель, некогда благословенной богами земли, превратившейся в пустыню из-за чудовищных войн, вроде как великим Некромантом из-за жажды власти.

Небо с восточной стороны потемнело. В них зародился далёкий гул, что начал усиливаться.

Растянутая воинская колонна, по приказу капитана тут же подтянулась, все поправляли амуницию и были готовы хоть зарыться в песок, уйдя от опасности, если будет такой приказ.

Гул постепенно усиливался и вместе с тем изменялся. Из него можно было вычленить стрекот и множественный стук, сливавшийся воедино.

— Это... Насекомые! — пересохшими губами прошептал рядом Орво.

Шипящий и стрекочущий рой жуков, как туча, извиваясь и колеблясь, приблизился к замершему в боевом порядке отряду. Стрекотавшая тьма над головой забурилась, как штормовое море.

— Нарушители границ... — произнес глухой и безэмоциональный голос из глубины шипящего облака.

Он родился из шороха жвал и гудения крыльев, скрипа лапок о пыльные панцири. Но это был голос. Понятный всем голос, хотя я бы затруднился сказать, на каком языке это было произнесено.

Сухо пощелкивая крыльями, кружащееся тёмное облако вместе с дуновением горячего ветра метнулось к нам.

И быть бы нам съеденными этой голодной тучей, если бы вперёд не вышла с развевающимися волосами и охотничьим костюме графиня и закричала. Она кричала что-то злое и тёмное, повелевая и останавливая голодных насекомых, не имеющих своего сознания. И её голос подействовал. Повинуясь жестам и голосу прекрасной девушки, жуки упали на песок и принялись закапываться, отчего все пространство перед “Белыми Быками” стало сначала напоминать огромное колышущееся чёрное море, которое постепенно впитывалось в песок.

Лонгли, высохший и обветренный, укутавшийся в широкую бывшую белую тряпку безжалостно подгонял своих воинов, он останавливался только на рассвете и на закате.

— Мы должны спешить! — графиня тоже не находила себе места, обходя людей отряда и подбадривая. — Владыки этих мест просыпаются и мы должны взять своё до того, как они проснутся окончательно. Тогда это будет сделать сложнее.

Блоки песчаника попадались уже так часто, что не заметили, как оказались в развалинах города. Не заметили и потому, что вокруг города бушевала песчаная буря. Песок отшлифовал до зеркального блеска большие блоки, которыми была выложена поверхность многих зданий и истончил некогда огромные и многометровые крепостные стены.

Бесконечное шипение песка заглушало все прочие звуки и походило на единовременное шипение тысяч змей.

Останки глинобитных домиков в пригороде постепенно сменялись всё чаще попадавшимися развалинами дворцов и храмов, некогда весьма величественных. Порой они были обрезаны словно острейшим мечом, а где-то валялись, не выдержав силы времени и стихий, просто грудой камней, будто бы играющий мальчишка захватил кубики в горсть и бросил вниз, не глядя на получившийся итог. Чем дальше мы шли, тем колоссальнее становились и постройки и развалины.

Мы заняли одну из развалин, потому как требовалось перевести дух. И частично это получилось, пока несколько бойцов не вышли из одного зала с несколькими небольшими кувшинами и кубками чеканного золота. Все тут же ринулись обыскивать развалины, перекапывать полу занесённые песком залы. То тут, то там раздавались крики, которые свидетельствовали о драгоценных находках. Но были и крики боли тех, кто нашёл более трагическую участь. Как например де Карпиньяк, который, найдя резную шкатулку, попытался её вскрыть кинжалом и ему брызнуло в лицо какой-то кислотой, которая изуродовала его лицо и выжгла глаза. Чтобы заглушить крики, пришлось дать ему вдохнуть кроху пыльцы чёрного лотоса, мощного наркотика, за хранение которого во многих землях полагалась жестокая казнь, при этом обладающий для людей и болепонижающим эффектом.

Это немного остудило горячие головы, вкуче с древками офицеров, напоминающими о дисциплине. Обнаружилось, что пропали несколько человек. Отправили несколько сильных партий на их поиски, но они вскоре вернулись ни с чем. Когда все немного успокоились, начали вспоминать рассказы дедов о том, что они сами слышали об ужасах этой земли. Кто-то вспомнил название нескольких городов и завязался спор, развалины ли древнего Махрака мы нашли, или какой-то другой город.

Проводник забился внутрь нашего отряда, испуганно и просяще лепеча что-то, обращаясь к графине, которая теперь тащила нас куда-то внутрь города.

С сухим шорохом из песка поднялись несколько десятков скелетов, удерживая высохшими костяшками щиты и копья. Похрустывая костями, они безмолвно построились в единый отряд, загородивший путь к высящимся впереди чёрным зданиям. В круглом бронзовом шлеме, лишь слегка покрытом патиной, и богатых наплечниках командующий ими скелет тряс нижней челюстью, будто бы проговаривая слова. Как будто он был вполне себе живым полусотником старой местной армии.

Раздались свистки и команды офицеров, наконец-то получивших себе противников и солдаты так же, сомкнув щиты, построились напротив. Арбалетчики вышли за их щиты и защёлкали своим оружием, выпуская по скелетам тяжёлые болты. Несколько болтов попала в черепа, опрокинув костяки и оставив их лежать на песке, а остальные либо вонзились в щиты, либо пронзили их насквозь и пролетели через кости, не причинив им особого вреда.

Пока арбалетчики стреляли болтами, на соседних улочках тоже зашевелился песок и полезли новые десятки и десятки когда-то уличной стражи, разбуженные нашей активностью. Лосли приказал отступить назад и занять пройденные развалины, чтобы не быть атакованным сразу со всех сторон.

Препятствуя этому, де Ниамель решительно приблизилась к капитану Ингберту. Её глаза, такие прекрасные, внезапно глаза стали бездонными и страшными. Призрачная улыбка коснулась изящных губ девы, но страшная сила в глазах никуда не делась.

— Лосли, сама Королева выбрала вас для этой миссии! Она знает, что вы выше и мудрее

всех остальных в вопросах войны и именно поэтому вам поручена эта сложная миссия. Я прошу вас соберитесь и давайте уже торопиться вперёд! Уверю вас, что скелеты, которые стоят на пути ваших войск, уступают им во всём и не смогут нас как-то задержать!

— Д-да, моя Леди, — поклонился капитан, влюбленно глядя на неё. — Развернуть знамя! — знаменосцы стянули чехол со свёрнутого знамени и наклонив древко, расправили его. Зачарованная ткань вспыхнула, полыхнула светом воодушевляя отряд. Когда-то все наёмники принесли на нём клятву кровью в верности. При виде него энергия привычно наполнила тело, снимая давно накопившуюся усталость и вера в успех дела стала несомненна.

— Вперёд, бегом-бегом! — зазвучала команда и я, вместе со всеми, непоколебимым катком побежал к находящимся в метрах двадцати скелетам, прикрытым щитами. Отряд на службе стригоев-ушоранцев не раз сражался со скелетами и ветераны давно знали, как надо действовать и не было у них страха перед этим врагом.

Опущенные копья сносили черепа с плеч и с лёгкостью протыкали черепа, да и внушительный вес бронированных, закованных в доспехи бойцов сам по себе оказался мощным оружием. Первые ряды скелетов были разнесены на части при столкновении или повалены под ноги. Бойцы зывали к Мирмидии, когда затоптанные, поваленные скелеты первых рядов рубили на куски. Задние ряды мертвецов пришли в движение, будто очнувшись ото сна, поднимая щиты и сгруппировавшись как раз вовремя, чтобы остановить полное уничтожение своего подразделения. Но им это помогло слабо. Вскоре весь вражеский отряд был уничтожен, и по их костям более двух сотен “Белых быков”, графиня с подругами и слугами, крохотный обоз, вырвались на простор и получили временную дорогу к своей цели.

Мы приблизились к большому и практически целому внешне комплекс низких массивных строений из черного мрамора, за которыми возвышалась белая башня из кости.

— Туда, пробиваемся туда! — указывала рукой графиня.

Из-за того, что входов в комплекс было несколько и они были довольно узки, чтобы пройти всем отрядом да ещё и вести обоз, капитан приказал его оставить и двигаться вперёд несколькими отрядами. На удивление, никто не возразил.

— Эй, капитан! А как же мы дальше? Если мы оставим здесь обоз и мертвые жители этого города его не тронут, то как мы будем потом добираться обратно? Уж животных они не пожалеют! А если и пожалеют — они же сдохнут от жажды. А как мы обратно понесём добычу? Много ли мы сможем унести в заплечных мешках, отбиваясь по пути? У нас и так еды и воды в обрез!

— Молчать! Думать это не твоё дело, боец!

Когда разбирали нужные для дальнейшего пути припасы из оставляемого обоза, дверца возка графини приоткрылась и оттуда выпало маленькое мумифицированное тело. Проводник-ичамец с криками и плачем бросился к телу своего ребёнка, выдирая из своей головы волосы.

— Наверное призраки. Мне жаль, что я не сумела их спасти... Я помолюсь за их заблудшие души. Я слишком увлекалась путешествием и давно не заходила внутрь. — тихо и спокойно произнесла де НеамельНеамель.

Вокруг стоял сухой шуршащий звук, словно шелест стаи саранчи. Это медленно, двигаясь как во сне, армия мёртвых вставала на ноги.

— Вперёд-вперёд!

Мы не успевали.

Скелеты выбирались на поверхность из-под песка и некоторых зданий, они поднимались на ноги, обращая ухмыляющиеся, пышущие злобой черепа в сторону живых и теплых врагов, и сжимая костлявыми руками бронзовые клинк. Они, пусть и медленно, но неотвратно направлялись за нарушителями.

Арбалетчики продолжали стрелять. Несколько выстрелов угодили в цель, но большая часть со свистом проходила насквозь.

А со стороны врагов, которых была полна вся площадь, показались отряды скелетов-лучников, которые натянули свои ветхие луки и выпустили в небеса навесом град стрел. Бронзовые наконечники ломались, ударяясь в щиты тяжёлой наёмничьей пехоты, или отскакивая от толстых доспехов, рикошетом отскакивали от полированных шлемов. Несколько воинов упали, когда стрелы попали между сочленениями доспехов, но в целом вреда выстрелы наносили также немного, больше беспокойя и досаждая.

Пехотные ряды столкнулись и раздался грохот ударов щитов о щиты, ударов металла о металл, стук костей и редкие крики раненых. Наёмникам в строю под страхом смерти запрещено было кричать — умри, но сделай так, чтобы в первую очередь командира было слышно. Ростовые щиты нежити неплохо их защищали, да и в целом складывалось представление, что это не просто кровожадная нежить, а воины гораздо выше уровня новобранцев. Правда отсутствие доспехов и недостаточная крепость костей играли не в их пользу.

Перехватить копьё посередине и удар из-за своего щита прямо в лоб нежити, пробивая его насквозь. Скелет осыпается, со стуком падают его щит и копьё, а на его место из второго ряда выходит следующий воин-скелет. Удар ему, но он приподнимает щит, пытаясь поразить меня кончиком копья в стопу. Хотелось прыгнуть вперёд и со всего маха пнуть проснувшегося, чтобы его высохшие кости разметало по окрестностям. Но увы, выходить из строя нельзя. “Быки” сильны именно строем и нельзя оставлять место, на которое может устремиться противник.

А потом над головами товарищей, черепов и наконечников копий я увидел нового страшного врага. Тот зашагал, скрипя кожей и гремя костями, вытянув безглазую псиную морду в нашу сторону. Ростом почти под три метра, частично человеческий, частично псиный скелет, с золотыми наручами, нагрудником, оплечьем, узким шлемом (всё в каких-то значках), держа на плече двуручный меч. Новый монстр шёл, раздвигая скелетов и целенаправленно направлялся к нам. А где-то в конце улицы, был виден такой же, но уже с птичьей головой.

— Это что за тварь? — спросил я возвышающегося у левого плеча кока.

— А хер его знает... — лаконично буркнул тот в ответ. До сих пор до конца не может простить ошпаренное лицо. Но гадости я от него не видел, прикрывали друг другу спины честно. Вот к Сутулому в нашем отряде я так и не научился доверять. Чувствовал от него некое ожидание — “ты только пойдёшь со мной в разведку, только повернись ко мне спиной...”

(отрывок стиха группы Abyssphere)

— Капитан! Нам пора уже что-то сделать, мы не можем так стоять вечно. Вам пора решать, капитан!

Ингберт тихо и устало выругался:

— Что-то я устал командовать. Тут не бывает хороших решений.

Он увидел направляющуюся к нему де Неамель и его глаза вновь загорелись.

— Арбалетчикам огонь по тем Дылдам! Ротам — медленно отступить! Знаменосец — приготовиться...

— Эти дылды — ушебти. Пока всего лишь ушебти. Мы движемся очень медленно, капитан. И я теряю терпение. У нас не так много времени до того момента, когда появятся настоящие хозяева этого места. — голосом графини можно было заморозить воду, если бы поблизости была эта вода.

Когда первый залп зашелкал по кости, дереву и бронзе, не причиняя никакого вреда, арбалетки поспешно принялись перезаряжать своё оружие. Но ушебти и последующие залпы не сделали ничего плохого (по крайней мере так виделось из рядов). Болты откалывали небольшие сколы с костей, если попадали или застревали в зачарованном металле.

А потом он начал размахивать своим мечом, не боясь задеть своих меньших костяных товарищей. И какими бы крепкими и стойкими не были бойцы “Белых Быков Гольшарк”, но выстоять под его размашистыми ударами было не просто. Щиты трескали, руки отсушивались и не имея возможности удержать оружие, подставлялись под многочисленные удары нежити. Если же ушебти попадал не по щиту, а по телу, то и доспех не спасал даже тогда, когда острое лезвие не разрубало крепкий металл — трудно сражаться когда металл вдавливается внутрь, сминая и ломая кости. Звон и треск сопровождали ушебти, продавливающего линии наёмников. Теряя товарищей, они пятились под этим натиском, в то время как тела раненых наёмников утаскивались скелетами в неизвестном направлении.

Де Неамель, стоящая позади войск и крайне недовольная, расставила ножки пошире, вскинула руки и выкрикнула горланное заклинание, после которого очень сильно побледнела и пошатнулась, отчего её подругам и слугам пришлось придержать на краткое мгновение, пока она вновь не пришла в себя.

Первые секунды ничего не происходило, пока короткий порыв тёмного ветра, будто состоящего из обожжённых песчинок, не прошёлся вдоль толп воинов-скелетов, сметая их со своего пути. Кости буквально рассыпались под действием гигантского наждака. Не менее сотни воинов-скелетов, скучившихся у отступающей стены щитов людей, оказались уничтожены. Трупы людей и те раненые воины, которые попали под ветер, лишились брони и кусков мяса, и их трупы, будто в анатомическом театре (видел такой в Канхейме) оказались выставлены на обозрение. Часть тела ушебти, обращённая к ветру, лишилась руки и смело часть шлема. Кисть, которая осталась от исчезнувшей руки, все так же удерживала клинок, болтаясь при каждом ударе, они стали гораздо слабее и медленнее.

Наёмники воспрянули духом!

— Гольшарк! Гольшарк! Гольшарк!

Мертвецы, как будто бы заколебались. Пронзительный свист меча и, я лишь чудом успел отпрянуть от удара ушебти, который должен был снести мне голову. Лезвие при этом,

едва коснувшись груди Орво, стоявшего от меня справа, ударило в стальной наплечник. Парой сантиметров выше и меч вспорол бы ему горло. Скелет, было сунувшийся ко мне, сраженный мечом кока, осыпался прямо под ноги, окатив костной пылью.

Когда я отошёл от удара, на моё место проскользнул стоящий позади меня воин, наверное подумав, что я убит. У меня появилась возможность передохнуть, но видя, что скоро к нам подберётся второй ушебти, только свежий и птичеголовый, я решил действовать без приказа. В моих интересах было победить!

Кинув под ноги щит, я опёрся на копьё и придерживаясь за стоящих во втором ряду солдат, прыгнул выронив копьё на искалеченного однорукого ушебти, когда он опустил в очередной раз свой меч на солдат. Цепляясь за его торчащие рёбра, я оказался на его спине и достав сечку, принялся рубить ему шею и затылок. Меня пытались достать копейными остриями скелеты-воины, и приходилось поджимать ноги и балансировать на негодующем от моих действий псиногловой мёртвой твари, но упускать момента я не собирался. Я рубил, и костяные щепки летели от моих ударов.

За время, проведённое в отряде, я не отказался от этого “кухонного” оружия. Сечка, предназначенная для рубки капусты, представляла собой небольшую обоюдоострую секиру с увестой ручкой и лезвием. Для простого человека долго орудовать в бою такой было проблематично, если только не двумя руками, а мне вполне по силам. Заменив простую деревянную ручку на ветвь железного дерева и нанеся на лезвие малую руну укрепления, купленную у гномов за пять золотых (скаредные коротышки!) я стал обладателем своеобразного оружия. Надо мной порой посмеивались наёмники, советую купить уже нормальный топор или секиру, но мне сечка стала близким оружием.

И сейчас я рубил ею нежить так, что щепки летели! Только вот оказалось, что в шее у ушебти оказался металл. Это точно труп? Я засомневался. Подцепив когтями металлический прутик, свитый из множества перекрученных тонких золотых и серебряных нитей, я вырвал его из шеи умертвия, и неожиданно полетел вместе с рассыпающимися костями вниз, придавливая нескольких воинов-скелетов.

Это конструктор!

На мгновение мне показалось, что сейчас возможно будет победа, пусть и кровавая. Что мы, второго ушебти толпой не запинаям?

Но, имея дело с мертвецами, не стоит на это рассчитывать на лёгкую победу.

Из соседней улицы вырвался отряд из почти сотни всадников-скелетов, гремя костями и атакуя левый фланг сражающихся, занятых с фронта чудовищами и повернутых спинами ко входу в комплекс. Среди “Белых Быков” началась паника, захлестнувшая воинов. И мало было этого, как тут же земля под ногами людей взорвалась обломками камней и почерневшего песка — и выскочили два могильных скорпиона. Бронированные клешни и хлещущие во все стороны жала скорпионов крошили испуганных воинов. За несколько минут организованное сопротивление прекратилось, наёмники утратили последние капли отваги и ринулись отступать, толкаясь на входах в комплекс.

Я отступал в последних рядах и через шум услышал голос графини, отдающей распоряжения таким голосом, будто бы всё идёт нормально.

— Карина, ты в тот проход! Джаннат — туда! Не забудьте про силы.

В узких проходах было легче обороняться, и ни ушебти, ни всадники нас там, среди полированных блоков песчаника, не преследовали. Мы бы и пехоту скелетов там легко остановили, если бы не паника, заставляющая бежать и искать укрытие, теряя товарищей,

которые бежали последними. Мы не видели знамени и шлема капитана, который всегда было видно по колышущимся перьям плюмажа и от этого паника только усиливалась.

Я схватил за руку де Карпиньяка, слепо тычущегося во все стороны и потащил его в один из поворотов, куда побежала часть наёмников. Странно, как Лузо ещё не погиб!

Поворот оказался довольно просторной комнатой, где оказалось пара дюжин человек, подруга графини Карина и проводник-ичамец с высохшим телом ребёнка на руках. Пара бойцов встала в довольно узком проёме, не давая скелетам проникнуть внутрь и сдерживая их, ещё пара встала за их спинами, прикрывая и готовясь подменить, тогда как остальные получили время для передышки.

Людам надо было отдохнуть и прийти в себя после поражения на входе в этот комплекс.

Я устроил стонущего и окровавленного Лузо у одной из стен, и сел рядом, приюхиваясь. Кто-то не забыл взять с собой мешок с едой и я теперь пытался понять, у кого он находился. Но сперва надо было перевязать странствующего рыцаря, пока он окончательно не истёк кровью. Сняв наплечники и кирасу, начал срывать рубашку, которой и затыкал порезы.

Карина, бледная и трясущаяся, стояла рядом. Один из ветеранов, сняв шлем с седой головы и утирая пот со лба, попытался её успокоить.

— Девочка, успокойся. Мы во многих передрягах были и из всех выбирались. И отсюда выберемся с добычей и хозяйку твою, графиню, найдем.

Он ободряюще похлопал девушку по плечу и она прильнула к нему, всхлипывая в его руках.

Проводник-ичамец безумно смотрел на нас и когда я проходил к следующему раненому, он схватил меня за край плаща, показывая жука, с подобно черепу панцирем, что-то твердил. Проглатывающий звуки модриец, знающий язык ичамцев переводил:

— Онгрит, что этпожрающие плоть жуки Кхепра, посланники бога Подземного мира Усириана. Они, типа, проводники его воли в мире смертных, и их глазами Усириансмотрит за грехами всех людей. Хрень какая...

В коридоре раздавался шум битвы и нам надо было решать, что делать дальше. Пока я перевязывал Лузо и ещё нескольких бойцов, раз уж взялся (заодно вытащив с разрешения хозяина за это кусок вяленого мяса) девушка всё всхлипывала.

— Эй, Лютар, обними уж ты её покрепче! Обычно в твоих объятиях девушки стонут от удовольствия, а не плачут.

Наёмники специфичные люди. Даже в такой тяжёлой ситуации они готовы были острить и сыпать похабными шутками.

— Лютар, хватит уже трястись! Тоже решил порыдать? — не унимались бойцы.

— Эй, мужики, что за фигня?

Я обернулся на возглас. Лютар, ветеран, трясся мелкой дрожью, а Карина продолжала обнимать его своими тонкими ручками, прикинув к шее. Ещё миг и она обернулась к говорившим и мы увидели, что вся её застенчивая и милая мордашка перемазана в крови.

На губах девушки играла уверенная улыбка, которую мы ни разу не видели, обнажившая два длинных тонких клыка. Она излучала силу и уверенность, убеждённость в собственном превосходстве над нами.

— Ммм, не удержалась, — она облизнула язычком губы, — вкуснооо...

— Она его кусает!

— Она пьёт кровь!

— Это, бля, вампирша!

Тут же прозвучало от вскакивающих наёмников:

— Руби её, паскуду!

Сделать это оказалось очень не просто. Вампирша двигалась с феноменальной скоростью, раскидывая и пытаясь разорвать на части всё на своём пути. Зрелые опытные ветераны от её ударов падали как будто их били стенобитным тараном!

В какой-то момент я осознал, что почти половина нашей группы лежала на полу.

Она шипела, как рассерженная кошка, быстро прыгая и кусая людей, стараясь прокусить шею и добраться до крови, чему мешали кольчужные ожерелья и латные горжеты, лягаясь своими точёными ножками.

И будь у неё побольше пространства для маневра, кто знает... Во время очередного прыжка она оказалась рядом со мной и реакция молодой вампиршинаткнулась на мою реакцию мутанта.

Масса тела её никуда не делась и от моего удара перчаткой (а вес у меня уже под сотню килограмм) её отбросило к стене и хоть она тут же попыталась вскочить и метнуться в сторону, но удар тяжёлым щитом откинул её к стене. А затем мы просто её прижали и забили мечами и кинжалами.

Однако мы помнили, что мертвецов не так-то легко убить! А потому напоследок разрубили её на части.

Одному она успела свернуть шею, несколько оказались серьёзнопорезаны когтями. Собрались над лежащим навзничь телом Лютара.

— А он не превратится в вампира? — прозвучал главный вопрос.

— Не знаю...

— Да отрубите ему голову! Не хватало, чтобы среди нас ещё одна нежить оказалась!

Что и было сделано. Товарищество товариществом, а свои жизни беречь надо.

— И что теперь делать?

— Надо пробиться к капитану и остальным, рассказать им об этих тварях, замаскировавшихся под бретоннок.

— А когда пробьёмся — сможем её одолеть?

— Пфф, спрашиваешь... Мы вон одну уделали, а нас там будет толпа, мы и её и этих мумий раскидаем! В помещении им всякие здоровяки и дохлая кавалерия не помогут!

— Даа, жаль Курта здесь нет с его громкой дурой... — протянул Орво. Курт, когда-то утащивший с тонущей галеры мелкое орудие, так и в наёмниках с ним и воевал. Он всегда его заряжал картечью и бил в упор наступающих врагов, прячась за спины. Но ещё в начале этой кампании он был ранен ичамской стрелой и его увезли куда-то в Гондре на излечение.

А мертвецы — все продолжали и продолжали прибывать... Бойцы, что держались у дверей даже не заметили как мы разобрались с вампиршей, взвыли:

— Мы будем уже что-то делать?!

— Пробиваемся. — переглянувшись, решили все. — К той башне, за комплексом.

— Ты, нелюдь, пойдёшь первым. — один из ветеранов ткнул мне клинком меча в грудь.

— А ты не охерел ли часом, решать такие вопросы? Ты что, командир? — протолкался к нему Орво.

— А ты чего за нелюдь вписываешься, а? Может ты тоже какой там вампир? А то мы вот одну упустили, так может ещё среди нас один есть?

— Друзья, — громко попросил Лузо де Карпиньяк, его голос был мрачен и

решителен. — Дайте мне оружие. Я хочу умереть как воин, а не как подвальная крыса. Я пойду первым!

Никто не спорил, ибо понимал, что это уже бесполезно.

Насколько мы успели узнать Лузо, он был тем ещё упрямым, что тоже было типично для бретонцев. К тому же все тут были воинами и понимали, что к каждому так или иначе придёт смерть. К кому-то на поле боя, к кому-то в виде пьяной драки или просто последствий пьянки, к кому-то в виде дизентерии или ещё какой хвори, а кому-то удастся даже умереть в кругу родных. Но рано или поздно она придёт. И если стоит выбор — встретить смерть полным сил, способным держать оружие, в пылу боя, или жалким калекой, просящим милостыню и подышающим с голода, то для многих второго варианта даже существовать не будет. Особенно для повернутых на чести бретонских рыцарей.

Мы вытерли ему лицо и сменили ему повязку на вытекших глазах, плотно перевязали порезы на теле.

Доспехи рыцаря Лузо были совсем старыми, со множеством царапин и вмятин. По нагрудным пластинам можно было проследить весь его боевой путь и видны были следы многочисленных ремонтов, наручи, горжет и кираса были покрыты темными пятнами, словно выжженными какой-то кислотой. Одежда тоже не отличалась модой и красотой — обычная одежда воина. А вот его меч был великолепен, прекрасный полуторник, с которым когда-то Лузо обращался великолепным образом, обучая с помощью него неопытных воинов и не беря за это никакой награды...

С молчаливым почтением, мы подали ему меч, надели щит на руку и шлем на голову. Пусть доспехи были для него сейчас тяжелы как никогда ранее, но де Карпиньяк никоим образом не показал это.

— На турнире в лёШати, — произнёс он, — в знак любви и уважения прекрасная Ди подарила мне шарф — зелёный шелковый шарф. Во имя тебя, моя Леди, моя любовь, я совершу свой последний подвиг.

Он слепо вытянул из-за манжеты боевой перчатки небольшой зелёный шарф с когда-то белой оторочкой, теперь измазанной кровью и повязал себе на руку, а затем поднял свой клинок.

— Доблестные мужи! — закричал он. — В сей день нам угрожает ужасный враг! Не значит ли это, что мы должны ли мы сдаться?! Нет! Мы должны спасти наших друзей от ужасной участи! Нет миссии прекраснее на свете!!! О моя дева и мой могучий меч! Не видать пощады врагу! Вперёд, воины!!!

Стоящие “в пробке” воины раздвинулись и повёрнутый в ту сторону Лузо, выставив щит, таранным ударом снёс повалившую оттуда нежить и устремился в коридор. Едва успев быстро построиться, под командой Орво мы последовали следом, выкинув мешающие здесь копья и круша кости и черепа скелетов мощными ударами топоров, секир и мечей.

Мы давили их сходу, массой мышц и железа. Легко прошли бутылочное горлышко и почти так же легко крушили врагов, столпившихся, мешающих друг другу наносить удары, многие из которых были вооружены бесполезными в толчее копьями и почти безоружные, бесполезные здесь скелеты-лучники также стояли здесь через одного.

Наш маленький отряд пробивал себе путь среди мумий и скелетов, топча и круша их, и продвинулись, в конце концов, в заброшенный зал, где будто бы к обеду были накрыты несколько пиршественных столов. Еда давным-давно уже истлела в прах. Так же как и едоки, чьи иссохшие кости ворочались, поднимаясь нам навстречу.

Однако он был один, ранен, а нас было более дюжины, включая не отстающего ичамца. Первые бойцы сдержали его натиск щитами, тогда как остальные окружили и просто в кучу мяса изрубили гада. Куском овчины промокнул кровь на страшной ране Орво, перевязали и бросились дальше.

В здании нам открылись новые коридоры. Казалось, что башня внутри в разы больше, чем снаружи. И здесь явно чувствовалось, что это место, где обитали когда-то богатые и могущественные люди. Резьба на стенах показывала события, когда могущественным существам с головами животных приносили в жертву скот и детей, а они охраняли своих от различных жутких созданий. Возможно это был когда-то храм?

Расслабившись от того, что прошедшая здесь графиня с людьми перебила всю восставшую охрану, мы пропустили момент, когда из стенной ниши вылезла сухая перемотанная мумия (вроде как когда-то бывшая женщиной), с зашитым ртом и глазами, вооруженная длинным и узким кинжалом. Даже в движении она не издавала ни шороха, будто бы была нереальна.

Длинный и узкий порез, оставленный ею, привел меня в ярость — столько пройти и вот так подставиться! Увернувшись от следующего удара, одним сильным ударом срубил ей обе стопы. Как бы она не хотела — но рухнула вниз, где сечкой разрубил мерзавку.

А после этого как попёрло.

На нас вышел отряд, состоящий как из поднятых восставших мёртвых наёмников, так и скелетов, как и прежних копейщиков и мечников, так и новых, вооруженных большими, лишь отдалённо напоминающие двуручники Империи клинками.

Копье врага нацелилось мне в грудную пластину доспеха (как хорошо, что когда-то всё же купил доспех! А ведь не хотел — и лишь после того как самому капитану сообщили, мне пришлось отправиться по кузнецам), а я ударил по шлему копыеносца, и ниже, подрубив тому колено сбоку. Копейщик рухнул, а я прямо по его костям пробежал, бросаясь к следующему врагу.

Наш бывший мертвый товарищ оказался непростой целью. Ржавое лезвие неизвестно где подобранного оружия вспороло коку плечо. Я заблокировал второй удар щитом, но он уже не выдерживал такого обращения и по нему пролегла трещина. Смог дотянуться ударом до восставшего, но лезвие оставило вмятину на шлеме, не убив несчастного наёмника. Я еле успел подставить под ответный удар треснувший и расползающийся щит, чтобы уже мне не выпустили кишки, причем сохранил пальцы в целости только чуду и крепости перчаток. Мгновением позже ему срубил голову кок своим топором.

Уставшие воины хрипели, изрыгали проклятия, богохульствовали, стонали и рычали от получаемых ран, но продолжали сражаться.

— Мирмидия!

— О, Зигмр! Я иду к тебе! — хрипел умирающий модриец. — Прими же меня!

— Да трахни вас Морр, когда вы уже все закончитесь?!

Трещали кости, подгнившие тела разлетались на куски.

Уцелевший “двуручник” прыгает на меня, сжимая в руках здоровенное лезвие. Уход вниз и поворот. Сечкой со всего размаху бью его голенищу. Я отбиваю в сторону клинок, ударом разбрасываю кости скелета-мечника по коридору. Нагибаюсь и полоса стали отскакивает от стены. Удар по шее и воин рассыпается на мелкие части.

Не успеваю от следующего удара и наконечник копья попадает прямо живот, чуть выше пупка, оставляя вмятину, но не пробивая, и он со скрежетом засел в броне. Копьё в его

костлявых руках мешает до него дотянуться, но тут выручают, как всегда, товарищи и крушат гада.

Я обернулся. В проходе стояли ещё несколько целых скелетов, но добраться до них не мог — спины товарищей, бившихся с ними, прикрывали их. Хотел уже предложить перекинуть меня им за спины, но потом представил, как бы они попробовали это сделать и отказался от мысли. Впрочем, они справились и так.

Все. Изломанные кости и мертвые в коридоре даже не шевелятся. И среди них Кок и Сутулый.

Даже не стал проверять пару раненых: судя по тяжести ранения, они были не жильцы. К сожалению, приходилось решать, что делать, так как унести мы их не могли, а оставлять будущую нежить... Приоритеты стояли именно так и они это понимали. И счастье, что у них хватило мужества нас попросить о быстрой смерти, как и Лузо, павший в одном из коридоров.

Было душно, я промок от пота, и порезанная рука доставляла адскую боль, отчего-то медленно заживая, опять хотелось есть и скинуть железо с тела. Доспех это круто, но драка в нем — это больше когда моя сила ломит их силу, бой в строю. Без него больше шансов на то, что от тебя что-нибудь отчекрыжат или проткнут, но и больше пространство для манёвра, для неожиданных ударов.

Пока была возможность, подчистил вещевой мешок от продуктовых запасов, спешно глотая и теряя крошки. Своевременная кормёжка — это сила! И в прямом смысле тоже. За время в наёмниках, проведённое в постоянных упражнениях и драках, со своевременным калорийным питанием, я заметил, что и внешне изменился — ранее худошавый, даже похожий на скелет, обтянутый тонким мехом, тело нарастило мышцы. Мех стал не клочковатым, как ранее, он стал ровным, блестящим и даже немного лоснящимся.

А сейчас я дышал костяной пылью и чувствовал, понимал, что если выживу, то вряд ли останусь таким как прежде. Что-то во мне менялось, подстраиваясь под смерть вокруг. И не сказать, хотел я этого или нет.

А ещё я был зол. Зол на всех. Вампиров и жадного капитана, что завели нас сюда. На друкаев, грабящих и режущих всех ради своих богов и потехи. Людей — ведущих постоянные войны между собой под знаменами разных государств и объясняющих всё волею богов. На восставших мертвецов, которым не лежит в своих могилах, и которые стерегут свои богатства, которые им уже ни к чему. На зверолодов, крысолюдов, ящеров и прочих, и прочих... Что же с этим делать? Как остановить бесконечную кровавую вакханалию вокруг? Как велит Рогатая своим последователям — убить и разрушить всё вокруг, чтобы всё сгнило, чтобы просто некому было творить эту непрекращающуюся дикость?

Нет у меня ответа на этот вопрос. Но очень хочется найти. Особенно когда сам находишься на краю смерти. И может то, к чему так долго и с такими жертвами для окружающих добиралась графиня де Неамель, поможет мне в этом?

Но графиня... Она знала как выбраться обратно, иначе бы не жертвовала людьми так бездумно, не гнала вперёд. Мне надо дойти до неё и убедить меня взять с собой. А выбравшись отсюда, можно уже и отомстить...

За всеми этими стычками, битвами в коридорах, мы добрались до лестницы, что уходила и вниз и вверх. Но судя по следам на пыли, графиня пошла вниз.

На лестнице же было худо: тут активно применяли магию и этот магический удар свалил как бы не всех оставшихся слуг графини. К своему стыду, я не помнил, сколько их

всего было. А ещё тут были несколько безоружных и бледных трупов наёмников с прокушенными шеями. И ни капли крови. Тварь.

В помещении, в которое мы спустились было грязно от пыли, но очень светло, из скоб на стенах торчали горящие масляные лампы... Блоки из отполированного песчаника и немногочисленные лакированные ширмы стояли у стен, образуя ниши, а все стены были разрисованы традиционными для этих мест жёлто-зелёными узорами и письменами.

За этим дивным залом находилось ещё одно помещение. Темное, с низким потолком. Гладкий красный песчаник сменялся там блестящими блоками отполированного базальта, соединенными так искусно, что невозможно было увидеть швы между плитами. Тут и там резьба слегка оттенялась серебряной пудрой или драгоценным растертым жемчугом: пейзажи плодородных долин и широкая река, а на далеком горизонте возвышалась горная гряда. Детали были расплывчаты и выглядели еще более эфемерными из-за неверного света масляных ламп, мерцавших вокруг мраморных носилок в центре комнаты, на которых стоял небольшой ковчег. Неподалёку от входа лежало тело Ингберта Лосли, а его голова была в нескольких шагах от тела. Голова, с торчащим куском скальпа придавила помятое и запылённое знамя “Белых Быков”.

Рядом с постаментом стояла подруга графини, Джаннат и единственный оставшийся слуга. Несколько наёмников сидели на коленях у стен со выпученными и будто бы стеклянными глазами. На первый взгляд с ними всё было нормально, синяки да ссадины. Но графиня хорошо им дала по мозгам, она и без магии такое может.

Сама де Неамель стояла возле ковчега и водила над ним руками, приглушённо ругаясь.

Не получилось появиться скрытно и меня и нескольких выживших наёмников с Орво тут же атаковала Джаннет и слуга.

От проклятого зубастого слуги наёмники стали отмахиваться клинками, а вампирша взяла себе меня, походя срезав тонкой саблей голову одному из бойцов.

— Осторожнее, моя Джан! Будь экономнее с кровью! Калечь, но не убивай. — не отвлекаясь от своего занятия крикнула графиня.

Быстрая, уходя от удара, успел заметить я. Очень быстрая! Я был готов к подобному, помня Карину, что фаршем была размазана по одной из комнат пройденного комплекса.

Отразив повторный удар проклятой твари, я подбил саблю противницы вверх и, проскользнув под ним, одним ударом вспорол вампиршу от горла до паха. Её тело рухнуло к моим ногам и несколькими быстрыми ударами я отделил голову и конечности от тела

— Попробуй заживить это, тварь.

Оглянулся — слуга тоже валялся кулем на плитах пола.

Графиня отвлеклась от своего занятия и зарычала:

— Тупой скот! Как вы посмели...!

Быстро отвлекшись от своего таинственного занятия, она вскинула руку в нашу сторону, на секунду глянула на нас снова, несколько странных слов и от её руки отделился быстрый тёмный сгусток, полетевший ко мне. Мы с наёмниками выставили щиты, загораясь от него, но от магии простые вещи не защищают... Взрыв и щиты разрывает на куски, у мужиков оторвало левые руки, удерживающие щит, лица исполосовало щепой. Орво откинуло в сторону.

А мне хоть бы хны. В последний момент успел заметить как вспыхнула серебристая плёнка/сияние вокруг меня, исходя от талисмана в форме щита на шее. В кой-то веки сработал! Может он больше по защите от магии, чем от простого оружия? Потому что уже со

времён бегства с Ковчега он ни разу не защищал меня ни от чего. Правда и опасностей таких, как сейчас, не было. Метнулся к Орво — пульса нет, слишком много страшных ран.

— Прости, Орво...

— Занятная зверушка! Ты подожди, я сейчас закончу и перекушу тобой.

— Я зверушка не более чем ты, кровососка.

Её лицо ещё больше побледнело, даже постарело, но она удержала себя в руках.

— Ничего-ничего, поговори немного.

— Какое самомнение!

— Никакого самомнения, только опыт.

Я подобрал пару небольших камушков с пола. Вытащил с пояса капитана его нож (прекрасная сталь и баланс!), приготовившись его метнуть. Мне было очень интересно, что же там она собирается достать и одновременно опасался, что эта вещь её усилит. Но это может и меня усилить! Так что может пусть достанет? А вдруг она сильнее? Но ведь уже вон с Джаннат разделался...

Камешком кинул в одурманенных бойцов. Камешек угодил прямо в лоб одному, оставив наливаясь шишку, но тот не пришёл в себя. А следом в меня прилетел ещё один сгусток тьмы, сбивший с ног — и сияние амулета стало поменьше. Истощается.

— Но-но, не трогай мой запас, зверушка!

— Поверь, кровососка, у меня нет никакого желания убивать тебя. Но я это сделаю.

— Я выкупаюсь в твоей крови, прячущийся мутант, как там тебя...

— Хейм.

— Плевать! Твоя смерть станет вечной пыткой!

— Раз уж мы так мило беседуем, тварь, то может ответишь мне на пару вопросов? — я наблюдал за ней и видел, что ей тяжело, она тратит довольно много сил. Для этого видимо и людей приготовила рядом, чтобы потом быстро подкрепиться, восполниться. У меня должен появиться шанс... Главное не пропустить момент.

— Ооо, а ты не так прост. Давай свои вопросы. Даже любопытно.

Собраться, надо собраться, чтобы не пропустить...

— Ты ламия?

— Ты прав, зверушка.

— Давно вы в Бретоннии?

Она сверкнула глазами.

— Нам нельзя об этом распространяться... Но я же тебя выпью. Мы последние два века строили связи в этом государстве, беря скот в свои руки.

— Что так долго?

— Да ты представляешь сколько нас всего попало в этот мир? Одна Королева! Собрать сестёр, продумать план и начать прибираться и отбивать скот стоило сил и времени!

— Почему скот?

— Потому что люди были бы ничем без нас. Понимаешь ли ты, сколько их вождей, королей, графов провели свою жизнь в качестве наших рабов? Сколько бы без нас не было бы принято мудрых законов, и сколько бы крестьян умерло или пухло с голоду? Люди слишком слабы, чтобы позволить им управлять собой. Только под нашим руководством люди могут достичь великих свершений! Без нас они падут перед Хаосом или чем похуже!

— Похуже Хаоса?

— Такими как ты, крысолюд! Перед древними царями песков! Перед... Ай! Перед

многими опасностями!

— Тогда зачем эти войны герцога из Гондре с ичамцами?

— Стадо иногда надо прорезживать. На войне умрут сомневающиеся. Мы дольше будем сыты, пополнив подвалы пленными, чтобы не возбуждать подозрения у бретонских простаков. Ну и можно в ходе резни выполнить кровозатратные ритуалы.

— Артефакт в твоей повозке?

— Ооо, догадался?

— Почуял.

— Чуешь? — удивилась она. — Действительно редкая зверушка. Нет на тебя некрарха. — тихо пробормотала она.

— Именно поэтому у нас такой странный путь? В пустыню же проще было пойти другим путём, как говорили люди.

— Проще, но нужна была кровь для зарядки артефакта сокрытия. Резня в Тринее помогла. Добавить рыцарям буйства и вот уже артефакт полон! И сложность — если его включить, то выключить, пока не разрядится невозможно. Даже не знаю, как я буду его доставлять Королеве. Крови “Белых Быков” должно было хватить на обратный путь. — даже пожаловалась она.

— Почему в крепости ичамцев, Хенаяди, ты убила того бретоннца-калеку?

— Если бретоннцы пробудут какое-то время без нашего контроля, то вспоминают всё. В том числе и те приказы, которые мы им отдавали и всё прочее... Наше кормление, к примеру. Нельзя было рисковать...

— Расскажешь, почему именно кровь вам нужна? Почему не едите мясо людей?

Она стояла, склонив голову набок, в позе прислушивающегося человека, но вот к чему она прислушивалась, я даже не мог предположить.

— Тела людей, как и тела всех живых существ, со временем накапливают силу. — Безжизненный и безэмоциональный мужской голос раздался из темноты. В проёме, откуда мы все пришли, показалась фигура закутанная в плащ. — И больше всего её накапливается именно в крови... Можно увеличивать количество силы через мучения и агонию, как нам поведал Учитель. И тогда, вскрыв горло жертве, мы получим ещё больше жизненной силы.

Графиня бросила ковчег и попыталась броситься к людям, но прямо в прыжке замерла, как попавшая в толстую паутину муха.

— Мне стало любопытно, что тут твориться, в таком глухом и заброшенном месте. Что за глупцы рискнули разбудить то, к чему не стоило и близко подходить

По прекрасному лицу вампирши потекли красные струйки, и она запричитала:

— О нет, прошу Вас, милостивый господин! Пощадите! Я стану самой верной Вашей слугой! Я убью всех Ваших врагов!

— Не надо слов, ламия. Я слишком хорошо знаю вашу линию, чтобы верить твоим лживым словам.

Де Неамель словно обьяло невидимое пламя. Её тело чернело, ссыхалось, наружу начали выпирать белые кости, волосы седели и опадали с голого черепа, пока все тело просто не осыпалось черной пылью.

Фигура направилась к ковчегу. А я осторожно за ним наблюдал замерев. Потом, видя, что на меня не обращают внимание, подошёл к валяющемуся в пыли знамени “Белых Быков Гольшарка” и скинув с неё голову капитана, завязал на теле.

— Слишком дорогая цена, графиня, оказалась у этой вашей экспедиции. Что же ты

хотела здесь взять... — вздохнул я, оглядывая поле боя, усеянное трупами товарищей и первого друга, который у меня появился, вперемешку с мертвяков.

Фигура повернулась ко мне. Капюшон свисал так низко, что тот, кого он скрывает, физически не мог ничего видеть. Значит видел по другому, способом, где глаза не нужны

— Я слышал, ламия сказала, что ты любопытный экземпляр. Действительно так — пару сотен лет не видел таких, как ты в наших краях. А то, что она хотела забрать здесь: этот артефакт только для мёртвых... Живые его просто не почувствуют.

Я вспомнил о своих лелеемых мечтах. О том, что хватит плыть по течению судьбы. О том, что надоело скитаться. О том, что не хочу уже скрывать свой облик и может быть удастся его поменять... Я сделал шаг вперёд.

— Господин, у меня есть к вам предложение.

крайняя ИНТЕРЛЮДИЯ этого тома

В погребальной камере стояла группа жрецов, держа в руках священные алебастровые сосуды. Высокие, царственные, в черных потрепанных временем мантиях погребального культа Кхемри; на блестящих головах венцы, усыпанные сапфирами и рубинами, узкие бородки перевиты полосками чеканного золота. Жёлтая кожа обтянула костлявые лица.

Они стояли перед мраморным сакофагом, на поверхности которого были вырезаны зловещие символы власти, а воздух, окружающий этот гроб, был холодным и сырым. Жрецы, опустили на колени перед восемью ксосудами, ставя их вокруг саркофага.

Потом, под читаемые вслух древние тексты культа, двое жрецов отделились от группы и перерезали горло нескольким пленникам, которых притащила стража.

В помещении раздавался звон серебряных колокольчиков, отпугивающих злых духов, способных помешать ритуалам пробуждения.

В темноте саркофага раздавались звуки.

Тяжёлая крышка сдвинулась усилиями мёртвых прислужников, явив свету старшего жреца. Одежда его истлела очень давно и рассыпалась, обнажая исписанную символами защиты и неприкосновенности пергаментную кожу, и лишь зачарованные украшения указывали на его положение.

Старший жрец повернул свой череп к своим помощникам при жизни. В запавших глазницах разгорался зелёный огонь. Челюсть неуклюже задвигалась.

Древний жрец попытался глубоко вдохнуть, наполняя легкие священным фимиамом, курившимся в трех маленьких жаровнях, но его дырявые лёгкие были на это неспособны. Из иссохшихся связок вырвался хриплый голос, молчавший многие сотни лет.

— Зачем вы меня разбудили?

В его горле со щелчком восстановились хрящи. Сила крови, пошедшая на ритуал, принадлежала крепким мужчинам и хорошо ему подходила.

Его забальзамированное тело подняли из саркофага.

— Во славу Пхакта, о Хасамеф. Стража не смогла отбиться от нарушителей. Один ушебти повержен. Нарушители выкрали реликвию. Нам нужно твоё слово.

— Требуется покарать презренных воров, где бы они ни были и вернуть реликвию. Будьте всех!

Больше книг на сайте - Knigoed.net